

ПИСЬМА

13 октября 1934 –
16 мая 1935

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской,
О.П.Флоренской

13 октября 1934 г.
Кемь

1934.Х.13. Кемь. Дорогая Аннуля, весьма беспокоюсь о вас, т.к. 2 месяца не знаю ничего, а к тому же вы были в дороге¹. Писать мне было нельзя, да и нечего, т.к. я ничего не знал определенного². 16 авг. выехал из Рухлова, с 17 по 1 сент. сидел в изоляторе в Свободном, с 1 по 12 ехал со спец. конвоем на Медвежью Гору³, с 12 сент. по 12 октября сидел в изоляторе на Медв. Горе, а 13 приехал в Кемь, где нахожусь сейчас. По приезде был ограблен в лагере, при вооруж. нападении и сидел под тремя топорами, но как видишь спасся, хотя лишился вещей и денег; впрочем часть вещей найдена. Все это время голодал и холодал. Вообще было гораздо тяжелее и хуже, чем мог себе представить, уезжая со станции Сковородинской. Должен был ехать в Соловки, что было бы неплохо, но задержан в Кеми и занимаюсь переписыванием и заполнением учетных карточек⁴. Все складывается безнадежно тяжело, но не стоит писать. Никаких особых причин к моему переводу не было, и сейчас довольно многих переводят на север. Крепко целую вас всех, особенно мальчиков, которых я не видел. Мои вещи⁵ – белье и проч. – попроси Павла Никол.⁶ прислать тебе, но не мне, т.к. мне невозможно с ними возиться. Живу я сейчас в колоссальном бараке⁷ и притом в огромной комнате с нацменами, так что слышатся разговоры на всех восточных языках. Послать телеграмму не могу, т.к. нет денег, хорошо, продались 2 открытки. Здоров, но конечно очень отощал и ослаб. Кемь город отвратительный – сплошная грязь, серо, тускло, безрадостно, хуже не придумаешь. Расчитывать* на научную работу здесь совершенно невозможно, не только серьезную, но даже какую-нибудь.

Постоянно вижу всех вас пред собою, несмотря на сильное ослабление памяти и общее отупение.

Пишите мне по адресу: г. Кемь, 1-й лагпункт 9-го отделения ББК⁸, мне. Жду вашего письма, пишете скорее. Крепко целую.

П.Флоренский

«25892
Флоренский
Павел Ал-др. 27/ II 33»
Бутырская тюрьма

Дорогая мамочка, очень беспокоюсь о твоём здоровье*. Крепко целую тебя. Обо мне ты узнаешь от Анны, но это сведения уже обезцененные существенным изменением условий, в которых я нахожусь. Целую Люсю, тетю Соню. Как Саша? Поправился ли? Крепко целую тебя.

Адрес написан выше.

П.Флоренский

Почтовая карточка (148×105 мм) с агитационным агрономическим текстом, маркированная, доп. марка 5 коп. Штемпели: Кемь – дата нрзб.; Москва – 20.10.34.

Адрес: «Москва, Плющиха, угол Долгого и Новоколюшенного пер., д. 12, кв. 7. Ольге Павловне Флоренской». Чернила фиолетовые.

Письмо написано фиолетовыми и черными чернилами.

1. 1 июля 1934 г. Анна Михайловна Флоренская с тремя младшими детьми – Ольгой (15 лет), Михаилом (12 лет) и Марией-Тинатин (9 лет) – приехала к П.А.Флоренскому в Рухлово.

Это было самое счастливое и в то же время одно из наиболее драматических событий в лагерной биографии П.А.Флоренского – последняя встреча и, по сути дела, прощание с семьей. В канун их отъезда он под конвоем был вывезен в лагерь г. Свободный, а 1 сентября 1934 г. отправлен в Соловецкое отделение Беломорско-Балтийского исправительного трудового лагеря НКВД. Из воспоминаний О.П.Трубачевой: «Когда мы встретились с ним (И.Тукалевским. – Ред.) в Загорске, я спросила –

В БЮРО ЖАЛОБ

гр. Флоренской
г. Загорск, Пионерская, 19

Заявление

Мною 22/Х.34 г. с/г была послана посылка за № 1511/2 по адресу: г. Кемь, Флоренскому. Прошу (за выбытием адресата) переправить эту посылку по адресу: ст. Кемь, п/о Попов Остров, 8-ое Соловецкое отделение ББК, Флоренскому Павлу Александровичу.

1934 г. 11 ноября
Флоренская

На это заявление 22 ноября из Кеми было получено уведомление № 692/3: «На № 233 от 14/ХІ 1934 г. Возвращая поступившую от вас жалобу о розыске посылки из Загорска Флоренскому от 22/Х.34 на б/ц руб. коп. за № 1511/2 сообщаем, что указанное отправление получено 25/Х.1934 г. и выдано 26/Х 1934 г. под расписку, дослана Попов Остров 8-е Соловецкое отделение.

Должность и подпись: птр *Сухоруч.*».

3. Медвежья Гора (после 1938 г. преобразован в город Медвежьегорск) – поселок, возник в 1916 г. при станции Медвежья Гора (открыта в 1916 г.) в связи со строительством Мурманской (Октябрьской) железной дороги. Название и поселок и станция получили по ближайшей – в 30 км от станции, деревне Медвежья Гора. В период строительства Беломорско-Балтийского канала (1931–1933) здесь размещалось Управление строительством канала, позднее – Беломорско-Балтийским комбинатом.

4. Известны две учетные карточки «з/к Флоренского П.А.», хранящиеся в архивах УФСБ РФ. Одна составлена (1933–1934) в отделении БАМЛАГа г. Свободный, вторая (1934–1942) – в 8 Соловецком специальном отделении ББК НКВД.

5. Речь идет о вещах П.А.Флоренского, оставшихся на Сковородинской ОМС. Вещи, в том числе рукописи и письма, были возвращены и стараниями А.М.Флоренской сохранены.

6. В 1933 г. П.Н.Каптерев был арестован и сослан на Дальний Восток, где вместе с П.А.Флоренским работал на Сковородинской ОМС. После освобождения в 1936 г. продолжил работы по изучению мерзлоты. Сохранилась переписка П.Н.Каптерева с В.И.Вернадским (архив РАН. Ф. 518. № 719а. Л. 1–7).

7. «Колоссальный барак», в который поместили П.А.Флоренского, был одним из барачных лагеря Управления Беломорско-Балтийских ИТЛ. Лагерь, построенный в 1929 г. на левом берегу реки Кемь, в урочище Вегеракша (Пристанище Ведьм, *фин.*), предназначался для обслуживающего персонала и специалистов Управления СЛОНа.

ср-19/3

с рн 2

Бамлаг л/д № <u>81446</u> алфавит	Шифр <u>XII-38</u>
---	-----------------------

Фамилия Богоринский
 Имя Тавар Отчество Александр

Прибыл в Бамлаг „24“ 9 1933 г. с Иркутск этапом
 Впервые прибыл в _____ лагерь ОГПУ _____ 19 ____ г.
 Кем осужден (подробно) тр. и. и. о. л. п. ч. м. о.
 _____ когда „26“ 7 1933 г.

Ст. ст. Уг. Код. и какой республики 58¹¹ Срок 10
 Начало срока „26“ 7 1933 г. Конец срока „26“ 7 1933 г.
 Год рождения _____ Место рождения _____
 _____ Место жительства до ареста _____

Где содержится					
1	уб	<u>Золот. 24.9.33</u>	11	уб	<u>Соловец. лаг.</u>
2	пр	<u>Золот. 24.9.33</u>	12	пр	<u>Скопи 2.9.34</u>
3	уб	<u>Золот. 25.12.33</u>	13	уб	
4	пр	<u>Золот. 25.12.33</u>	14	пр	
5	уб	<u>Золот. 16.2.34</u>	15	уб	
6	пр	<u>Золот. 16.2.34</u>	16	пр	
7	уб	<u>Золот. 1.7.34</u>	17	уб	
8	пр	<u>Золот. 1.7.34</u>	18	пр	
9	уб	<u>Скопи 4.10.34</u>	19	уб	
10	пр	<u>Ср. Золот.</u>	20	пр	
			21	уб	
			22	пр	
			23	уб	
			24	пр	
			25	уб	
			26	пр	
			27	уб	
			28	пр	
			29	уб	
			30	пр	

Убыл из лагеря а) Этапирован в _____
 б) Освобожден, выбыл в _____
 „ _____ “ _____ 19 ____ г. на основании _____
 в) умер „ _____ “ _____ 19 ____ г. в _____ акт № _____
 г) бежал из _____ „ _____ “ _____ 19 ____ г.

Карточку составил _____

Учетная карточка «з/к Флоренского П.А.», составленная в БАМЛАГе г. Свободный Областной архив Приамурского края. Благовещенск

Образование общее _____ специальн.: что окончила и где _____

Специальн.: а) общая _____ б) узкая _____ в) стаж _____

Национальн. _____ Какие знает языки _____

Соц. происхождение _____ Партийность _____

Служба и должность в армиях: { Царской _____
Белой _____
РККА _____

Служба и должность в суд. орг. и ОГПУ _____

Время ареста „ _____ “ _____ 19 г. _____

Прошлая судимость, где, когда и за что _____

Который раз в лагере _____ Семейное положение _____

Фамилии и адреса ближайших родственников _____

Работа до заключения а) Учреждение, предприятие _____

_____ б) должность _____ в) сколько времени _____

Изменение сроков

Год	Кварт.	Коллич. зачетн. дней	Конец срока	Год	Кварт.	Коллич. зачетн. дней	Конец срока	Год	Кварт.	Коллич. зачетн. дней	Конец срока
19	1		19	19	1		19	19	1		19
	2		19		2		19		2		19
	3		19		3		19		3		19
	4		19		4		19		4		19
19	1		19	19	1		19	19	1		19
	2		19		2		19		2		19
	3		19		3		19		3		19
	4		19		4		19		4		19

Прочие изм. срока _____

Подпись заключенного

Оборотная сторона учетной карточки «з/к Флоренского ПА»,
составленной в БАМЛАГе г. Свободный
Областной архив Приамурского края. Благовещенск

Здание УСЛОН в Кемии.
Кадр из фильма «Соловки»,
оператор С.Г.Савенко, 1928 г.
В этом здании П.А.Флоренский
осенью 1934 г. заполнял учетные
карточки заключенных

Современный вид
бывшего здания УСЛОН в Кемии.
Фото В.П.Столярова. 1990-е гг.

Барак
на территории бывшего
Кемперпункта СЛОНа
в Рабочеостровске.
Фото П.В.Флоренского.
2002 г.

«Внешне бараки выглядели очень солидно: двухэтажные, рубленные из бревен, но внутри мало чем отличались по чистоте от Морсплавовских или Кемперпунктовских с той только разницей, что они были громадные – на тысячу человек каждый, и вместо сплошных нар устроены вагонки в два этажа, с шириной для каждого <...> восемь вершков, или 50 сантиметров.

По два раза в день под конвоем маршировали от Вегеракши до Управления его рядовые работники: с утра до обеда и с ужина – с восьми вечера до 11 ночи. До управления было два километра и, следовательно, ежедневно приходилось отмерять по восьми километров. Кормили впроголодь, но лучше, чем на Морсплавовском карантине: рабочим – по восемьсот грамм хлеба, чиновникам в бушлатах – по пятьсот, остальным по четыреста» (*Розанов М.М. Соловецкий концлагерь в монастыре. В 2 т. М., 1979. Т. 1. С. 67*).

8. 9-е отделение ББК – это (с 1 ноября 1933 г.) кемское отделение ББК ОГПУ–НКВД, лагерь Управления Беломорско-Балтийских ИТЛ.

В Кемпи П.А.Флоренский провел неделю, с 13 по 20 октября 1934 г.

Чуть раньше П.А.Флоренского, в конце июля – начале августа 1934 г., несколько дней прожил в этом лагере и Р.Н.Литвинов: «Мой адрес следующий: г. Кемь, Мурманской железной дороги, 1-й лагпункт 9-го отделения ББК, кирпичный завод, мне» (31 июля 1934 г.).

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

13 октября 1934 г.

№ 24. <...> В моем состоянии¹ перемен мало, но вчера приехал специалист-невропатолог, по впечатлению очень серьезный, он выслушал меня подробно и сказал, что сможет быстро восстановить здоровье, т.к. считает все функциональным нарушением <...> Продолжаю лечиться ваннами, усиленным питанием, регулярным режимом. День разнообразно разнообразными мелкими, не утомляющими работами, только что закончил серию диаграмм, работаю сейчас по иллюстрации лекций – врачей и своих, выполняю разные мелкие работы по библиотеке. На днях с врачами проверил еще раз режим своего времяпровождения и получил подтверждение его правильности.

Узнавала ли ты о втором моем заявлении² в Ком[иссию] Парт[ийного] Контроля? Я отправил еще 6.8, а копию передал Акулову. Будет возможность – справься. Была ли у О.Ю.³? Может быть, видела еще Г.А.Ушакова⁴? Хорошо, если ответы на свои вопросы я получу до прекращения навигации. <...>

1. А.Ф.Вангенгейм страдал невралгией. Из его письма: «...Живу в камере с пятью другими. Живем мирно. Работа не трудная, так как я по здоровью признан третьей категории из четырех: 1, 2, 3 и инвалидов» (25 июня 1934 г.).

Из воспоминаний В.С.Зотова: «Все заключенные проходят медицинскую комиссию и получают “категорию” по состоянию здоровья. Вполне здоровый, сильный, способный к тяжелой работе – четвертая категория. Может выполнять физическую работу средней трудности – третья категория. Вторая – только легкий труд, это категория стариков и больных. Первая категория – освобождает от всех работ или по крайней дряхлости, или в случае неизлечимой болезни в стадии безнадёжного состояния.

“Категории” ограничивают нарядчика при выдаче заданий – каждому можно давать только посильную работу. Это справедливо, но существуют еще две промежуточные категории: 4/3 и 3/2, дающие нарядчику возможность для произвола в назначении на работу. Присваивая заключенному категорию 4/3, медицинская комиссия считала, что он не обладает идеальным здоровьем и физической силой, но нарядчик приравнивает 4/3 к четвертой, а 3/2 к третьей категории. Повышая степень работоспособности на ступеньку, он дает десятнику основание требовать выполнения работы, по трудности превосходящей силы заключенного. Десятнику нет дела до категорий, нарядчик прислал на погрузку, значит – никаких возражений: носи мешки с мукой, сахаром и цемен-

«34776 Вангенгейм
Ал-ей Ф. 9 / I 34»
Бутырская тюрьма

том. Нужно нарячику отправить на лесозаготовки сто человек с четвертой категорией, но таких набирается только семьдесят. Значит, недобор восполнит категория 4/3...» (Цит. по: *Бродский Ю.А.* Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. С. 168).

2. Первое заявление в Комиссию партийного контроля с просьбой о пересмотре дела Алексей Феодосьевич Вангенгейм подал 17 мая 1934 г., но, так же как и его обращения к И.В.Сталину (11 мая) и в ЦИК к М.И.Калинину (6 июня), оно осталось без ответа. Из письма А.Ф.Вангенгейма: «Обращение к тов. Сталину, к Кагановичу, Калинин, заявление в приезжающую комиссию пока безрезультатны. Тревога невольная в душе, что правда никому не нужна» (14 июля 1934 г.).

Убеждение, что их арест – недоразумение, какая-то нелепая ошибка, вера в то, что партия и советская власть разберутся во всем, надо только честно все объяснить, заставляло людей искать разные пути к освобождению. Одни подавали заявления в высшие инстанции. Так, Н.Я.Брянцев писал сыну: «Я подал ему (Акулову. – *Ред.*) заявление, в котором просил пересмотреть мое дело. В этом заявлении мне пришлось подтвердить свои показания, данные мною в период следствия, что я не только не принадлежу к к.-р. повстанческой организации, в которой я обвиняюсь, но и о существовании ее ничего не знал» (17 августа 1934 г.). Другие стремились «сделать что-нибудь очень капитальное, полезное Республике» и этим заслужить прощение (из письма Р.Н.Литвинова от 15–24 августа 1934 г.).

3. О.Ю.Шмидт, общественный деятель, ученый, математик, геофизик, географ, полярник, академик (с 1935). Возглавлял Главное управление Северного морского пути (1932–1939). Руководил экспедициями на «Седове» (1929–1930), «Сибирякове» (1932), «Челюскине» (1933–1934), воздушной экспедицией по организации дрейфующей станции «СП-1» (1937). Один из основателей и гл. редактор БСЭ (1924–1942).

4. Г.А.Ушаков в 1926–1929 гг. возглавлял экспедицию и зимовку на о. Врангеля, где создал первую советскую полярную радиостанцию. В 1930–1932 гг. возглавлял экспедиционный отряд для исследования Северной Земли. В 1935 г. – начальник первой высокоширотной экспедиции на пароходе «Садко», открывшей о. Ушакова и достигшей рекордной широты для свободно плавающего судна 82° 41' северной широты. В 1936–1940 гг. – начальник Главного управления гидрометеослужбы; в 1940–1958 гг. работал в АН СССР.

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой

17 октября 1934 г.

Соловки

Дорогая и родная Вита¹,

Сегодня получил Твое письмо от 2/Х и спешу на него ответить. Прежде всего, книгу² Демьянова получил. Чрезвычайно ценная, главное, современная, так как в ней отражены последние достижения химии в области растительных веществ. Она мне очень пригодилась для моих работ с водорослями. Но, тем не менее, я просил прислать мне книгу того же автора – акад. Демьянова и проф. Прянишникова «Анализ растительных веществ»³. Если можешь ее найти, то обязательно пришли. Я очень нуждаюсь в литературе по водорослям, т.к. решил разработать метод и способы более целесообразного использования водорослей, чем это имеет место в настоящее время⁴. Водоросли – это целые «лесные массивы», но произрастающие у берегов Ледовитого океана, и в частности у берегов Соловецкого архипелага. Из них сейчас добывается у нас только йод, но в них содержится еще свыше 70% других, несомненно ценных сырьевых ресурсов в виде органической массы. Мне уже удалось выделить из них альгиновую кислоту. Я сейчас усиленно разрабатываю методологию для отыскания комплексного использования водорослей и решил химлабораторию перевести с ноября на более энергичные поиски

Эльвира Георгиевна и
Николай Яковлевич
Брянцевы.
Новосибирск, 1929 г.
Архив семьи Брянцевых

в этой области. Конечно, было бы гораздо успешнее, если бы я располагал по этому вопросу литературой, она, несомненно, имеется если не на русском, то, во всяком случае, на французском и английском языке, так как в особенности в Америке, Англии и Франции развиты производства на базе использования водорослей. Так, из одного из номеров журнала «Химическая промышленность» за 1931 г., № 8, стр. 782 у нас была в библиотеке, случайно несколько номеров этого журнала [оказались, и там имеется заметка] о работе M.Deschiens Rev. Matieres Plastiques^I 6, 261, 1930 г. и Cellulosechemie^{II} 12 № 2, 52, 1931.

I М.Дешьен. Пластмассы (фр.).

II Химия целлюлозы (нем.).

В этих работах как раз и упоминается о результатах в этой области и приведены патенты <...> мне их перепишите и вышлите. У меня химлаборатория усилилась еще одним работником, проф. химии⁵ из Горьковского, бывш[его] Варшавского, политехникума⁶. Встретились через 20 лет на Соловках. Судьба играет человеком. <...>

Меня действительно обокрали, как говорят, подчистую, но случайно остались три вещи, как раз ценные сейчас, это сапоги, валенки и полушубок. Хорошо, что прислала кепку. Что мне нужно? Сам не знаю. Я облачился в казенную лагерную одежду. Много ли лагернику нужно? Хотел бы получить перчатки. Посылки Твоей не получил еще, той, которую Ты, по-видимому, выслала вместе с книгой, в которой как будто должна быть суконная рубашка. Но ту, которая была с банным мешком, в сохранности ее получил. <...> Ты пишешь, что была у прокурора, и там он сообщил, чтобы я написал еще одно заявление, так как то, которое я подал через дежурного на имя Акулова, затерялось. Я думаю, что оно все же найдется, тем не менее, я посылаю точную копию этого заявления, так как не могу послушаться распоряжения прокурора, который является в моем положении большой шишкой. <...> Пишешь, что скучаешь по Сибири, за домом, думаю, ни за тем, ни за другим, а за той обстановкой и существом, которые были, когда все мы были вместе⁷. Сейчас же, при всей суете и шуме столицы, у тебя, как и у меня, пустота. Но лучше в это время шум и суета, чем тишина и широкое поле для сосредоточенных размышлений. Котику⁸ ни в коем случае не следует уезжать на Урал, уж лучше в Ленинград⁹.

Котия

Верховному прокурору СССР
инженера Николая Яковлевича Брянцева

Заявление

5 августа 1933 г. я был осужден Коллегией ОГПУ к 10 годам концлагерей по обвинению в принадлежности к Сибирской К.Р. организации, возглавляемой Болдыревым.

Настоящим подтверждаю свои показания, даваемые мною в период следствия, что я к этой организации не только не принадлежал, но о существовании ее ничего не знал.

В Западной Сибири я проработал при Крайисполкоме в Крайплане десять лет. За это время я лучшие свои творческие годы целиком посвятил работе по социалистическому строительству. Работа моя за весь этот период протекала на глазах советской и партийной общественности.

Я являюсь одним из активных работников по созданию Урало-Кузнецкого комбината, по индустриализации и химизации Западной Сибири. Подавляющая часть проектировок, в особенности в области химизации, ныне реализуемых, принадлежит мне как автору. Считаю своей честью участие в таком грандиозном по замыслу и масштабам строительстве.

За 10-летнюю работу я вправе был ожидать от Советской Власти поощрения, отнюдь не 10-летнего наказания.

Факт осуждения исключительно базируется на ложных оговорах.

Ходатайствую о пересмотре моего приговора и прошу вернуть меня к работе, где я могу с такой же пользой ее продолжать, с какой ее осуществлял до последнего дня моего ареста.

Со времени Октябрьской Революции я все время находился на территории СССР, в белых армиях не служил.

11 августа 1934 г.

Соловки

[Н.Брянцев]

1. Э.Г.Брянцева родилась в семье коннозаводчика Джорджа Робинсона в г. Йорке (Англия), англичанка. В раннем возрасте вместе с родителями переехала в Россию, в г. Белая Церковь Киевской губернии, где ее отец руководил конезаводом графа Браницкого. По окончании Белоцерковской гимназии руководством Киевского учебного округа Эльвире Георгиевне было «дозволено право принять на себя звание домашней учительницы французского языка». В дальнейшем, вплоть до 1956 г., преподавала французский и английский языки в Первой гимназии Варшавы, работала учительницей иностранных языков в средней школе Новосибирска, в ряде школ Москвы. После смерти первого мужа вступила в брак с Н.Я.Брянцевым, который взял на себя обязательства по воспитанию двух ее дочерей от первого брака: Анны и Дагмары.

2. Возможно, речь идет о книге: *Демьянов Н.Я., Феофилактов В.В.* Химия растительных веществ. М.–Л., 1933.

3. Речь идет о книге: *Демьянов Н.Я., Прянишников Д.Н.* Общие приемы анализа растительных веществ. М.: Госхимтехиздат, 1933.

4. Производство йода из водорослей было начато в России в годы Первой мировой войны, когда из Германии перестал поступать йод,

добываемый из чилийской селитры. Во всем мире, кроме того, йод получали также из нефтяных вод попутно при добыче нефти. Нерентабельный Йодпром был, по-видимому, оставлен исключительно для того, чтобы загрузить трудом заключенных. Йодный завод в Архангельске, где работали гражданские специалисты, уже в 1933 г. был перепрофилирован на выпуск агар-агара.

Получение йода из водорослей на Соловках велось крайне нерентабельным способом, при котором терялась не только большая часть йода, но и все прочие полезные продукты. Н.Я.Брянцев писал семье: «Я работаю в качестве химика-аналитика в химлаборатории. Очень интересуюсь йодной проблемой, которая для Соловецкого архипелага является, по-моему, наиболее актуальной. Но она требует, чтобы водорослями, которые находятся в море у берегов, заняться всесторонне и рассматривать их как комплексное сырье. Далее считаю, что применяемый сейчас метод их переработки для получения йода слишком свирепый, в результате которого получают потери йода и брома, так как эти вещества весьма летучи» (20 ноября 1933 г.).

5. Н.Я.Брянцев говорит о Р.Н.Литвинове; оба учились в Варшавском политехническом институте в одно время, первый – на факультете горного дела, второй – на химическом.

6. Со времени образования в конце X века Польского государства его территория не раз подвергалась переделу. После войны 1812 г. из большей части Варшавского княжества было образовано и передано царской России Королевство Польское (по решению Венского конгресса 1814–1815 гг.). После революции 1917 г. в России Советское правительство аннулировало договоры царского правительства о разделах Польши. С 1918 г. Польша получила статус независимого государства.

Студенческий билет
Николая Брянцева.
Архив семьи Брянцевых

Варшавский политехнический институт был открыт в Варшаве в 1898 г. В 1915 г. в связи с событиями Первой мировой войны он был эвакуирован вначале в Москву, а в 1916 г. в Нижний Новгород (в 1932–1990 Горький). Постановлением Временного правительства в июне 1917 г. Варшавский политехнический институт был упразднен и на его базе учрежден (с 1 октября 1917 г.) Нижегородский политехнический институт. После ряда реорганизаций в 1934 г. был образован Горьковский индустриальный институт, который в 1950 г. был переименован в Горьковский политехнический институт, в 1990 г. в связи с возвращением городу его исторического имени переименованный в Нижегородский политехнический институт.

7. До своего ареста 17 марта 1933 г. по «белогвардейскому делу» Н.Я.Брянцев с семьей жил в Новосибирске, в собственном доме.

8. Н.Н.Брянцев, сын Н.Я.Брянцева. Во время Великой Отечественной войны был: главным инженером Опытного завода в Кировске (Мурманская обл.) по выпуску желтого фосфора и огнесмесей для снаряжения огнететов и зажигательных бомб; директором Брянского фосфоритного завода; заместителем директора Подмосковного горно-химического комбината; заместителем директора Государственного института горно-химического сырья в Люберцах. Почетный химик СССР.

9. На рубеже 1932–1933 гг. в Западной Сибири возникло мистифицированное «белогвардейское дело», следствие по которому завершилось 13 мая 1933 г. Всего через Коллегию ОГПУ прошло 225 обвиняемых, из них 28 человек были приговорены к расстрелу, большинство остальных получили по 10 лет лагерей. Трагичной оказалась участь примерно трети (ок. 80 чел.), попавших после приговора 1933 г. в Соловецкий лагерь, где к ним приклеилось название «сибиряки». Так они называли себя сами, так значились и в агентурных сводках. В частности, в одной из них за 1934 г. отмечалось: «Вся группа “Сибиряков” считает, <...> что дело в отношении их создано искусственно органами ГПУ, усиленно ведутся толкования, что дело в отношении б[ывших] офицеров Колчака (б[ольшинств]во “Сибиряков” служили в армии Колчака) было создано только для того, чтобы их изолировать на период строительства второй пятилетки, а также в связи с опасностью войны на Дальнем Востоке» (АУ ФСБ РФ НО. Д. 7285. Надзорное производство. Дело М.М.Набокова. Л. 11. Цит. по: Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933–1937 годы) // Сб. док. / Сост. С.А.Красильников, Л.И.Пыстина, Л.С.Пащенко. Новосибирск, 2004. С. 12).

Николай Яковлевич оказался в числе 80 человек, отправленных в Соловецкий лагерь, его фамилия сибирским спецорганам была известна, поэтому мог пострадать сын. В Ленинграде же устроиться на работу было легче.

О сибиряках не раз упоминает Р.Н.Литвинов (напр., письмо от 23 апреля 1935 г.).

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

19 октября 1934 г.

№ 25. <...> В моем положении мало перемен, но зато к лучшему. Утренние регулярные ванны и отдых после них, очевидно, возымели свое действие, состояние по вечерам значительно улучшилось, а за этим должно улучшиться и утреннее состояние. С рукой дело так: новый врач-невропатолог предполагает, что боли в руке обусловлены утомлением и от мелкой напряженной работы. Посоветовал мне абсолютный покой. Я выговорил только право написать письмо, в остальном все делаю только левой рукой. Прекратил временно все свои работы, т.к. левой много не напишешь; хотя кое-что для библиотеки я и написал. <...>

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской

24 октября 1934 г.

Соловки

1934.X.24. Дорогая Аннуля, вот история моей поездки. С 17 авг. по 1 сент. в Свободном, с 1 по 12 дорога до Медвежьей Горы, с 12 сент. по 12 окт. на Медвежьей Горе, 12-го окт. переезд до Кеми, с 12-го окт. по 20 окт. в Кеми, с 20 по 23 на Морсплаве (б. Попова гора¹), 23-го переезд² по Белому морю и приезд на Соловки³. По дороге морем сильно укачало, несмотря на краткость времени переезда. Сегодня, после различных проволочек, наконец попал в Соловецкий кремль. Не знаю, что писать тебе. Первые впечатления очень тяжкие, отчасти вероятно от дорожной усталости, качки, неопределенности и неустройства. Местность тут красивая довольно, но ее пожалуй и не увижу. Кремль сложен из огромных необтесанных валунов, так что снаружи живописен. Небо серое, воздух влажный, сравнительно теплый, особенно при северном ветре. Тут 243 пруда или точнее озера, но я видел один пруд. Все время думаю о вас, беспокоюсь, не зная, как вы доехали, как живете, как ваше здоровье и в особенности мамы. Письмо очень спешу писать, т.к. иначе пропущу срок и будет нельзя, надо сейчас сдать его. Имей в виду, что писать отсюда можно

лишь один раз в месяц, и потому не беспокойтесь, не получая от меня писем. Адрес мой:

Мурманская ж.д., ст. Кемь, почтовое отделение Попов остров, 8-е Соловецкое отделение ББК, мне.

Очень жалею о работах оставленных на БАМе: там я мог бы сделать что-нибудь полезное. А также о лазурном небе ДВК и сухом воздухе. Так обрывается всякая полезная деятельность и все приходится начинать сначала; да и придется ли? Мне сюда вещей не присылайте, т.к. их некуда класть; денег прислать можно не более рублей 10. Но необходимо, чтобы вы написали скорее, тем более, что с прекращением навигации (вероятно в начале или половине декабря), письма доходят весьма задерживаясь. Как живет моя Тикулька? Как Мик? Что делает Оля? Приехали ли мальчишки⁴ и как они себя чувствуют? Хоть бы вы все были веселы и радостны, только этого хочу. Сейчас я не успею написать каждому, но скажи им всем, как я их люблю и как страдаю, что ничем не могу помочь им в жизни. Поцелуй от меня маму и непременно сообщи об ее здоровье*. Кланяйся твоей маме, как ее здоровье?

За время переезда у меня так ослабла память, что мне трудно написать это письмо и пишу наудачу, что придется. Мои

Остатки
лагерного причала.
Рабочеостровск.
Фото П.В.Флоренского.
1966 г.

вещи выпиши от П.Н. – белье и прочее хозяйственное оборудование, а то, боюсь, оно пропадет.

С декабря по середину мая навигация на Соловки прекращается, сообщения нет, только почтовое, но неаккуратное. Остались ли у детей какие-либо впечатления от Сквородина и дороги? Довезли ли вы корни княженики? Сделали ли что-нибудь мальчишки за лето? Хорошо бы, чтобы Кира немного исследовал минералы, о которых я говорил тебе, может быть найдет для себя что-нибудь интересное. Как здоровье Васи? Хочется, чтобы хоть мальчишкам удалось поработать и сделать что-нибудь полезное и интересное. Играет ли Олечка? Если она увидит Игоря, то пусть кланяется ему от меня.

Что касается меня, то я за это время ничего не делал и почти ничего не читал, если не считать 3–4 романов – было нечего читать, да и вся обстановка не дала бы возможности заняться чем-нибудь. Впрочем, на Морсплаве мне удалось прочесть трагедию Расина, это единственное хорошее впечатление за два месяца. Больше всего думаю о тебе, моя дорогая, боюсь, что ты унываешь, и беспокоюсь о твоём здоровье*. Будь радостна и бодра, заботься о наших детях. Старайся, чтобы вы питались лучше – продавайте, что можно. Крепко целую тебя и всех вас, не забывайте своего папу.

Адресный знак
на доме Флоренских
в Сергиевом Посаде.
Фото П.В.Флоренского.
2007 г.

1934.X.24. Соловки

П.Флоренский

Конверт (162×115 мм) кустарный, серый. Марки: 10 коп. и 10 коп. Штемпели: Попов Остров – 01.11.34; Загорск – 03.11.34.

Адрес: «г. Загорск Московской области. Анне Михайловне Флоренской. Пионерская улица, д. 19». Чернила фиолетовые.

Надпись внутри конверта на клапане: «П.А.Флоренский. 3-я т.к.⁵».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «1934 г. 4 ноября».

Письмо на двойном листе (290×210 мм) пожелтевшей бумаги в линейку. Чернила фиолетовые.

1. Из Кеми, после «сортировки» заключенных по отделениям Беломорско-Балтийского ИТЛ, соловецких узников отправляли в Кемский пересыльный пункт. Кемперпункт (1923–1936) входил в состав первого советского концлагеря, Соловков, и подчинялся Управлению Северными лагерями особого назначения.

Ворота Кемперпункта.

Кадр из фильма
«Соловки», оператор
С.Г.Савенко, 1928 г.

Кемперпункт располагался в 15 км от города, в устье реки Кемь. Здесь, у причалов Морсплава в центре Рабочеостровска (Попова Острова), до революции было подворье Соловецкого монастыря. Рядом находился лесопильный завод.

Название Рабочеостровск поселок, связанный с материком тонким рукотворным перешейком, получил в 1933 г., его предыдущее название – Попов Остров, по наименованию самого крупного острова в группе, расположенной близ кемского побережья. Ныне Попов Остров является лишь частью современного Рабочеостровска. Сохранились здания штрафного изолятора, полузаотопленная баржа, на которой перевозили на Соловки заключенных, и разрушенная лагерная пристань. У берега моря, на узкой полосе между храмом и водой, сохранилась насыпь бывшей лагерной железной дороги. По ней проходили заключенные Соловецкого лагеря.

«Кемперпункт <...> Соловецкого концлагеря на Поповом острове вблизи Кемь – это его чистилище, первые круги Дантова ада <...> Хуже всего угодить на перпункт зимой, когда море замерзло, а этапы из тюрем хотя и реже, но продолжают поступать. Бараки переполнены, шпана бесчинствует, начальство звереет; холодно, голодно, страшно и вши с клопами заедают» (*Розанов М.М.* Соловецкий концлагерь в монастыре. М., 1979. Т. 1. С. 47).

«Барак пересыльного пункта (перпункт), где вновь прибывшие проходят карантин, был большой, с трехэтажными нарами. <...> Навек запомнились серые голые гранитные глыбы, на которых стояли лагерные бараки, <...> двойное ограждение из колючей проволоки. Справа

за проволокой виднелся причал и серое, мрачное море» (Чирков Ю.И. А было все так... С. 12, 110).

В Кемперпункте на Поповом Острове заключенный Флоренский пробыл три дня.

2. По Белому морю заключенных перевозили в трюмах.

На Соловецкий архипелаг, находящийся в 60-ти километрах от Рабочеостровска, узников доставляли на пароходах, принадлежавших прежде Соловецкому монастырю. Для П.А.Флоренского морское путешествие по бурному Белому морю оказалось нелегким испытанием. О своем переезде на Соловки П.А.Флоренский рассказывает жене в письме от 19 декабря 1935 г.

Пароходы с заключенными прибывали к монастырской пристани в гавани Благополучия, где в трехэтажном здании бывшей Преображенской гостиницы размещалось Управление Соловецкого лагеря и следственный изолятор.

После шадящего «ссылного» режима дальневосточных поселений Павел Александрович Флоренский попал в тиски жесткого, подневольного лагерного уклада. И символом такого уклада стали для него Соловки – чуждые, враждебные, унылые, неприглядные.

Иное впечатление от встречи с Соловками запечатлелось в памяти пятнадцатилетнего «контрреволюционера» – юного жизнерадостно-го романтика Юры Чиркова: «Восходящее солнце розовым окрашивало

Соловки. Пристань.
Разгрузка этапа
заключенных.
Кадр из фильма
«Соловки», оператор
С.Г.Савенко, 1928 г.

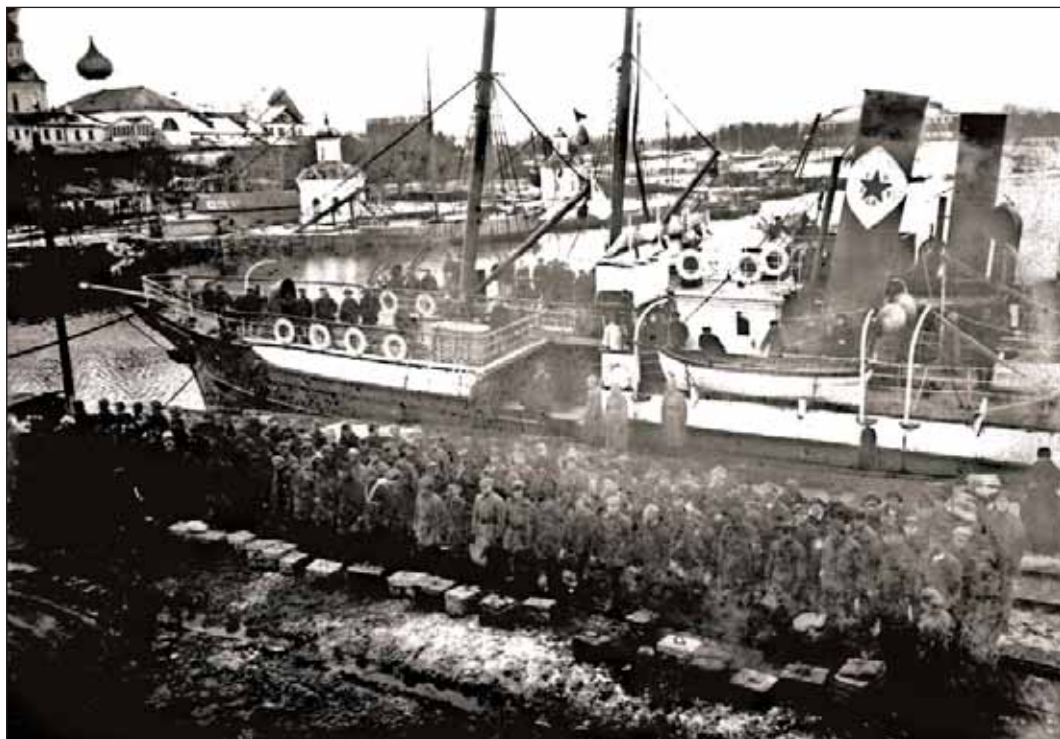

Фото В.И.Петруниной. 2009 г.

неподвижную воду бухты. По берегу тянулась полоса тумана, и над ней как бы парили башни и стены Соловецкого кремля. Сияли на солнце белые колокольни, поднятые над стеной. И это видение отражалось в зеркале бухты Благополучия – преддверии зловещего и таинственного лагеря-тюрьмы» (*Чирков Ю.И. А было все так... С. 11*). Чем не замок Иф, в который заточили невинного Эдмона Дантеса?

Соловки.
Бухта Благополучия.
На переднем плане,
по легенде, остатки
баржи «Клара Цеткин»,
на которой перевозили
заклученных.
Фото П.В.Флоренского.
1975 г.

Соловки.
Прибытие этапа
заклученных.
Кадр из фильма
«Соловки», оператор
С.Г.Савенко, 1928 г.

Двадцатилетнему Анатолию Правдолюбову Соловки открылись совсем с другой стороны: «У нас было нечто, могущественно поддерживающее и радующее нас. Это, во-первых, сознание своей невинности и того, что мы лишены свободы и подвержены трудному режиму исключительно за то, что являемся служителями Христовыми, а потому не только можем, но и обязаны по заповеди радоваться и веселиться. Кроме того, мы водворены были в обитель преподобных Зосимы и Савватия и прочих соловецких святых, которая вдобавок в самое недавнее время была обогрета кровью священномучеников и мучеников бесчисленных – наших недавних предшественников по соловецкому заключению. Мы попали туда в такое время, когда жизнь подобных нам была в безопасности от начальства. А до нас тут был произвол и великая жатва людей Божиих» (*Правдолюбов А.С., протоиерей. Соловецкие рассказы. М., 1999. С. 15*).

3. Заклученные, прибывшие на Соловки, проходили «карантин» для определения их квалификации, состояния здоровья и категории трудоспособности, а также для обучения лагерному распорядку. Новички размещались в стенах Спасо-Преображенского монастыря – в подклетьях Трапезной и Келарской палат и Свято-Троицком Зосимо-Савватиевском соборе, разгороженном на громадные комнаты с нарами в три яруса. Когда мест не хватало, узников отправляли в бараки специального «карантинного городка», построенного за Банным озером.

Каждое утро карантинная рота выстраивалась во дворе монастыря в длинную шеренгу. Так производился развод на работы. «Все вновь прибывшие проходили сначала общие работы: лесозаготовки, торф,

СЛОИ. Общие работы.
Кадр из фильма «Соловки»,
оператор С.Г.Савенко.
1928 г.

вязку плотов. Норма выработки: срубить, очистить от сучьев и вытащить на дорогу 10 деревьев в день – выполнялась немногими, сильнейшими. Невыполнение <...> иногда сходило с рук, но чаще влекло за собой задержку в лесу на морозе на несколько часов, а то и на всю ночь» (*Ширяев Борис*. Неугасимая лампада. М., 2003. С. 43).

Примерно через месяц заключенных переводили на более постоянную работу. Так, Н.Я.Брянцев сначала попал на уборку овощей, а через две недели, с 15 сентября 1933 г., начал работать в химлаборатории.

А.Ф.Вангенгейм сразу по приезде на Соловки 10 июня 1934 г. «был назначен на сельхозработы, работы в теплице, парниках, на огороде. 10-час. рабочий день с 6 час. утра до 4 ч. дня без перерыва и отдыха» (18 июня 1934 г.).

Р.Н.Литвинов поначалу работал сторожем в парниках. Через полгода он вспоминал: «Вначале, пока я был в сторожах, а это было с 13 по 28 августа <...>» (12 апреля 1935 г.).

П.А.Флоренский выполнял «карантинные работы» с 23 октября, а 15 ноября 1934 г. был переведен на постоянную работу в химлабораторию.

4. В.П. и К.П. Флоренские летом 1934 г. работали в Средней Азии в Таджикско-Памирской экспедиции. Кирилл – в Фергане, Василий – в Нуратинских горах.

25 октября 1934 г. Василий из экспедиции писал матери в Загорск: «Дорогая мамочка, пишу, наверное, тебе последнее письмо, мы уже заканчиваем свою работу на днях и, вероятно, скоро выедем в Москву.

Спасо-Преображенский собор
Соловецкого монастыря.
Фото П.В.Флоренского.
1966 г.

Мое начальство заболело тропической формой малярии, и я остался один. Сейчас мы находимся высоко в горах, начались уже морозы, иногда идет снег, холодно.

Скучаю о всех вас, особенно остро стало это в последнее время, раньше как-то замечалось меньше. Хочется всех увидеть и послушать ваших рассказов. Письмо от тебя я получил только одно, открытку, где ты мало что пишешь. Как занимаются дети, хорошо ли идут их занятия. Сейчас уже скоро будут каникулы.

Денег я тебе не посылал, так как они доходят долго и сильно задерживаются.

Как дела Киры, проходит ли его малярия. <...>

Я совершенно здоров и сыт. Местность здесь здоровая. Заболело наше начальство не здесь, а во время отъезда.

Вася»

По результатам работ написана книга: *Баскин БЛ., Мясников В.С., Флоренский В.П.* Геология и полезные ископаемые Нуратинских гор. Таджикско-Памирская экспедиция. Вып. XXX. М.–Л.: АН СССР, 1936. – 82 с. 25 ил. и карт. 1 табл. библиогр. 4 назв.

5. 3-я т.к. – третья трудовая колонна.

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

24 октября 1934 г.

№ 26. <...> По моим расчетам ты не получила моих писем № 16 и 19, первое с рукописью о педкабинете¹. Кроме того, ничего не знаю про письма 10–12. Твои письма ко мне приходят чрезвычайно нерегулярно. С № 25 из 15 имею только 7. О посылках – я думаю, что сахаром и маслом я обеспечен надолго, чеснок мне воспрещен, т.к. действует на нервы, но на время после лечения его хватит. Сейчас я получаю дополнительный противцинготный паек. Не думай только, что у меня цинга. Это для укрепления здоровья, как дополнительный паек. Мое лечение продолжается по-прежнему, но с сегодняшнего дня мне прописаны прогулки на свежем воздухе. Не гулял я не по причине нездоровья, т.к. нервы этому не мешают, а ввиду установленного лазаретного порядка. После долгого сидения взаперти сегодня после $\frac{3}{4}$ часа уже устал, вернулся раньше срока.

Как больно, что рукопись по педкабинету до тебя не дошла. Я с таким трудом добился права, с таким наслаждением про-

работал, но все это оказалось пока впустую. К началу учебного года, очевидно, опоздала. Сейчас ввиду абсолютного отдыха правой руки мне труднее заполнять время и отвлекать себя от тяжелых мыслей, приходится усиленно разбирать партии шахматной игры Капабланки. Играть я не могу, т.к. это меня волнует.

Ты спрашиваешь про условия поездки на Соловки – это невозможно. На свидания вывозят на материк на несколько дней. Но мне пока и в этом отказано. <...>

1. После Октябрьской революции А.Ф.Вангенгейм работал в г. Дмитриеве инспектором народного образования. Вместе с Варварой Ивановной, работавшей директором вспомогательной школы № 40 (школа переростков) до ее расформирования в 1937 г., принимал активное участие в организации народного образования в уезде. Эта школа стала образцово-показательной. И позже, избрав сферой своих интересов метеорологию, Алексей Феодосьевич стремился помочь жене в налаживании учебного процесса.

Педагогическая деятельность всегда привлекала Алексея Феодосьевича. Находясь в заключении, он не только читал лекции на обще-

Вид на Соловецкий
Кремль с моря.
Фото П.В.Флоренского.
1966 г.

образовательные темы, но и занимался индивидуально с желающими, например, Юре Чиркову преподавал математику и физику (*Чирков Ю.И.* А было все так... С. 78–79).

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой

1 ноября 1934 г.

Соловки

Дорогая моя Вита,

Письма Ваши от 2 и 16 октября получил <...> Получил также две посылки <...> пришли в полной сохранности, хорошо, что зашиты в мешковину. Полакомился, спасибо. Неожиданно получил <...> большую посылку из яблок <...> спасибо. <...>

Милая моя, не грусти, я понимаю Твои настроения <...> при общей сложившейся ситуации. Но не бить же себя головой об стену. Как будто единственное средство, но оно тем более бессмысленно. Не могу посоветовать Тебе иметь в виду, что терпение и труд все перетрут, так [как] один этот ре-

Группа охранников.
1932 г.
Фонды СГИАПМЗ

цепт без надежды и поправки на время – каторжный рецепт. Опять, значит, остается надеяться и надеяться. Итак, видно, что на надежде на лучшее будущее построена вся философия человечества. Вокруг этой надежды и на ее основе разворачивается борьба каждого живущего существа, человека и, наконец, общества. Итак, будем надеяться.

Написал я вторичное заявление и сдал его, как у нас полагается, начальнику Соловецкого отделения ББК, надеюсь, что оно по инстанциям в конечном итоге должно попасть на имя Прокурора т. Акулова, в адрес коего оно и адресовано. Кроме копии я еще добавил несколько обстоятельств, связанных с ходом следствия, для большей ясности и своей непричастности.

У меня, я бы сказал, глупое самочувствие, когда в особенности вдумаешься в несуразность своего положения.

Первое время, будучи буквально огорошен, я относил все события за счет фатализма, но это самоутешение недостаточно удовлетворительно, так как на чашке весов два фактора. Первый – события и фактическая сторона, вне зависимости от обстоятельств и причин. Сюда относится неожиданный арест, неожиданные обвинения, неожиданный финал в виде водворения на Соловецкие острова. Второй фактор – это наличие наказания в виде 10 лет. Если под первый фактор можно еще с грехом пополам убаюкиваться фатализмом, то нельзя же удовлетвориться последним для принятия к спокойному переносу второго фактора – наказания. Невольно пытаешься найти реальную базу для обоснования переносимого наказания. И вот вся трагедия в том, что все мои попытки найти эту реальную базу не приводят ни к чему. Что прикажете делать? Писать заявления на имя Верховного прокурора? Но и здесь, как говорят, не прет, мои заявления почему-то теряются. Боюсь, что навеваю на тебя пессимистические настроения, а потому лучше продолжать письмо буду с завтрашнего дня.

У нас на Соловках разыгрывается настоящая уже осень с частыми свирепыми ветрами от не менее свирепого моря. Частые дожди и сопутствующая им грязь.

Стараюсь поменьше выходить, тем более что чувствую небольшое недомогание в виде небольшого гриппа. Просиживаю большую часть дня в лаборатории над всевозможными изысканиями над водорослями. Кстати, на днях ездил в места

у берегов, где появились наибольшие выбросы этих водорослей. Берег на несколько километров буквально завален ими. Море в сильные шторма выбрасывает их на берег. Мне удалось из водорослей выделить так наз. альгиновую кислоту, затем танговую, в остатке получить недурную клетчатку – целлюлозу. Это несомненно ценные продукты ввиду вяжущего и клеящего их свойств. Они могут быть использованы для получения пластмасс, и кое-где за границей ими пользуются для этой цели. Альгиновая, равно и танговая кислоты представляют собою коллоидные продукты, нерастворимые в кислотах, растворимые в щелочах.

Котик, милый, раздобудь мне <...> литературу по водорослям в части их промышленного использования. Посмотри в журнале «Химпромышленность» № 8 за 1931 г., у меня он есть в лаборатории, он был в нашей библиотеке. В нем на стр. 782 есть небольшая заметка. В этой заметке упоминается о работе M.Deschiens Rev. Matieres plastiques 6, 261, 1930 г. и по Celluloschemie 12 № 2, 52 за 1931 г., в которой приведены разные патенты промышленного получения альгинов и пластических масс.

Кроме того, я писал Тебе о статье об агар-агаре, которую тоже просил прислать. На Соловках, пожалуй, единственный объект, заслуживающий промышленного использования, – это водоросли, вот почему я ими занимаюсь и хотелось бы быстрее разработать методы их переработки. Наличие соответствующих трудов значительно облегчило бы задачу. Таким образом, постарайся раздобыть эти труды, хотя бы в виде фотографических оттисков, как это делается сейчас. Думаю, что они дорого не стоят.

Спешу Вам писать, надеюсь, что письмо попадет к праздникам и Вы за рюмкой чая вспомните меня.

Дагочка, вероятно, уже втянулась в свои упражнения <...> Пожелаю ей успеха на родном поприще. Капочка милая все приглашает меня скорее вернуться к своим, восвояси. Доброе дитя, не все так просто делается в жизни. <...>

Милая Вита, думаю, что нам не удастся повидаться в этом году, так как скоро наступит зима, а там на долгие месяцы ледяные оковы отрежут нас. Как ни хотелось бы хоть повидаться, но, оказывается, на всякое хотение нужно иметь терпение.

Доставило мне большое удовольствие, что Котик ликвидирует свои прорывы по математике. Я же знаю, что он парень настойчивый и через год он заполнит свою брешь, а это для него будет большим делом, так как никакая инженерная химия без математики не может быть полностью использована. Он сам скоро убедится в этом и будет мне весьма благодарен, что вовремя его предупредил.

Затем мой совет не увлекаться длинными рублями и административным головокружением. Наоборот, стараться при выборе работы главную установку держать на то, чтобы чему-нибудь научиться и у людей компетентных, которые могут чему-нибудь научить. Я чувствую по письмам, что Котик значительно вырос как химик, конечно, в первую очередь. Только почему Ты увлекаешься пластификаторами с такими свирепыми свойствами? <...> Итак, позвольте пожелать Вам провести хорошо предстоящие праздники, взамен от Вас всех получить по длинному письму. Дорогая Вита и Котик, обнимаю Вас и целую Дагочку, Капочку <...>

Ваш Коля

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, О.П.Флоренской,
детям Василию, Кириллу, Ольге, Михаилу,
Марии-Тинатин

5–7 ноября 1934 г.

1934.XI.5. Дорогая моя Аннуля, вчера получил твою телеграмму, и она меня очень огорчила. Ты совсем не понимаешь, о чем пишешь, Соловки – не БАМ, я даже ответить тебе телеграммой не решился, т.к. боялся потерять право на письмо. В климатическ. отношении тут тоже совсем наоборот против ДВК: сыро, сравнительно тепло (только сегодня был первый ледок на лужах), пронзительный ветер, от которого холоднее, чем от сильных морозов, небо почти всегда серое, облачное, затянутое, природа довольно унылая. Правда лес не плох, но я его пока видел один раз, на работах по копке земли, и был рад ему. Всюду набросаны гранитные и прочие кристаллические валуны ледникового происхождения, скал не видно, почва песчаная. Полотенце в комнате совсем не сохнет у меня, а выстиранные вещи так и не удалось просушить, в несколько дней

В саду. Слева направо: Василий и Кирилл Флоренские, П.А.Флоренский с Тикой, Оля Флоренская, А.М.Флоренская с Миком, Катя Гиацинтова, Н.П.Гиацинтова
Загорск, лето 1932 г.
Фото В.П.Флоренского.
Архив семьи Флоренских

даже. Вообще уныло, тоскливо, неприглядно все, особенно после ДВК. Белое море – грязно-серое, даже на море не похоже. Много озер, кажется 450. Но м.б. летом они и не плохи, а сейчас все какие-то серые и ничуть не радуют.

Относительно свидания¹ брось думать, это *совершенно невозможно*, да если бы и было возможно, я первый воспротивился бы по ряду обстоятельств: одна поездка по Белому морю была бы для тебя ужасом, а м.б. ты просто не вынесла бы ее, раз тебя укачивает даже в трамвае.

Теперь о делах. Никаких вещей и денег мне НЕ ПОСЫЛАЙТЕ кроме того, что я сам буду просить. Пришлите мне²:

1. Очки *concau 6,0 OD и OS*, лучше овальные (мои запасные украдены, а те, что на глазах, полусломаны и слабы). М.б. в моих вещах, если их получили, найдутся какие-либо подходящие.

2. Перчатки или варежки, но лучше перчатки.

3. Кожанные пояски тонкие – 2 и один более широкий, последнее не обязательно.

Анна Михайловна
Флоренская.
Фото М.Флоренского.
1930-е гг.
Архив семьи
Флоренских

3¹. Мундштук – самый дешевый, какой найдете, но не слишком короткий.

4. Дешевых папирос и махорки, немного курит. бумаги.

5. Писчей бумаги белой и 2–3 тетради.

6. Несколько перьев.

7. Суррогатного кофе разных сортов.

8. Луку.

9. Каких-нибудь жиров, напр. подсолнечного масла или все равно чего в том же роде, т.к. в жирах тут большой недостаток.

10. Какие-нибудь сапоги или ботинки, пожалуй лучше ботинки, лучше не слишком новые и самые простые, но прочные. Если они будут мне неск. велики, то ничего, чтонибудь* намотаю на ноги.

I Здесь сбой в нумерации.

1934.XI.7. Сейчас сижу в канцелярии – дежурю при телефоне. Спешу сообщить, что вчера переселился в новую комнату, гораздо меньшую по размерам, более теплую и более уютную, чем была раньше.

К октябрьским празднествам тут устроена небольшая выставка местной продукции, гл. обр. огородной и полевой. Вырастают здесь, несмотря на широту, корнеплоды огромных размеров – картофель, брюква, турнепс, репа; морковь и свекла мельче и хуже. Капуста, даже цветная, очень хороша. Из злаков представлены: овес, рожь, пшеница. Как раз вчерашний день я ходил на мелиоративную полевую работу: на месте бывшего заболоченного леса торфяник обращен в поле, надо было удалять корни и стволы из торфяной почвы и складывать их в кучи. Вчера выпал первый снег и вид стал несколько пригляднее, хотя небо безнадежно серо.

Уже давно пришел я к выводу, что наши желания в жизни осуществляются, но осуществляются и со слишком большим опозданием и в неузнаваемо-карикатурном виде. Последние годы мне хотелось жить через стену от лаборатории – это

I В обозначении месяца римскими цифрами допущена описка: должно быть XI, а не X.

Торфяные ямы,
выкопанные
новоприбывающими
заклоченными,
сохранились на
Соловках до сих пор.
Фото В.П.Столярова.
2009 г.

Вольфганг Амадей
Моцарт. XVIII в.

осуществилось, но в Сквородине. Хотелось заниматься грунтами – осуществилось там же. Ранее у меня была мечта жить в монастыре – живу в монастыре, но в Соловках. В детстве я бредил, как бы жить на острове, видеть приливы-отливы, возиться с водорослями. И вот я на острове, есть здесь и приливы-отливы, а м.б. скоро начну возиться и [с] водорослями. Но исполнение желаний такое, что не узнаешь своего желания и тогда, когда желание уже прошло. Крепко целую тебя, моя дорогая Аннуля. Не унывай, будь веселой.

П.Флоренский

Дорогая Олечка, вчера, работая в библиотеке³ над устройством красной доски, я сидел рядом с репродуктором и слушал музыку. Правда, передача все время прерывалась фидингом¹, но все же я получил удовольствие от концерта Моцарта и «Аппассионаты» Бетховена. Хоть и знаешь, что хорошо, но каждый раз снова удивляешься, до чего это хорошо – предельно, дальше итти* некуда и не к чему. Какая прозрачность, какая ясность и чистота! И слушая, я вспоминал о тебе, думал, занимаешься ли ты и каковы твои успехи. Стихов мне писать не приходится, написал лишь один отрывок за все это время. Условия для писания слишком неподходящие, как внешние, так и внутренние. Вообще, мне приходится здесь очень плохо во всех отношениях. Заботься о мамочке, чтобы она была бодрее и не унывала. Как ты встретила со своими подругами? Тут в библиотеке оказались кое какие* иностранные книги, правда случайного состава и в разбитых изданиях. Но все же есть кое что* для чтения, и я собираюсь, закончив каталогизацию книг, заняться чтением классиков, особенно французских. На Морсплаве удалось прочесть Расина, трагедию «Александр Великий»⁴, – произведение, считающееся сравнительно слабым, как одно из первых. Но меня удивило, как оно хорошо, как хрустально. Целую тебя, дорогая Олечка. Не забывай своего папу.

1934.XI.7

П.Флоренский

¹ От fading tones (*англ.*) – изменение звука, помехи.

1934.XI.5. Дорогая мамочка, наконец-то получились вести от вас – письмо-открытка от тебя, письмо от Анны, запоздалая телеграмма от Анны и посылка твоя, посланная Анной. Конечно я очень обрадовался вашим письмам, это для меня здесь единственное отрадное впечатление. Но вашим уверениям о благополучии не особенно доверяю.

Живу я приблизительно так же, как и по приезде, т.е. крайне неудобно, неуютно и трудно. Вообще, мое впечатление от Соловков ничуть не рассеивается*, а скорее подтверждается. Чем-либо содержательным заниматься невозможно. Пока что я прохожу курс всех т.н. общих работ, которые меняются ежедневно или самое большее через 2–3 дня. В порядке хронологическом я: разбирал картошку, чистил и шинковал картошку, дежурил при телефоне, сеял «комбикорм» – нечто вроде отрубей для скота, копал землю, помогал погрузке мешков с репою, тоже – с турнепсом, складывал репу в штабеля. Все это, при значительности норм и моих слабых силах, достаточно трудно для меня, не говоря уже об убийственных затратах времени. Но м.б. скоро устроится моя работа «в лаборатории», т.е. это не лаборатория, а малое производство, но хотя никакого научного исследования тут нет, но все же лучше, чем картошка.

Благодарю тебя за посылку, она мне составила значительную поддержку. Но старайся воздерживаться от посылок, напрасная трата денег; впрочем к тому времени, как получите это письмо, посылки уже приниматься к нам не будут. Денег мне *не* присылайте, все равно их мне не выдадут, да и покупать здесь нечего и негде. Вещей, кроме тех, которые я буду просить, НЕ ПОСЫЛАЙТЕ НИКАКИХ, можно быть уверенным, что они пропадут у меня в ближайшие же дни. Сейчас сижу в библиотеке и в свободное время составляю каталог иностранных книг, а потом займусь чтением французских классиков, к которым меня очень тянет; но, конечно, буду читать, если будет где, пока негде. Живу в камере, где 50 чел., люди совсем ко мне неподходящие, очень неудобно.

Пишите почаще, это меня будет радовать; но моих писем не ждите т.к. в месяц я могу писать лишь *одно* письмо и следовательно отвечать вам не сумею. Крепко целую тебя, дорогая мамочка, спасибо что вспомнила обо мне. Целую Люсю,

кланяйся братьям и Лиле, тете. О здоровьи* Саши сообщай. Еще раз крепко целую.

П.Флоренский

1934.XI.7. Дорогой Васюшка, надеюсь ты уже вернулся из своей поездки⁵. Как хотелось бы, чтобы эту зиму ты был здоровым. Все время думаю о тебе, о вас всех. Тут есть люди интересные, но их надо назвать скорее бывшими интересными: потому что все серости и тусклости, так что даже не верится, что это те самые люди, которые могли бы быть значительными. Только когда разговоришься, то мелькнет иногда что-нибудь, словно стертая позолота. Вероятно и я такой же, даже не вероятно, а наверное так. Типичная часть разговоров о том, кто где сегодня работал и сколько %% выработал, – второе всех всегда интересует, т.к. с этим связано количество выдаваемого хлеба и качество пищи. Монастырь – крепость – весь какой-то облезлый, очень неприятный, несмотря на свой исторический и археологический интерес. Мне что-то и смотреть на него не хочется. Мама тебе говорила вероятно о минерале – определил ли ты его с Кирой. Если определишь, сообщи, что это такое по-твоему. Целую тебя, дорогой, будь здоров и пиши.

Твой papa

Дорогой Кирилл, очень рад, что ты вернулся благополучно и с успешным завершением работы. Что же ты мне не напишешь ничего? Здешнюю местность я знаю пока очень плохо, но повидимому* она не будет мне интересна: весь остров представляет завал ледниковых отложений – валуны, валуны, валуны. Из валунов сооружены здесь стены монастыря-крепости, нижние части зданий, даже баня, так что все постройки циклопического характера. Коренных пород на о-ве, как я слышал, нигде нет, и единственный выход их на каком-то из второстепенных островов Соловецкого архипелага. Зато своеобразный вид Попова острова (теперь это уже не о-в) – сплошная скала в общем плоская, но вся громоздящаяся отдельными валунами. Это очень характерное образо-

I Ошибка в датировке месяца римскими цифрами: должно быть XI, а не X.

вание – поверхность материка стертая ледником. Вид Попова острова меня очаровал; хотя все им недовольны и находят похожим на Чортов* остров. В Соловках же гораздо более мирно и обыкновенно. Но зато тут замечательные «хребты» – лунообразные конечные морены, которых на острове очень много. Целую тебя, дорогой мальчик, будь здоров и работай с успехом.

1934.XI.7

Твой папа

1934.XI.7. Дорогой Мик, мама не пишет, каковы твои впечатления от поездки. Помнишь ли ты что-нибудь, или уже все позабыл? Напиши, как ты занимаешься, особенно меня интересует музыка и немецкий. Сообщи, получены ли мои вещи – белье и все прочее? Чемодан мой, на который ты зарился, разбит, но его можно будет починить. Удалось ли вам посадить княженику? Тут в море водится много всяких зверей и водорослей. Есть морские зайцы, тюлени, морские звезды, лилии, разные раковины. Одного молодого тюленя привезли сюда на выставку. От тюленя берут сало, «тюлений жир», оно похоже на свиное, но легче плавится и толще. Из мяса тюленей делают колбасу. Еще здесь водятся разные птицы, особенно интересна из них птица гага, гнезда которой собираются, т.к. сделаны из весьма ценного пуха. На Белом море наблюдаются приливы и отливы. Но я пока всего этого не видел сам, а зверей – лишь в музее. Крепко целую тебя, дорогой Мик.

П.Флоренский

Дорогая Тикочка, вместо комаров здесь разносит вести птица гага. И она сообщила, что ты уже научилась хорошо считать и производить действия над числами. Верно ли это? Т.к. гага дает самый лучший пух, то надо думать, что она говорит правильно. Но здесь водятся и лебеди. Пока еще они мне ничего не сообщали. Очень много здесь черники, голубики и брусники. В лесах сплошные черничные и голубичные заросли, – гораздо более густые, чем в Сквородине. На Соловецком острове много озер, около 450, т.е. почти полтысячи. В море растут водоросли, некоторые очень красивые, розовые, как лепестки роз. Другие огромные, почти в наш стол в столовой – такими

Соловки.
Крепостная башня
и Никольские ворота.
Фото П.В.Флоренского.
1966 г.

лопухами. Из некоторых водорослей добывается иод*. Есть также водоросли съедобные, их называют морской капустой; но я этой капусты не пробовал. Как доехала моя внучка⁶ до Загорска? Крепко целую тебя, дорогая Тика, не забывай своего папу и не обижай мамочку.

Твой папа

Конверт (162×115 мм) кустарный, серый. Марки: 5 коп. и 15 коп. Штемпели: Попов Остров – 21.11.34; Загорск – 24.11.34.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области. Анне Михайловне Флоренской. Пионерская, 19». Чернила фиолетовые.

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ. 1934 г. 24 ноября».

Надпись внутри конверта на клапане: «Павел Александрович Флоренский. 58-10, 11».

Письмо на пожелтевшей бумаге в линейку, два двойных листа (каждый 290×205 мм) и одинарный (145×185 мм), одинарный лист сверху оборван. Фиолетовые чернила и карандаш.

1. Свидания заключенных с близкими были возможны. Разрешения оформлялись в Москве, приехавшие ожидали на Поповом Острове, и к ним на 2–3 дня вывозили заключенных. Для встречи предоставлялись отдельные комнаты. Естественно, что разговоры о свидании занимают в письмах, особенно ранних, когда еще не угасла надежда, много места.

Из письма Н.Я.Брянцева: «В Кемь не приезжай. На свидание можно рассчитывать только летом, и то с разрешения ГУЛАГа (Москва)» (20 ноября 1933 г.).

Вторит ему и попавший на Соловки несколько раньше П.А.Флоренского Р.Н.Литвинов: «...тут, к сожалению, свиданий с женами не дают почти совсем, да и сюда приезжать нельзя, да и остановиться негде. Редкие счастливицы выезжают “на материк” на несколько дней. Сказать по правде, я просто боюсь свидания. Ты бы так разволновалась, да и я тоже, а потом возврат опять к разбитому корыту...» (15–24 августа 1934 г.)

О том же пишет и А.Ф.Вангенгейм: «Ты спрашиваешь про условия поездки на Соловки – это невозможно. На свидания вывозят на материк на несколько дней. Но мне пока и в этом отказано» (24 октября 1934 г.).

2. Подобные же вещи просили прислать и другие. Из письма Н.Я.Брянцева: «На зиму снабдите меня маслом и жирами, сахаром, немного муки белой, сухой колбасы, табаком и трубкой, а также бумагой курительной и для писания. <...> Из одежды сапоги, пару штиблет простых, ватную куртку и штаны, валенки и шапку. Пальто не нужно, так как у меня есть борчатка¹» (2 сентября 1933 г.).

Из письма Р.Н.Литвинова: «...теперь что я хотел бы получить (в случае возможности): сахар, жиры, крупы. Если бывать на базаре, то на

I Отрезная, со сборками по талии верхняя одежда, сшитая мехом внутрь.

Сенной может быть попадется котелок – типа солдатского. Это почти необходимая тут вещь. Затем к зиме очень неплохо иметь “свитер”, но если его можно связать из дешевой шерсти, самой грубой. Во-первых, мне не хочется зря тратить деньги, во-вторых, боюсь кражи. Валенки, сапоги и полуботинки пока что целы, когда обувь износится – получу казенную. То же самое с одеждой. Я надеюсь, что ты сэкономишь комплект одежды на случай моего возвращения к “вольной жизни”. Пока, как я вижу, об этом думать преждевременно. Поэтому я разбрасываюсь мыслями и пишу нестройно. В перечне желательных вещей я не упоминаю

Кремль. Слав леса.

Грав. по дереву

И.П.Недрита

Почтовая карточка,

изд. Бюро печати УСЛОН.

Вып. IV. Конец 1927 г.

Арка из северного двора Кремля, где вывешивали списки с фамилиями заключенных, которым пришли посылки.

Кадр из фильма «Соловки», оператор С.Г.Савенко. 1928 г.

нул, что крупа идет всякая: и пшено и т.д. И что с табаком тут тоже плоховато, но что сорт табака чем ниже, тем лучше» (15–24 августа 1934 г.).

Просьбы о том, что нужно прислать, каждый из соузников повторял в последующих письмах, т.к. послания по разным причинам не всегда доходили до адресата.

3. «При библиотеке был большой читальный зал, используемый раз в неделю для пропаганды на политические и антирелигиозные темы. Слушатели на них выслались из рот принудительно. В другие дни там шли доклады и диспуты на литературные или научные темы» (*Розанов М.М.* Соловецкий концлагерь в монастыре. В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 25).

Из письма А.Ф.Вангенгейма: «Только что отчитал лекцию о стратосфере в театре перед концертом» (16 ноября 1934 г.).

Вероятно, также именно здесь на протяжении трех лет читал лекции по математике и химии Павел Александрович Флоренский.

Лагерную библиотеку П.А.Флоренский посещал часто, она являлась своеобразной отдушиной для заключенных, местом временного отдохновения от суровой лагерной обстановки. Юрий Чирков, работавший в библиотеке, вспоминал: «Лагерная библиотека насчитывала около 30 тысяч томов и несколько тысяч переплетенных журналов по всем отраслям знаний. Эта библиотека создавалась с начала образования Соловецких лагерей особого назначения. <...> Фонды библиотеки сначала складывались из книг, привезенных первыми тысячами заключенных. Многим из них посылали книги из дому. После умертвий или освобождений хозяев эти микробиблиотеки передавались в лагерную библиотеку с экслибрисами и гербами, с дарственными надписями и заметками на полях. Можно было встретить автографы Менделеева и Тургенева, фельдмаршала Милютина и Пржевальского, графа Витте и барона

Будберга, Комиссаржевской и Боборькина... Так создавался, например, фонд иностранной литературы, насчитывающий более 1800 томов, изданных в лучших издательствах Лондона, Парижа, Лейпцига, Берлина.

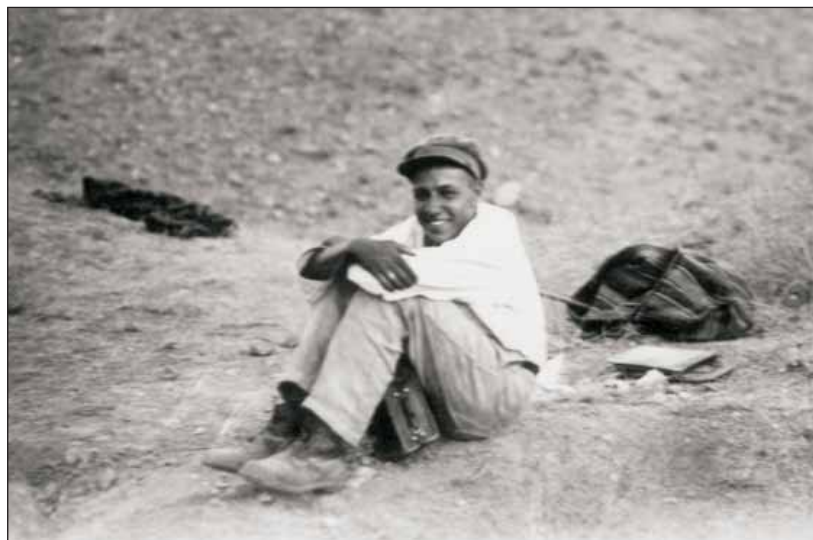
Я имел удовольствие видеть прижизненное лондонское издание “Орлеанской девы” Вольтера, прижизненные лейпцигские издания Гейне, Уланда, второй том “Отверженных” Гюго, принадлежавший Тургеневу, с его заметками на полях книги на русском и французском языках, экземпляр “Пана Тадеуша” с дарственной надписью Мицкевича графу Тышкевичу и другие ценные книги. В иностранном отделе были книги на 26 языках, в том числе на арабском и японском, но преобладали французские, немецкие, английские. С 27-го года в библиотеку поступали книги советских издательств. Особенно много книг, журналов и газет стало поступать с начала 1934 года» (*Чирков Ю.И.* А было все так... С. 63–64).

Видимо, в лагерную библиотеку попали книги из родовой библиотеки баронов Будбергов, содержавшей книги по истории и экономике России, Польши, Прибалтики, европейских государств, описания путешествий, беллетристику. После смерти А.А.Будберга часть библиотеки продана букинистам, часть поступила в библиотеку Академии наук в Петрограде.

Судя по воспоминаниям Ю.И.Чиркова и М.М.Розанова, библиотека и читальня располагались на третьем этаже Поваренного-Квасоваренного корпуса (см. наст. изд. – Т. 1. С. 100).

4. Речь идет о раннем произведении Ж.Расина – трагедии об Александре Македонском (1664).

5. В.П.Флоренский предполагал выехать в Москву в конце октября, но задержался. О причине задержки он пишет матери в письме от 9 ноября 1934 г.: «Дорогая мамочка, получил твое последнее письмо, очень

Василий Флоренский
во время Таджикско-
Памирской экспедиции.
Осень 1934 г.
Архив семьи
Флоренских

Соловки. Часовня.
Фото В.И.Петруниной.
2008 г.

краткое <...> Денег я для вас сэкономил, но не присылаю, так как здесь лучше этого не делать, если тебе очень нужны, возьми в долг, мы потом отдадим. Везу вам немного изюма, думаю, что детишки будут рады. В письме ты мне пишешь не все, я это чувствую, очень хотелось бы вас всех скорее видеть, но, с другой стороны, нужно заработать больше денег. Думаю приехать в начале второй половины ноября 1934 года. Сейчас я только что приехал из Ташкента с конференции. Я был туда вызван и там делал доклад перед большим залом с большим количеством публики. Делал я доклад непосредственно после доклада Горбунова, сошло, кажется, прилично. После я заехал в Самарканд, позволил себе эту роскошь, не знаю, хорошо ли это сделал или нет. Город на меня произвел большое впечатление. Многое хочется вам рассказать, многое хочется послушать у вас, особенно о вашей жизни. Все это жду я с нетерпением. Моих начальников сейчас нет.

Как Кирино здоровье, видел предварительный отчет его отряда, они видимо нашли много интересного, я очень рад за него. Зильберминц собирается взять его к себе на работу, не знаю, как лучше сделать. Зильберминца я видел на конференции в Ташкенте, он тоже делал доклад.

Сейчас я собираюсь на короткое время приехать в горы, посмотреть одну новую интересную точку. В горах много снега, начались сильные морозы, наверное ездить будет очень холодно, но ничего, как-нибудь справлюсь. Очень хочется всех вас видеть. Целую тебя, близких и детей.

Вася»

б. Внучка – это Тикина кукла.

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

9 ноября 1934 г.

№ 28. <...> Вот и миновали уже праздники – первые октябрьские праздники в такой обстановке и в таких условиях. Писем за последние дни не было <...> Ждал посылку, о которой ты предположительно писала, но до сего дня не получил. Праздники провел в очень тяжелом настроении. Я уже выписался из лазарета, с 3-го ноября имел освобождение от работ до праздников, с 10-го, т.е. после сегодняшнего выходного дня, приступаю к работам, но не знаю окончательно, куда назначат. По выходе из лазарета взял на себя в качестве общественной нагрузки приведение внешности библиотеки в праздничный вид и подготовку читальни к открытию. Поэтому писал крупно памятку читателю, правила библиотеки, рисовал лозунги, развешивал лозунги и плакаты и т.п. 7-го, после окончания всех этих работ, помогал врачам оформлять выставку. Осмотрел выставку, побыл на слете ударников¹, но в театр не пошел – так тяжело идти без тебя, и настроения нет, да и нервы не позволяют. Поэтому предпочел остаться охранять камеру, когда все четверо сокамерников пошли на постановку, да и сегодня собираются. За эти дни привел свое, теперь обильное, хозяйство в порядок: сегодня починил стол, устроил все удобно для работы. Начал систематически работать над присланным тобой Бержероном, и к сожалению, подолгу работать еще не могу. Думаю, понемногу втянусь. Ведь через два дня заканчивается 10-й кошмарный месяц. Как больно осознавать, что они потеряны, когда страна так нуждается в работах специалиста. Над своими темами работать, конечно, я не смогу, т.к. нет материалов, да и времени свободного остается мало после 10 часов работы. Относительно отыска-

ния рукописи о педкабинете на почте я просил начальство, подал официальное заявление. Может быть, удастся найти, хотя, очевидно, уже слишком запоздала работа, даже ко второму полугодю не успеет. Обидно. Особенно больно за трату сил напрасно. Когда работа так нужна для сотен тысяч и даже миллионов. Ведь некультурности у нас достаточно еще много. С выходом из лазарета я не смогу рисовать столько, сколько удавалось там, тем более что дневного света очень мало. Начал вчера рисовать для Элички² цветов, но сегодня не смог продолжать из-за темноты – пасмурный день, в камере полутемно. Летом было иначе, особенно когда солнце светило больше 20 часов в сутки. Наше окно выходит на запад, и вся камера в солнечные дни была залита светом.

Выходит, что ни во сне, ни наяву нет отдыха душе. И это – за мою работу! За то, что всего себя целиком отдавал делу. Когда вспомнишь: Учительский союз³, музей⁴, «Красную агрономию» Дмитриевского уезда⁵, работу в ГМК, наконец, мое детище – гидрометеорологическую службу, которую я пестовал на гордость СССР – становится жутко, больно. <...>

Я кажется, тебе писал, что Мультановского и Бержерона (3 книги всего) я получил. Обратил внимание, что мое ответственное редакторство книг Бержерона исчезло, осталась только благодарность мне от автора во введении. Но это, конечно, все мелочи по сравнению с остальным. <...>

1. В лагере существовала система зачетов. «...За <...> “общественную нагрузку” <...> поставят в “Книжку Ударника” лишние проценты выработки и зачтут сорок пять дней. <...> “Книжка Ударника” давала право на 1–2 дополнительных письма в месяц, что для некоторых было дороже всего прочего. Были введены и другие преимущества ударникам, но больше пропагандного характера: внеочередное обслуживание в столовой, первоочередная выдача и обмен обмундирования, снабжение постельным бельем, лучшее (?) медицинское обслуживание. <...> Я думал, что каждый квартал передвигаю свой срок освобождения на сорок пять дней, заведя для этого программный календарь на все десять лет – 3652 дня. Чем бы, говорят, дитя ни тешилось...» (Из воспоминаний М.Розанова // Цит. по: *Бродский Ю.А.* Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. С. 414).

На деле эта зачетная система была воистину «филькиной грамотой», не дававшей существенного сокращения срока заключения:

«Из протокола заседания
Президиума Верховного Совета СССР
25 августа 1938 года:

По поводу досрочного освобождения из лагерей ударников строительства:

– Правильно ли вы предложили представлять списки на освобождение этих заключенных? Они уходят с работы. Нельзя ли придумать какую-нибудь другую форму оценки их работы – награды и т.д.? Мы плохо делаем, что нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо... Будут освобождаться лучшие люди, а оставаться – худшие. Нельзя ли повернуть по-другому, чтобы эти люди оставались на работе – давать ордена, может быть? А то мы их освободим, вернуться они к себе, снуюхаются опять с уголовниками и пойдут опять по старой дорожке. А в лагере другая атмосфера – там трудно испортиться.

И.Сталин»

(Цит. по: *Бродский Ю.А.* Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. С. 415).

2. Э.А.Вангенгейм, доктор геолого-минералогических наук (1975), ведущий научный сотрудник Геологического института РАН, занимается вопросами биостратиграфии и палеонтологии млекопитающих позднего кайнозоя, является автором более 200 научных работ, в том числе 6 монографий (4 – в соавторстве).

3. После Октябрьской революции А.Ф.Вангенгейм работал инспектором народного образования в г. Дмитриеве Курской губернии (ноябрь 1917 г.).

4. А.Ф.Вангенгейм организовал Дмитриевский музей родинovedения, был первым его заведующим (июль 1919 г.).

5. До 1919 г. в Дмитриевском уезде работало 9 метеостанций, приборы и оборудование которых за годы Гражданской войны и послевоенной разрухи были расхищены или просто уничтожены. 21 июня 1921 г. Совнарком РСФСР принял Декрет об организации метеорологической службы в РСФСР. В июле 1921 г. А.Ф.Вангенгейм был назначен уездным агрономом, и все хозяйственные заботы о станциях и «материально-правовом» положении наблюдателей легли на его плечи. Необходимо было не только получать новые приборы, инструменты, восстанавливать помещения станций, но и преодолевать враждебную реакцию местных жителей, нередко считавших метеостанции виновником природных катаклизмов (например, засухи) и пытавшихся разгромить вновь созданные станции. Алексею Феодосьевичу удалось добиться того, что в январе 1922 г. в уезде действовало уже 5 станций.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

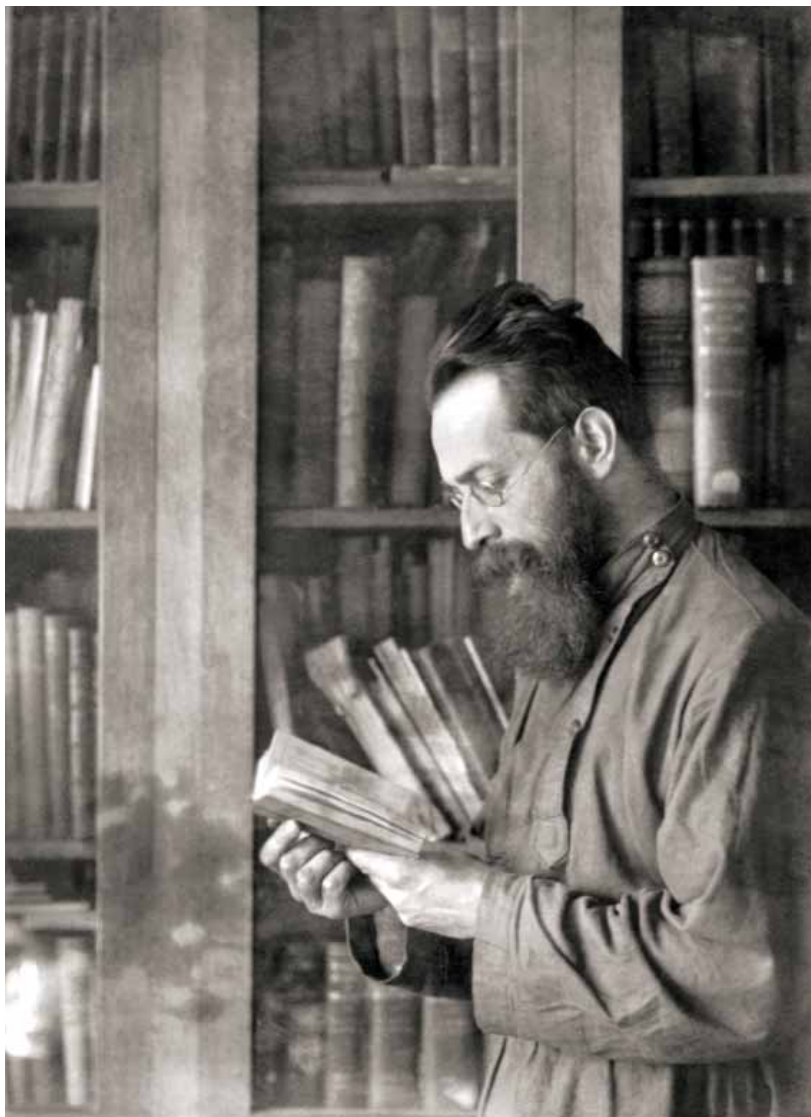
[10 ноября 1934 г.]

Милая Варенька.

Большое спасибо тебе за то, что не забываешь о своем далеком муже. Мне твои письма и посылки доставляют большую радость, в особенности письма. Посылок я получил уже не помню сколько, но могу указать на <...> теплые вещи, в том числе пахнувший духами свитер <...> напомнившие о прежних днях. Как будто я вполне теперь снабжен на зимовку. Говорят, что тут зима мягкая, но говорят это сибиряки. Во всяком случае, при наличии своих одежных запасов, я надеюсь не пострадать от холода. Единственное, о чем я вспоминаю, – это перчатки, которые были со мной в ГПУ и про которые я не могу сообразить – украли их или я их не взял с собой. Напрасно ты послала столько круп, во всяком случае, имеющегося запаса хватит. За время жизни в Биосаде я совсем поправился здоровьем. Нужно сознаться теперь, когда это уже прошло, что одно время я очень отощал и ослабел, в особенности к моменту приезда в Кемь. Я не мог почти сделать физической работы и устал, пройдя около полутора верст с посылкой из лагеря на завод, где я жил. Ноги у меня сильно опухли. Теперь это все прошло, я окреп, поправился и физически чувствую себя, пожалуй, лучше, чем это было до ареста.

В отношении работы – она меня отчасти удовлетворяет. Работы много – аналитическая и отчасти исследовательская. Иногда увлекаешься работой до поздней ночи. Веду занятия по химии, но это мне меньше по нраву. Ученики со слабой подготовкой и плохо меня понимают, а это очень неблагоприятно отзывается и на настроении преподавателя. Приходится ходить в Кремль и возвращаться в темноте – а темнота осенняя, осень мокрая и дорога грунтовая. Но все-таки даже эти походы не лишены странного очарования, в особенности если есть звезды и, чтобы спастись от грязи, идешь по лесной просеке. Вчера видел северное сияние – что-то вроде зарева, но не зарева от пожара, а зарева от большого города света такого, какой имеет Млечный путь. Столбы сияния поднялись почти на четверть неба, помелькали и исчезли. Придешь в свою «келию» – светло, тепло, чисто. Даже, нужно сознаться, я повел агитацию за

Роман Николаевич
Литвинов.
Фото нач. 1930-х гг.
Архив семьи
Литвиновых

радио, и мы поставили приемник и слушаем радиопередачи. К сожалению, никак не могу поймать Горького, но не теряю надежды на поимку. Чем же я занимаюсь еще? Отпускаю бороду. Увы, в ней гораздо больше серебра, чем это было бы желательно и своевременно. Большое спасибо за журнал. Это то самое, что было нужно и нужно. Относительно № с агар-агаром не беспокойся. Надобность в нем отпала.

Ты интересуешься, за что меня изолировали. В статьях уголовного кодекса есть пятьдесят восьмая статья и в ней

Соловки.
Двор в Кремле.
1920-е гг.
Собрание
А.И.Сидорова

пункты восьмой, десятый и одиннадцатый¹. Вот и все. В какой мере это справедливо – ты знаешь не хуже меня. Во всяком случае, следователь уговаривал меня самобичеваться и говорил, что в этом случае все будет хорошо и меня отпустят. Я сделал довольно неуклюжую попытку в этом направлении.

Признал, что в прошлом был настроен не советски и был членом фашистски-националистической группы из двух человек – себя и Сер. Алекс. К сожалению, его предсказание об отпуске меня домой и отдаче браслета тебе не исполнилось. Значит, времена пророков прошли. Поэтому я даже и не пускаюсь в предположения, когда и как я тебя увижу. Во всяком случае надеюсь, что это будет и обстановка изменится так, что это будет раньше намеченного нам срока. А пока что не беспокойся обо мне. Из всех возможных вариантов тюрьмы и лагерей, которые я исследовал, я попал в наилучшие возможные условия. Главный минус – отсутствие возможности писать достаточно часто – надеюсь, скоро исчезнет. Трудность свидания, вернее, его невозможность (пока) – это не так меня огорчает, потому что свидание было бы слишком сильной трепкой нервов и твоих и моих. Пока что главная моя заповедь тебе – это смотреть за своим здоровьем. О Кольке и говорить не приходится, так как я знаю, как ты о нем заботишься. <...> От Любы я уже давно не имел писем. Неужели она обиделась на меня за то, что я не пишу, или с ней что-нибудь случилось? Напиши ей о том, как я ограничен письмами и как я о ней беспокоюсь. Основной моей печалью является разлука с тобой и как это ни странно с Колькой. Я никогда не предполагал, что смогу быть таким чувствительным мужем и отцом. Самое обидное, что во времени мы изменяемся и когда мы увидимся, то будем все совсем другие. <...> Я вспоминаю тебя много раз ежедневно, по самым различным поводам, что иногда приятно, а иногда мучительно. <...> Но хватит сантиментов, хотя о другом писать почти нечего. Не писать же о том, что тут великолепная баня, которую я посещаю с удовольствием, что по утрам мы занимаемся с удовольствием же физ-культурой – пилкой дров, что публики местной почти что не вижу и знакомых почти не имею, что женщин тут почти нет, а то, что есть, не представляет интереса ни с какой стороны. Было бы безтактно описывать местное невольное население, но нужно сказать, что интересных людей тут совсем мало, хотя я, живя на отшибе, и не имею возможности, да и желания ближе ознакомиться со своими соседельцами.

Погода у нас стояла последнее время неважная в смысле влажности, но довольно теплая. Еще 1 ноября можно было находить бруснику. На праздники выпал снег и был легкий мороз,

но 9-го все растаяло и была грязь. На праздники ходил в Кремль на юбилейную выставку, где были выставлены между прочим живые тюлени и морской заяц – громадный зверь, пудов на 8. Были там и наши изделия. В театр не пошел, т.к. не было билета и желания. Наружность большинства театралов была такова, что рука невольно хваталась за карман с единственной ценностью – трубкой. Назад шли с товарищем². Был легкий мороз, и к моему удивлению мне было тепло. Куртка оказалась очень теплой. Она, нужно сказать, служит мне верой и правдой, так что я очень рад, что ее приобрел. Деньги тут почти не нужны. Я получил «жалование» около 10 рублей и истратил гораздо меньше. Фактически можно потратить деньги раз в месяц на покупку махорки и дозы конфет, а потом покупать спички хоть ежедневно, кроме выходных дней. Хлеба хватает, мы даже иногда сушим сухари. Скоро ждут этапов, на которые я совсем не рассчитываю, но боюсь, что заберут товарищей по работе. Один из них гениальный кулинар³, так что в случае его увоза придется питаться гораздо хуже, хотя я и приглядываюсь к его методам. Как видишь, жизнь тут довольно безпечальна. Тебе труднее, чем мне, хотя у тебя нет только мужа, а у меня и тебя, и сына. Но не питая чрезмерно оптимистических надежд на скорое свидание, я твердо верю в то, что так или иначе, а мы опять будем вместе. Тогда я закурю трубку, сяду рядом с тобой и буду рассказывать свою одиссею своей единственной <...> А пока до свидания. Посылок больше не надо. А если все-таки пошлешь, то она дойдет, вероятно, весной. Во всяком случае, всегда зашивай их в тряпку, а то вскроют.

Роман

1. Пункты статьи 58 УК РСФСР в обиходе «расшифровываются» так: статья 58, п. 8 – «*терроризм*»; статья 58, п. 10 – *антисоветская пропаганда*, а статья 58, п. 11 – применялась при *групповых преступлениях*. Полностью текст статьи 58 УК РСФСР в редакции 1926 г. см. в Приложении II.

2. Заключенным в письмах запрещалось упоминать о своих союзниках. Поэтому они называли их условно, например: один химик, другой профессор. В данном случае Литвинов говорит о П.А.Флоренском, с которым очень сблизился.

3. «Гениальным кулинаром» Р.Н.Литвинов называет В.М.Осетникова, великолепную характеристику которому дает Н.Я.Брянцев: «...работает еще один лаборант химик, некий Осетников Василий Михайлович, при-

бывший со мною из Омска. Там он в течение последних десяти лет занимался преподавательской деятельностью по товароведению и химии. Ему за 50 лет и, кончив в свое время интендантскую академию и работая в этой области, несомненно, приобрел хозяйственный опыт, в частности постиг искусство стряпни. Видно, любит этим делом заниматься, так как рассказывает, что, будучи на воле, хозяйственными делами и стряпней занимался он, а не его жена. Бедная, мне ее теперь жалко, так как волею судеб кормившая половина очутилась на Острове. Правда, я от этого выиграл, так как живем коммуной и главповар у нас В.М. <...> он не проявляет особой инициативы, изобретательности, наконец, фантазии в деле разнообразия меню. Дует суп один и тот же подряд недели две, пока не раскачаешь его на другой лад. Правда, в последнее время он начинает проявлять больше фантазии, тем более что и количество продуктов у нас теперь вполне достаточно. Мы получаем кроме основного пайка еще паек ИТР. По последнему нам дают ежемесячно пшеничной муки 2,5 кг., крупы 2 кг., мяса 1 кг., селедки 2 кг., жиров 0,6 кг., макарон 1 кг., картофель[ельной] муки 0,3 кг., томату 0,5 кг., картошки и пр. овощей 10 кг. и сахару 0,4 кг. Это на брата. У нас уже начинают образо[вы]ваться запасы, на черный день, крупы, макарон. <...> нам выдают продуктами, так наз. сухой паек. По выходным дням кушаем блинчики. Хлеба тоже вполне достаточно: кроме основной ежедневной порции в 700 гр. (1 категория), отпускают еще за плату 200 гр., за 5 кп. У меня уже порядочная порция сухарей. На вредность нашего производства отпускают нам ежедневно по 400 гр. молока» (18 февраля 1934 г.).

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой, сыну Николаю

16 ноября 1934 г.

Соловки

Дорогая Вита и Котик,

Сегодня получил Твое письмо от 1/XI. По-видимому, не все мои письма доходят. Постараюсь ответить на вопросы, заданные в трех Твоих последних письмах, поскольку они почти в каждом письме повторяются. Прежде всего, как книгу, так и две посылки, о которых Вы упоминаете, – одну с теплой кепкой и одну с мешочком – получил своевременно и в порядке. Часть продуктов еще сохранилась до сих пор у меня – как чай, кофе, банка с консервами: расходую весьма экономно и с толком. Что мне нужно из вещей: пришли только перчатки теплые. Валенки сохранились, уцелели, отремонтировал, сапоги же хотя и уцелели, но расползлись. Здесь их приведу в капитальный

Почтовая марка из серии, посвященной строительству первой очереди (1932–1935) московского метро. Худ. И.Г.Таранов. 1935 г.

вид и состояние, после того как влезу в валенки. В общем, зиму встречу и подготовлен к ее восприятию даже здесь, на Соловках. Несколько дней у нас уже снег, но холод не выходит за пределы -2 и 3° . Большая же часть проходит в борьбе между теплом и холодом, в границах $+5^{\circ}$, -3° .

Зима все же лучше, чем тоскливая слякоть с дождями, туманами. Зима бодрит, а это весьма существенно. <...> Очень рад, что нашлось все же мое заявление, хотя я отослал через Соловецкое руководство копию этого заявления и новое с дополнительными соображениями. Я убежден, что Тебе удастся познакомиться с этими двумя бумагами.

Я рассчитываю, что они попадут в Москву примерно в середине ноября, то есть в тот момент, когда пишется это письмо. Когда удастся Тебе с ними ознакомиться, сообщи мне. В этих двух заявлениях я исчерпывающе изложил все, что связано с моим делом. Больше сказать нечего, остается только биться головой о стенку, но так как это занятие довольно безнадежное и невеселое, поэтому навряд ли придется прибегнуть к его реализации, по крайней мере, в условиях здравого ума. Вода в озерах уже замерзает. Море волнуется, но через месяц, так к середине декабря, и оно перестанет волноваться, несмотря на свою стихийность. Соответствующие оковы скуют и свирепое северно-ледовитое море, превратив его в невинное состояние покоя, покрыв белоснежным покрывалом. В прошлом году навигация закрылась 9/XII, но это было весьма рано, обычно позднее, отсюда можем надеяться, что пароходики поплавают еще в декабре. Поживем, увидим. <...>

Чувствую по тону Твоего письма, что шум столицы достаточно осточертел Тебе и Ты мечтаешь о бывшем «теплом уголке». Странное совпадение. В настоящее время мы с тобою находимся как бы на двух разных полюсах. Ты среди шума, суеты, последних достижений техники, культуры, соцстроительства – гиганты театры, кино, метрополитены, я, наоборот, на заброшенном острове в обстановке полнейшего примитива и полной тишины. Ты тяготишься первым, я совершенно далек от счастливого состояния от второго. Следовательно, для человеческого удовлетворения недостаточно ни шумной культуры,

ни тихого примитива, необходима еще целая совокупность и положений, и условий, тогда и в шалаше рай, как это говорится в пословице. <...>

К сожалению, затрудняюсь я Вам что-нибудь посоветовать насчет переезда того или иного. Нужно при всех этих вопросах не забывать одного: везде хорошо, где нас нет. Жили Вы в свое время в Новосибирске, вспомни, как часто рвалась Ты уехать и при этом меня не раз журила за сибирскую ориентацию, а сейчас вспоминаешь как о чем-то исключительно прекрасном и уютном. Мои дорогие, решайте сами. Пишите, целую Капочку.

Ваши [Н.Брянцев]

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

16 ноября 1934 г.

№ 29. <...> Только что отчитал лекцию о стратосфере в театре перед концертом. Хотя лекцией занял не больше 40 минут, но устал очень; очевидно, это на лекции не отразилось, но после лекции сразу сказалось. Читал, конечно, с тяжелым чувством, вспоминая свои выступления с Прокофьевым и др. Ну, может быть, втянусь – мне до декабря надо прочитать еще 8 по общественной нагрузке. Сейчас же после праздников получил назначение на работу. Возжусь с книгами, что само по себе меня мало утомляет, но все же к ночи чувствую себя усталым. По четным числам с 12 ноября за исключением выходных дней подвергаюсь сеансам гипноза. Опытный врач лечит, но за три сеанса еще не смог привести даже в полусонное состояние. Обещает, что действие будет и без этого. Посмотрим дальше.

На зиму составил себе такой план использования свободного времени: работа с метеорологической книгой и практика в чтении на иностранных языках. Сейчас время так занято, что с выхода из лазарета ни разу не прибегал к шахматам. Думаю, что и зимой редко придется к ним обращаться.

Погода стоит соловецкая – гнилая зима. Два дня морозы, снег, потом все тает, дождь, туман. Я начал читать на французском языке «Хижину дяди Тома»¹ для практики. Как О.Ю. и Г.А.? Если будет возможность – пришли англо-русский словарь. <...>

1. Роман американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», написанный в 1852 г., стал одним из главных американских бестселлеров XIX века и спровоцировал всплеск антирабовладельческих настроений в северных штатах. В России революционно-демократические круги использовали роман в борьбе с крепостничеством (в 1858 г. редакция журнала «Современник» разослала читателям русский перевод романа в виде приложения к журналу). За годы Советской власти «Хижина дяди Тома» издавалась 59 раз на 21 языке народов СССР общим тиражом свыше 2 млн. экз.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

19 ноября 1934 г.

Соловки

Варька моя любимая! В этом месяце я пишу тебе второе письмо. Я его, можно сказать, выходил. Через день или через два, по темной, совершенно невидимой осенней дороге, по лесной тропинке, через канавы в торфяном месиве я ходил в Кремль давать уроки по химии малограмотным собратьям. И за это я получил возможность написать тебе второе письмо. <...> Как нехорошо, что мы разлучены и что тебе приходится так жить! Если бы не ты и не Колька, то я мог бы сказать, что живу хорошо. Только мысли о вас заставляют меня впадать иногда в мрачное настроение. Здоровье мое в полной исправности, так что твои опасения в связи с «изменением почерка» неосновательны. Я просто перешел от написания *m* на *т* и таким образом сэкономил два лишних движения пером, и, во-вторых, прошлый раз попало очень плохое перо. Работой, жильем, обстановкой, сожителями я вполне доволен. Чтобы показать тебе, как я живу, опишу для примера один день, ну хотя бы сегодняшний. Утром встал, чтобы впустить стекольщика, оделся, помылся и пошел в лабораторию. Сделал два анализа, подготовил к дальнейшей работе еще два. В промежутке между двумя определениями завтракали. Завтрак – три воблы, жареные в тюленьем жире, и картошка в мундире + хлеб + чай. Около часу пошли пилить дрова. Распилили, раскололи. Носить я не стал, а пошел опять работать. Закончил начатые анализы. Стало темнеть – уже около 4 часов. Обедать сели около 6. Пустили радиопередачу, в частности, я выслушал об

уровне в Волге и температуре в Горьком, программу радиопередач на завтра и, кажется, что узнал голос дикторши. Обед был – винегрет из картофеля, свеклы, моркови, капусты, трески и пшенная каша. Потом чай, а потом я заснул. Проснулся от того, что меня ткнул в лицо лапами пес Джек – 3- или 4-месячный щенок-овчарка. Я его тоже ткнул, рассердился и пошел в лабораторию работать. Директор ушел по делам в Кремль, и я один в лаборатории под шум примуса, на котором кипятится раствор, пишу моей далекой и любимой, такой далекой и такой любимой Вареньке. Завтра будет, вероятно, то же самое, но вместо письма тебе буду слушать какую-нибудь станцию, или нет, вру, после обеда пойду на занятия по химии, а придя домой, буду слушать радио или читать иностранную книгу.

Дни в работе проходят незаметно. Зимы еще нет. Выпал снег, но температура колеблется около нуля. В декабре остановится навигация и до весны. Относительно авиапосылок я ничего не слышал и вряд ли сумею узнать, потому что не у кого. Мы тут живем больше всего слухами, а с источниками несомненных сведений не приходится встречаться. Но слухи о авиапосылках циркулируют. Нужно сказать, что, по-моему, я вполне

Соловецкий кремль.
Почтовая карточка,
изд. Бюро печати
УСЛОН.
Вып. II, № 22.
Январь 1927 г.

укомплектован всем необходимым, так что вопрос посылок меня нисколько не беспокоит. Письма доходить будут, а это главное. Ты просишь прислать заявление и притом незаадресованное. Боюсь, что этого нельзя сделать согласно существующим правилам. Так как тут публика сидящая, то общее мнение говорит о том, что такого рода шаги, как подача заявления, не приводят ни к каким результатам. Только при наличии серьезной поддержки со стороны авторитетных деятелей можно надеяться, что характеристика, данная моей деятельности¹, будет изменена на более точную и соответствующую. Мои первые мысли о том, что тут, совершив какой-нибудь полезный для республики труд, я смогу этим найти выход, уткнулись в трудности, связанные и [с] исключительной изоляцией, и состоящие и из трудностей с литературой и реактивами и приборами, и отчасти с тем, что трудно проявить инициативу. Но во всяком случае я думаю, что если повезет – а «везло» мне всегда в значительной степени, то мы еще много вечеров просидим рядом и будем вспоминать нынешние тяжелые дни даже с некоторой благодарностью, так как они показали нам, как крепко мы любим друг друга и как мы нужны друг другу. Ну, вперед загадывать нечего, а пока... пока я могу только думать о тебе и занимаюсь этим очень, слишком часто...

Только что пришел «директор» и принес открытку от тебя и известие, что я могу послать в этом месяце еще одно письмо <...> в декабре я, вероятно, получу возможность послать опять три письма. Что будет дальше, не стоит подсчитывать. <...> Относительно писем от других <...> я ни одного не получил. Относительно агар-агара – я уже писал тебе, что всякая нужда в литературе по нему отпала, а поэтому не безпокой себя и других агар-агаром. О посылках мною полученных: все посылки я получил, но из одной из них был вытасчен рис – во всяком случае в мешочке с рисом его было около стакана, и была вытащена банка с консервами фруктов, о которых ты писала. Дело в том, что посылка не была зашита в тряпку и ее вскрыли со дна и вынули 1,5 килограмма. Можно было отказаться от ее приема, но я решил, что интереснее получить посылку, чем отправлять ее назад. <...> Таким образом, я как будто изложил все, что можно писать по домашне-хозяйственной части. По юридической – в прошлом письме я изложил статью и пункты. Ты про-

сишь № и даты – № не знаю, вероятно его и нет, что же касается даты, то она 1-го июля нынешнего года. <...> Конечно, в конце концов все эти юридические ошибки будут исправлены, но чтобы это было скоро, крайне сомнительно. Поэтому я извлекаю все лучшее, что можно, из здешней жизни: абсолютно чистый воздух, норвежский климат, физическую работу вроде колки дров клином и молотом и иногда мудрые беседы с высококвалифицированными собратьями. Есть несколько очень милых людей, с которыми можно поговорить на какие угодно темы, и в этом отношении общество интереснее горьковского. Есть тут и дамы, но тут Горький² побьет, потому что их очень мало и то, что есть, ничтожно и противно по качеству. Несмотря на это, у них масса поклонников, но почему – непонятно. С большим удовольствием работаю в лаборатории. Ты, конечно, помнишь, что в Нижнем я очень мало работал. Тут условия работы в отношении оборудования требуют большой ловкости и сообразительности. Поэтому я с большим спортивным интересом проделываю анализы и, пожалуй, попав опять в привычную обстановку лаборатории научной, занялся бы трудами исследования в гораздо большей степени, чем это было раньше. Передай мой привет бабушке, а Кольке скажи, что я о нем очень часто вспоминаю, что недалеко живет черный бык, что у нас есть собачий мальчик Джек, много кроликов и морские свинки, а с крыши видно море без конца и края. Скажи ему, что я прошу его быть хорошим и послушным мальчиком и что тогда, может быть, меня отпустят домой, и я расскажу ему длинную, длинную сказку про <...> быка, который ездил на тракторе. <...> Ну, пока, всего хорошего, любимая, помни обо мне, но не вспоминай слишком часто, пиши письма хоть покороче, но зато почаще и помни, что твои письма – это самое ценное, что я имею за эти месяцы. Всякое сведение, самое ничтожное, меня теперь очень интересует. <...> До свидания хотя бы в письме. <...>

[Роман]

1. Считая арест и ссылку в лагерь недоразумением, которое должно разъясниться, нужно только немного «помочь» этому процессу, Р.Н.Литвинов просил жену собрать как можно больше положительных характеристик о его работе «на воле»: «...хочется видеть себя не в таком жалком виде, как заключенный из лагеря, а в вольном. Это может случиться, если будет доказано, что я попал сюда не по

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО
НА ИЗОБРЕТЕНИЕ

№ 32775

Настоящее авторское свидетельство выдано на основании Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях от 9 апреля 1931 г. (С. З. СССР 1931 г. № 21, ст. 181) г-нам Роману Николаевичу Литвинову и
Михаилу Макешиновичу Файнбергу,
на определение плотности газов,

во всем согласно с приложенным описанием и указанными в заключительной его части

отличительными признаками изобретения, по заявке от 15. февраля 1930 г. № 64484

Действительный изобретатель и

Файнберг

По исходящему журналу Бюро новизны при Комитете по изобретательству при СТО

№ 64484

Директор Бюро новизны Комитета по изобретательству при Совете труда и обороны
Старший эксперт Угел

Реализация изобретения, указанного в настоящем авторском свидетельстве, производится согласно ст. 20—29 и 33—36 Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях (С. З. СССР 1931 г. № 21, ст. 181).

Действие авторского свидетельства распространяется на территорию всего Союза ССР.

г. Ленинград, 31. Октября 1930 г.

Авторское свидетельство № 32 775, выданное Р.Н.Литвинову и М.М.Файнбергу за изобретение прибора для определения плотности газов
Архив семьи Литвиновых

Копия.

Выписка из приказа № 155:

Директора Горьковского Химико-Технологического
Института от 29 апреля. 1933г.

Ударника доцента **ЛИТВИНОВА** Романа Николаевича
за проведение актуальнейших для Социалистического
Строительства Научно-Исследовательских работ по
заданию Промышленности, за оказание конкретной
помощи Промышленности путем научной консультации
и выездов на заводы **ПРИМИРОВАТЬ В РАЗМЕРЕ 300 руб.**

П.П. Директор ГХТИ **МИХАЙЛОВ.**

Выписка верна: Зав. Секретариатом **Егоров.**
Горьковская Государственная Нотари-
ная Контора свидетельствует верность
стоящей копии с подлинником.

С подлинным верно:

М.А. Горьк. Химико-Технологический Институт

Выписка гос. посылкам

гор. Горький

1933
10 ОКТ 1934

для ж.

Выписка из приказа о награждении Р.Н.Литвинова
Архив семьи Литвиновых

контр-рев[олюционн[ый]] заслугам, а из-за неправильной оценки меня. Для этого существует два пути; один доступный отчасти тебе – собрать отзывы обо мне и моей работе – через знакомых с моей работой на заводах и в институте, Наркомлегпроме» (15–24 августа 1934 г.).

Варвара Сергеевна делала все от нее зависящее, стараясь помочь мужу. Получив его письмо, она начала собирать документы, копии некоторых сохранились в семейном архиве Литвиновых:

– «Трудовой список» (трудовая книжка), охватывающий деятельность Романа Николаевича с 1918 по 1 июня 1934 г.;

– Выписка из приказа № 155 от 29 апреля 1933 г. о награждении Р.Н.Литвинова «за проведение актуальнейших для Социалистического строительства научно-исследовательских работ по заданию промышленности» денежной премией в размере 300 руб.;

– Копия авторского свидетельства № 32 775, выданного Р.Н.Литвинову и М.М.Файнбергу за изобретение прибора для определения плотности газов.

Все копии документов заверены в Горьковской нотариальной конторе 21 октября 1934 г.

2. Здесь Горький – название города. В 1932–1990 гг. Нижний Новгород носил имя А.М.Горького.

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

25 ноября 1934 г.

№ 30. <...> С выходом из лазарета я теперь чувствую себя много лучше. Видимо, два месяца лазарета сказались благотворно. При нахождении среди немногих сокамерников и тем более при работе я почувствовал себя резко лучше по сравнению с тем, что было до лазарета.

Время проходит у меня крайне однообразно. С 8 до 4-х и с 5 до 10–11 вожусь с книгами, остальное время на еду и сон. Почти не приходится читать. Урывками тренируюсь в иностранных языках и читаю Бержера. Сегодня выходной день и потому времяпрепровождение не совсем обычное. С утра пошел в баню, после – завтрак и выдача книг до обеда, правда, позднего, сел рисовать для моей дочурки.

С каким удовольствием я пробыл бы год где-нибудь на полярной станции, но добровольно, с сознанием выполнения нужной работы. Завидую полярникам. Ну, да не стоит никому завидовать, у меня есть долг совести и надежда на его выполнение. <...>

Письмо
А.Ф.Вангенгейма
дочери Эле.
23 ноября 1934 г.
Архив Э.А.Вангенгейм

Москву. Что же у тебя расхворались
куклы? Ты, вероятно, гуляешь с ними
мало. Когда я приеду, мы будем с
ними много гулять, и они будут здо-
ровы. Нарисовал тебе розочку, но не
особенно хорошо вышла, так как не
было времени отделать. Рисуешь ли
ты? Пришли мне твои новые ри-
сунки. Пиши чаще о маме и о себе.
Помни, что папа сейчас один и без
вас ему скучно. Целуй крепко маму.
Тебя целует много и крепко твой папа.

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, детям Василию,
Кириллу, Ольге, Михаилу, Марии-Тинатин

26 ноября – 7 декабря 1934 г.

1934.XI.26. Дорогой Мик, из твоего письма вижу, что ты на-
учился красиво писать, и потому постараюсь сам писать тебе
поразборчивее. Вероятно тебе интересно знать, что тут приме-
чательного на Соловецких островах. Пока я и сам плохо знаю,
но напишу кое что*. Для тебя, наверно, самое интересное –

звери. Действительно, тут было много зверья, но теперь значительная часть их уже истреблена. Раньше было много тюленей. Теперь же из ластоногих остались морской заяц и нерпа. Одного такого зайца я видел у нас здесь на выставке. Он был среднего размера, но все же в длину был около 1,5 метра, а бывают и в 2 метра. Очень похож на тюленя. Глаза у него круглые, кроткие, совсем человечьи. Ушей нет, есть только ушные отверстия, которые он может затягивать, когда погружается в воду. Ноздри тоже очень странные – затягиваются, как кисет, – это тоже приспособление для ныряния. Как я слышал, этого морского зайца с выставки повезли в Москву в зоопарк; если там увидишь его, то вспомни о своем папе. Этих зайцев здесь бьют. Из шкур их делают шубы и шапки, из мяса – колбасу, а их жир, несколько похожий на свиной, употребляют в пищу – либо сырой, либо копченый, либо вытопленный. Я попробовал здесь эти продукты; у них довольно неприятный запах, вроде ворвани, но все же есть можно, особенно если жир перетопить с луком. Жир немного напоминает жирную рыбу. В свежем виде он очень белый, но отличает-

Тюлени на Белом море.
Фото монаха Онуфрия
(Поречного). 2008 г.

ся от свиного тем что легко тает; если же его держать в теплой руке, то из него течет прозрачная жидкость вроде рыбьего жира. Бедного зайца на выставке все посетители очень мучили, каждый считал себя вправе толкнуть его, задеть палочкой или как-нибудь дернуть, так что за три дня зайца довели до полного изнеможения.

На выставке были также две нерпы. Они похожи на зайца, но чернобурые*, тогда как заяц серобурый*, и значительно меньше его.

Тут очень много водорослей, а кажется – и раковин. Штормами водоросли (или «мореросли», как их принято называть) выбрасывает на берег, так что образуются валы по несколько километров длиною, высотой метра в $1\frac{1}{2}$ и шириною в несколько метров. Мореросли эти съедобны (ядовитых вообще не бывает), но приготовление их довольно сложно. Впрочем в некоторых странах их едят и в слегка проваренном, а затем высушенном виде, но это не очень вкусно. В Америке, Японии, Китае, Индокитае, Англии, Шотландии и др. странах водорослей едят очень много и делают из них самые разнообразные кушанья. Конфеты, варенье, бланманже, кисели, мороженое, салаты, соусы, квашенку, кажется даже и печенье. Но у нас пока такое употребление водорослей не усвоено, а делают из них только *иод**. Из водорослей можно добывать много различных технически важных веществ: особое клеящее вещество альгин, целлюлозу*, маннит, различные растворители для лаковой промышленности, калийные соли и т.д. Пока водоросли идут только на *иод**, для чего их сперва испепеляют, потом выщелачивают водою и в этой воде освобождают *иод** из *иодистого** калия. В золе есть также хлористый и серноокислый калий, сода, бромистый калий и другие полезные вещества. Крепко целую тебя, дорогой Мик, будь послушен мамочке и поласковее с нею и не забывай своего папу. Как хочется мне, чтобы ты поскорее изучил немецкий язык и научился играть! Еще раз целую.

1934.XII.7

П.Флоренский

1934.XI.30. Дорогая Аннуля, вчера получил твое письмо от 18-го ноября. Напрасно ты опасешься писать часто: ты можешь писать сколько угодно, а также и дети; это мне можно

писать лишь раз в месяц, да и то я надеюсь на изменение условий и на большее число писем¹. Итак пишите почаще, ваши письма единственное утешение.

Посылку твою получил, а всего – три, в том числе посланную на Кемь. Деньги², 20 р. и 10 р., пришли, но на руки я их не получил, т.к. выдача будет производиться постепенно, частями. Отсюда ты видишь безцельность посылки денег. Да к тому же тут деньги и не на что тратить, ведь здесь же нет магазинов, а в ларьке можно получать по карточкам, которых у меня пока нет.

Из практических дел, чтобы кончить о них: свое кожаное пальто я продал, чтобы купить себе полушубок и сапоги, взамен украденных у меня. Теперь устроилось и с тем и с другим. Вещи – постельные и белье – у меня тоже есть, казенные. Следовательно ты можешь ни о чем не беспокоиться. Для подушки я получил чехол и наволочку, могу набить их соломой, а пока набил разными мягкими вещами и такой подушкой можно вполне удовлетвориться. Пишу так подробно об этих скучных вопросах, т.к. ты все беспокоишься, – чтобы знала обо всем.

Жизнь моя сейчас значительно налаженнее, чем раньше, а первоначально была очень тяжела. Во первых* с 15 ноября я попал на постоянную работу, в Иодпром*, т.е. на производство иода* из морских водорослей³. В связи с этим я переведен в другую колонну и потому в другую камеру. Теперь я живу с вполне приличными сожителями, а не с бандитами и урками, и нас немного: было шесть, стало пять. Работа моя тоже стала гораздо удовлетворительнее: все таки* при производстве, хотя и ничтожном по объему и пока требующем рационализации, но однако химическом, с чем-то вроде лаборатории и маленькими анализами. Вероятно в дальнейшем удастся поставить кое какие* исследования* по водорослям.

1934.XII.3. Мастерская, в которой я работаю, стоит на берегу гавани Благополучия. Эта маленькая и убогая мастерская⁴ снабжена горделивою вывескою на двери: «ЛАБОРАТОРИЯ». Но хоть это и вывеска только, но все же мне приятно читать ее, входя в дверь. Но бываю я иногда и в настоящей лаборатории⁵, небольшой, но по Соловкам – приличной. Она расположена в 2 км от Кремля, в лесу, на берегу озера (впрочем, Соловки – сплошное озеро и тут все – при каком-нибудь озере).

Корпус у Никольских
ворот, где размещались
сотрудники Йодпрома.
Фото П.В.Флоренского.
1966 г.

Хожу туда снежной дорогой, в лесу полная тишина, снег глубокий, пушистый, нетронутый; разве что где-нибудь дорожка из следов горносталя. Иду дорогой и думаю о вас. Зимой здешний пейзаж стал похож на Сергиевский. Дорогие мои, как мне жаль вас, как хотелось бы доставить радость. Думаю: если когда буду с вами, то теперь уже все силы отдам только вам. На своем веку я много работал, стараясь выполнить свой долг. Но все распалось, заново я уж не могу и, главное, не хочу начинать свою научную работу большого размера, буду жить только для вас, считая, что ради долга я сделал, что мог.

Солнце здесь восходит поздно и целый свой короткий день держится у горизонта. Только в 11 часов осветились сегодня строения и верхушки деревьев. Знаю, что очень красиво, но душа почти глуха к этой красоте. Вода в море и в озерах черная или черно-свинцовая, снег белый-пребелый, небо в облаках – темносерых* или черных и кое что* тронут розовым от низкого солнца. Из окна лаборатории-мастерской видно черное Белое море, ставшее черным зимой, окаймленное белыми заберегами, а во второй половине дня над ним пестрые закатные облака, и заря держится необыкновенно долго, непривычно для нас.

1934.XII.6. Чтобы не забыть: в связи с прекращением навигации письма будут задерживаться (перо не пишет), и потому не беспокойтесь, если от меня может не быть письма месяца $1\frac{1}{2}$.

З/к Флоренский П.А.
и з/к Каптерев П.Н.
Сковородино. Март 1934 г.
Архив семьи Флоренских

1934.XII.7. Меня беспокоят головные боли Оли. Не происходят ли они от малокровия или от нервного истощения. Во всяком случае ей следовало бы давать фитин или другой какой-нибудь препарат фосфора.

Мне писал Павел Николаевич. К сожалению, я не могу ответить ему по ограниченности числа писем. Объясни ему, что молчание мое – не от невнимания и попроси писать мне, не дожидаясь моего ответа.

Да, я забыл написать, что мне приходится ограничить объем писем, так что не могу писать всем вам сразу.

Больно, что Мик просит «вкусенького» и ты не можешь удовлетворить его, а мне посылаешь; это нехорошо. Все – в вас, в тебе и в моих детках; больше всего мне хочется, чтобы вы жили бодро и спокойно. Крепко целую тебя, моя дорогая Аннуля.

Дорогая Олечка, пишу тебе несколько слов. Меня беспокоит твоя голова, постарайся принять меры, чтобы головные боли прекратились. Жаль, что дети ленятся в отношении музыки.

Надо бы давать побольше музыкальных впечатлений, тогда музыка станет им интереснее, и они станут стремиться работать над ней. Как хотелось бы помочь тебе в твоих занятиях, но приходится довольствоваться одними пожеланиями. Напиши, в чем ты встречаешь для себя особые трудности, может быть я сумею хоть посоветовать тебе что-нибудь. Старайся иногда играть при других, чтобы привыкнуть не стесняться; было бы хорошо, чтобы ты умела и другим дать что-нибудь музыкой. Крепко целую тебя, дорогая. Не забывай.

Дорогая Тика, что же ты не пишешь своему папе? А он скучает без тебя и хочет знать, как ты живешь. Вот видишь, с арифметикой ты справилась. А теперь справишься и с музыкой. Будь поласковой с мамочкой, кланяйся бабушке, скажи ей, чтобы она обратилась к доктору и лечилась по настоящему*. О том как я живу здесь ты узнаешь от мамочки, а о зверях – от Мика. Крепко целую тебя.

Дорогой Кирилл, мама пишет, что тебе приходится очень много работать и вдобавок в Москве негде ночевать. Надеюсь, Вася теперь приехал уже и ты будешь ночевать у него. Старайся поддерживать свое здоровье и есть как следует. Относительно твоих занятий в дальнейшем отсюда трудно говорить. Но мне думается, что следует держаться минералогии. Одно только: тебе не нравится Памир. Но м.б. и твой руководитель⁶ будет в дальнейшем связан не с Памиром, а с другими районами? Я так и не знаю, что ты нашел в моем минерале. Вероятно много железа, но неужели нет ничего более интересного? У меня в области минералогии не только нет ничего поучительного, но и не предвидится, т.к. весь остров покрыт ледниковым мусором – валунами, осадочными глинами и т.д., так что коренных пород не увидишь. А я терпеть не могу этих ледниковых наносов, пришедших неведомо откуда и лишенных связи со своим первоисточником. Зато тут есть водоросли, собираюсь их попробовать: они давно, с детства, меня интересуют, равно как и иод*. Новых книг здесь я не вижу вовсе, старых нужных тоже нет, о журналах и думать нечего, так что не представляю, что делается в науке и, конечно, быстро забываю то, что знал. Целую тебя, дорогой Кира, пиши.

Дорогой Васенька, надеюсь ты наконец вернулся домой. Все время беспокоюсь о тебе, и за твое здоровье, и из за* твоей оторванности от дома и о твоём здоровьи*. Напиши, что сделал за лето. Пожалуй на следующее лето хорошо бы тебе и Кире поехать уже в новые места, ознакомиться с природою, отличною от Памирской⁷. Тут я буду, вероятно, руководить математическим кружком, но беда в отсутствии нужных книг, придется импровизировать, а для подготовки времени тоже нет. Я уже писал тебе отсюда, но судя по маминым письмам думаю, что письмо не дошло, м.б. из за* своей величины. Старайся сообщать детям что-нибудь по минералогии, физике, химии, геологии, – между прочим. Это их обогатит и подготовит почву для дальнейших занятий. Если показываешь минерал, объясняй его состав, особенности, техническое значение. О моих работах по льдам тебе расскажет* кое что* мама, если только она не забыла. К сожалению, эти работы прервались, а обещали дать ценные выводы. Таблицы классификации льдов ты вероятно видел уже, но они мало понятны без текста и без рисунков. Поцелуй в Москве бабушку и тетю Люсю. Будь здоров, дорогой, старайся быть бодрым и устрой свое питание, чтобы успокоить меня хоть отчасти. Крепко целую тебя.

П.Флоренский

Конверт (162×115 мм) стандартный, белый, маркированный. Штемпели: Попов Остров – дата нрзб.; Загорск – 14.12.34.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области. Пионерская ул., д. 19. Анне Михайловне Флоренской». Чернила фиолетовые.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович».

Письмо на двойном (220×177 мм) и одинарном (110×177 мм) листах пожелтевшей бумаги. Чернила фиолетовые и красные.

1. Количество отправляемых писем – более одного в месяц – определялось «поведением з/к». Разрешение на дополнительные письма зависело от разных обстоятельств, в том числе и от трудовых успехов, поэтому быть «ударником» означало не только получение «премблюда», но и возможность отправить дополнительное письмо. Порядок отправки писем из Соловков был особенно строг.

Из письма Р.Н.Литвинова: «Я подал прошение в ударники, а кроме того буду читать лекции по химии на курсах агрономии. Обычно в таких случаях позволяют второе письмо, а старожилам и третье. <...> Нуж-

но добавить, что я тоже принят в число ударников, что напоминает мне Горький и ударную бригаду в Хим[ико]-Тех[нологическом] Инст[итуте], где я привык именно к ударной работе» (4–7 октября 1934 г.).

П.А.Флоренскому с декабря 1934 г. также было разрешено посылать по три письма в месяц.

2. Хотя у заключенных надобности в деньгах практически не было, но необходимость в них все же возникнуть могла, поэтому родные небольшие суммы им посылали.

Из письма Н.Я.Брянцева: «Когда обзаведетесь деньгами, переведите» (2 сентября 1933 г.).

Из письма А.Ф.Вангенгейма: «...в деньгах я пока не нуждаюсь. Расходов почти никаких» (14 июля 1934 г.).

Из письма Р.Н.Литвинова: «Ты писала о деньгах – увы, эта вещь тут совершенно малопригодная. В местном ларьке никаких “коммерческих” съедобных [товаров] нет, а вольный рынок существует у урков, причем на нем обращаются только краденые вещи. На предметы гастрономической роскоши существует в основном хлебная валюта. Этой валюты я получаю 800 гр/сутки, что вполне достаточно» (8 декабря 1934 г.).

3. П.А.Флоренский был определен на работу в Йодпром 15 ноября 1934 г. Он был переведен в первую колонну (подразделение лагеря) и переселен в новую камеру. Судя по описанию, его поместили в одну из бывших монастырских келий Наместнического корпуса.

«На каждом этаже вдоль корпуса тянулся просторный коридор с камерами (бывшими кельями) по обеим сторонам. Каждые две смежные камеры имеют общую печь с топкой в коридоре. <...> Такую печь достаточно топить два раза в неделю, чтобы в обеих камерах было тепло. <...> Каждая камера только раз в неделю имеет заботу об отоплении. <...> Здесь обитали почти все моряки Первого отделения Лагеря, было много хозяйственников и экономистов, несколько скаутов и

Наместнический корпус.
Здесь на втором–третьем
этажах размещались
камеры-кели первой
колонны лагеря.
Фото В.П.Столярова. 2003 г.

Дрова, заложенные
в нишу в коридоре
Наместнического
корпуса.
Фото В.П.Столярова.
2003 г.

большое количество разношерстной публики, объединяемой общим “званием” – казры. Заключенные роты трудились счетными и канцелярскими работниками в Управлении лагеря, в Административной и Воспитательно-Просветительной части, в Отделе труда и по предприятиям» (из воспоминаний В.С.Зотова. См.: *Бродский Ю.А.* Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. С. 121–122).

Началась совместная работа Н.Я.Брянцева, Р.Н.Литвинова и П.А.Флоренского в Йодпроме, в лаборатории по производству йода из водорослей.

Из письма Н.Я.Брянцева: «На Соловках, пожалуй, единственный объект, заслуживающий промышленного использования, – это водоросли, вот почему я ими занимаюсь и хотелось бы быстрее разработать методы их переработки» (1 ноября 1934 г.).

Об этом же писал и Р.Н.Литвинов: «Я работаю химиком в лаборатории. Делаем анализы – что пришлют, и поэтому моя универсальность очень кстати. Ведем исследовательскую работу по использованию водорослей. Если планы удадутся – то сделаем большое дело и для Соловков, и для всего Севера. Ну а пока что занимался всякими мелкими технологическими делами вроде инструктажа по производству патоки» (4–7 ноября 1934 г.).

4. «Убогая мастерская» на берегу гавани Благополучия размещалась в небольшом кирпичном строении у монастырского причала напротив Сельдяных ворот. Рядом был выход подземного квасоваренного канала с пресной водой, необходимой для производства йода.

Сейчас увидеть строение можно только на старых фотографиях, т.к. оно не сохранилось, и на его месте – лишь остатки фундамента.

5. «Настоящей» называли центральную лабораторию, расположенную в 2 км от Кремля. Рядом с ней было озеро Игуменское, позже переименованное в Биосадское.

6. П.А.Флоренский имеет в виду профессора В.А.Зильберминца.

7. Нужно сказать, что живущие в строгой изоляции узники никогда не отделяли себя от своих близких, принимая самое активное, доступное в данных условиях, участие в их жизни, стараясь подать нужный совет, по возможности уберечь своих взрослеющих детей от ошибок. Например, узнав о намерении сына жениться, Н.Я.Брянцев пишет ему (стоит отметить, что в этом письме Брянцев не называет сына детским именем Котик): «Милый и родной мой сын, <...> на всякое Твое решение, в особенности в таком серьезном шаге, как женитьба, я прежде всего смотрю как на решение вполне обдуманное, всесторонне взвешенное. Дорогой мой сын, вопрос о Твоей женитьбе прежде всего и главным образом является вопросом Твоего решения, и Ты ответствен за него. Ты достаточно взрослый и в своих жизненных шагах, пред-

принимаемых Тобою, ответственен сам. <...> Если Ты решил жениться <...> то напрасно Ты ждешь, что я буду Вам помехой в этом серьезном Вашем жизненном шаге.

Конечно, я не смогу скрыть перед Тобою, в порядке и отцовского, и дружеского мнения, того обстоятельства, что Ты только-только вступил в самостоятельную жизнь и многое, многое Тебя ожидает в будущем – и горя, и разочарований, и радостей. Главное, что перед Тобою, – это большая работа над самим собою, чтобы серьезно подковаться для жизни, а она для Тебя еще в будущем. Мое горячее желание, я не сомневаюсь ни на минуту, что оно является и Твоим, – это то, чтобы Ты своим же горбом, как и Твой отец, добился такого же образования и квалификации, какой добился я. Мой сын не может быть ниже меня. Это запомни – это было и остается моей заветной мечтой, и если Ты меня уважаешь, а в этом я не сомневаюсь, то эта мечта должна являться путеводной Твоей целью и Ты сам должен претворить ее в реальную действительность. <...> Тебе следует еще много над собою работать. Если в числе взаимных обязательств, обуславливающих Ваше решение соединить свои судьбы, это обязательство помогать друг другу всемерно в деле дальнейшей подковки и учебы подчеркнуто, то тем более я не буду возражать. Дорогой сын, в свете этих рассуждений, мнений окончательно заново подумай и сам, вполне самостоятельно реши. Твое решение – будет и моим решением. <...> От души желаю Вам взаимного счастья. Мать заменит в лице своем и меня в знаменательный для Вас день – день свадьбы моего горячо любимого и единственного родного сына.

Отец [Н.Брянцев] (17 марта 1934 г.)

Соловки. Кремль.
Рис. О.И.Браза.
Почтовая карточка,
изд. Бюро печати
УСЛОН.
Вып. I, № 4.
Июль 1926 г.
На переднем плане
«маленькая и
убогая мастерская»,
снабженная
«горделивою
вывескою на двери:
“ЛАБОРАТОРИЯ”»

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

30 ноября 1934 г.

№ 31 <...> Зима уже вошла в свои права. Пока мягкая погода, иногда сильные ветры, но озеро подо льдом, все покрыто белым и мы уже на зимнем положении. Море еще не замерзло, но скоро и оно станет и мы надолго будем отрезаны от всякой связи <...> Предстоят тяжелые месяцы. И мы должны взять себя в руки на все это время. Мы должны сохранить бодрость во что бы то ни стало. Но для этого я предлагаю установить обязательный минимум и для меня и для тебя, а именно: беречь здоровье и нервы, питаться возможно лучше, помня, что все остальное – наживное, а здоровье вернуть не всегда удастся; сохранять бодрость несмотря ни на что. Ты должна помнить, что все мои мысли и желания всегда и во всем сосредоточены на мыслях о вас и о партии, которая должна восстановить правду. Я не теряю веры в нее и не хочу терять.

Что касается моего лечения, пока результатов нет. Работа оказывает более благотворное влияние и, м.б., работой я скорее себя вылечу. Сейчас перегружен работой из-за инвентаризации библиотеки, но работа не выше моих сил. Очень мало приходится читать и даже штопанье чулок я должен был отложить до выходного дня, но хотя бы по несколько минут я что-нибудь делаю для дочурки ежедневно.

Сейчас соседи по камере пошли в театр¹, там какая-то постановка, а я и другой профессор пишем письма и охраняем камеру. Я немного забочусь о благоустройстве. Сделанный мною термос для горячей воды действует прекрасно, нередко приходят соседи за кипятком, особенно перед сном. Сделал форточку в раме и вставил раму. Печка настолько хороша, что топим раз в 5–7 дней и в камере тепло. Сейчас после усиленного проветривания сижу в легкой гимнастерке – так тепло. Так как дома приходится и писать и рисовать, то для порядка сделал себе из фанеры чернильный прибор – большой, на котором умещаются и чернила, и тушь, и карандаши, и кисти и мои многочисленные очки и пенсне. <...>

1. Особое место в жизни заключенных занимал театр – уникальное явление в жизни концлагеря. В 1927 г. журнал «Карело-Мурманский

Леонид Федосеевич
Привалов в роли
Риголетто из
одноименной
оперы Верди.
Медвежьегорск, 1939 г.
Архив О.И.Святловской

отведенное под театр, <...> находилось в том же здании, что и библиотека. В партере было около трехсот мест, в обширном фойе устраивались иногда выставки. <...> Вольные обычно занимали первые ряды, а начальство – ложи. Два раза в неделю в помещении театра показывали кинофильмы» (*Чирков Ю.И.* А было все так... С. 96–97).

«Руководил драматическим коллективом известный украинский режиссер Александр Степанович Курбас, оперную труппу возглавлял Леонид Федосеевич Привалов, ансамблем виртуозов-цыган из Марьиной роши управлял цыганский барон Гого Парфентьевич Станеско, симфоническим оркестром дирижировал замечательный скрипач Щербович.

Лагерный театр располагался на втором и третьем этажах монастырского трапезного корпуса на погребках. После ликвидации концлагеря в этом помещении размещался спортивный зал Школы юнг» (*Розанов М.М.* Соловецкий концлагерь в монастыре. Т. 2. С. 18).

край», № 9, писал: «Соловецкий театр – совершенно своеобразный театр, театр, выросший в стенах древнего Соловецкого кремля, театр, работающий в исключительных условиях изоляции. <...> Вы открываете дверь, поднимаетесь по лестнице. Деревянная строгая отделка. За занавесом – сцена тринадцать аршинов ширины и четырнадцать аршинов глубины. Зал вмещает пятьсот человек. За барьером духовой оркестр в тридцать пять человек... Театр обслуживают пятьдесят человек прикрепленного к театру персонала. Труппа актеров – двадцать человек». (Цит. по: *Бродский Ю.А.* Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. С. 264).

«Для заключенных театр был источником радости, его любили, им восхищались. Помещение,

отведенное под театр, <...> находилось в том же здании, что и библиотека. В партере было около трехсот мест, в обширном фойе устраивались иногда выставки. <...> Вольные обычно занимали первые ряды, а начальство – ложи. Два раза в неделю в помещении театра показывали кинофильмы» (*Чирков Ю.И.* А было все так... С. 96–97).

«Руководил драматическим коллективом известный украинский режиссер Александр Степанович Курбас, оперную труппу возглавлял Леонид Федосеевич Привалов, ансамблем виртуозов-цыган из Марьиной роши управлял цыганский барон Гого Парфентьевич Станеско, симфоническим оркестром дирижировал замечательный скрипач Щербович.

Лагерный театр располагался на втором и третьем этажах монастырского трапезного корпуса на погребках. После ликвидации концлагеря в этом помещении размещался спортивный зал Школы юнг» (*Розанов М.М.* Соловецкий концлагерь в монастыре. Т. 2. С. 18).

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой, сыну Николаю

6 декабря 1934 г.

Дорогие Вита и Котик,

С каждым новым днем нас все больше и больше заносит снегом. Пароход с трудом уже пробивается. Зима входит степенной, но твердой поступью в свои права и, вероятно, очень скоро полностью завладеет окружающим. К существующей постоянной стихии, водяной, которая нас разделяет, прибавится вторая – ледяная и, таким образом, вдвойне забронировует нас на 5 месяцев. Спешу Вам написать, так как очень хотелось бы, чтобы это письмо попало бы Вам в руки в течение ближай-

ших десяти дней, к моменту, когда нагромождается ряд знаменательных для нас событий в нашей жизни: рождение и именины Котика, день нашей свадьбы, а там проводы старого и встреча нового года. Этот период года как-то с детства является наиболее уютным и больше другого напоминает о давно прошедших годах детской беспечности, веселой жизнерадостности, радужных юношеских грезах и мечтах. Невольно в этот период мысль тебя возвратит к тому далекому и невозвратному прошлому. Если для нас с Тобой эти дни будут будоражить картины прошлого, то для Котика они должны еще расцветать пышным букетом в настоящем. Поэтому с особой сердечностью и горячностью я шлю свои поздравления Тебе, дорогая жена, и Тебе, мой дорогой Котюша, и Капочке. Прошу Вас закатить себе в этот день хороший большущий и вкусный пирог и, уплетая его, знать, чувствовать, что в эти минуты я очень близко с Вами, среди Вас.

Твое письмо, последнее, от 20/XI, которое я получил, обдало и обдало меня своей сердечностью и горячностью. Чувствую, как тяжело приходится, моя дорогая, и Тебе страдать и нести тяжелое испытание. Главное, и что обиднее всего, что нести его приходится не в силу тех или иных личных деяний, а в силу великих потрясений мира. Колесо истории, подымая

...Короткие дни
и долгие ночи...
Фото И.А.Флиге.
2003 г.

и затрагивая громаднейшие массивы людей, по-разному их задевает, нас с Тобою задело заживо. Подавляющую же массу оно почти не затрагивает, и она продолжает мирно свой жизненный путь. Тем более начинаешь приходить в смущение, почему как раз на тебя пала участь быть задетым этим историческим ходом событий?

Нелепость того положения, что пришлось очутиться неожиданно и негаданно на Соловках, заставляет все же найти маломальски логическую гипотезу для легализации своего положения. Философия диалектики тем более требует найти причинность всякого факта. В поисках этой причинности приходится цепляться за такие великие вещи, как колесо истории. Простым достигнутым фактом, к сожалению, не сумеешь подвести логического базиса и оправдывающих обстоятельств.

Рад очень, что, наконец наступила зима и прошли дни осенней слякоти, неопределенности, бодрый зимний пейзаж с яркими солнечными явлениями, с удивительными фонами северных приполярных горизонтов – вселяет бодрость и укрепляет нервы, а это, пожалуй, все.

С большим удовлетворением и надеждой на резкие перемены жду сбросить с плеч 34 год.

Надеюсь, что мои заявления, которые я послал, будут внимательно рассмотрены, и с полной беспристрастностью [будет] вынесено по ним справедливое решение, в силу которого будет отменено все то, что побудило к таким радикальным решениям, как изоляция в Соловецкие лагеря. Это наступит, я верю, в 1935 году.

Мои милые и родные, как я соскучился за Вами, как хотелось бы побывать с Вами, обнять Вас. Но, к сожалению, и такие скромные желания остаются мечтой. <...> Я удивляюсь, что никаких известий нет от мамы и Оли¹. Сердечно Вас целую, обнимаю, поздравляю и желаю всего, всего лучшего и хорошего.

Ваш [Н.Брянцев]

Западная Сибирь районирована на 2 или 3 Края². Интересная новость.

1. Из протокола допроса Н.Я.Брянцева в ОГПУ г. Новосибирска (18 марта 1933 г.): «Мать Марфа Петровна Брянцева, лет 75 <...>

сестра Ольга Яковлевна Ренник живут в д. Вельки-Фольварки б. Гродненской губернии (Польша), связь поддерживается через переписку» (см.: Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933–1937 годы). С. 168).

2. В течение 1917–1934 гг. территория Западной Сибири не раз дробилась в разных территориально-административных единицах. В 1917 г. из Томской губернии была выделена Алтайская губерния. В 1921 г. была образована Новониколаевская губерния. 25 мая 1925 г. ВЦИК СССР утвердил образование Сибирского края с разделением его на округа и районы. В 1930 г. произошла ликвидация округов, и Постановлением ВЦИК от 30 июля 1930 г. были образованы Восточно-Сибирский и Западно-Сибирский края.

Постановлением ВЦИК от 7 декабря 1934 г. из состава Западно-Сибирского края были выделены вновь образованные Омская область и Красноярский край.

В дальнейшем эта территория также на раз подвергалась реорганизации.

Письмо Н.Я.Брянцева датировано 6 декабря 1934 г. Т.к. письма заключенные писали преимущественно поздним вечером, почти ночью, то о Постановлении ВЦИК Н.Я.Брянцев, скорее всего, мог услышать по радио на следующий день. Ему, долгое время прожившему в Сибири, новость показалась заслуживающей внимания, что и было отмечено в письме.

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

8 декабря 1934 г.

№ 32. <...> 1 декабря я попал к начальнику третьего отдела ББК¹, как раз за несколько минут до его отъезда, вручил ему для отсылки заявление тов. Сталину, он обещал отправить срочно и сообщить мне номер и дату отправления. Очень прошу тебя узнавать, получил ли т. Сталин мое заявление. Узнавай в секретариате – оно особенно нужно партии, я даже прошу рассматривать его не в связи с моей лично судьбой.

Я немного занимаюсь педагогикой – читаю лекции, иллюстрируя их самодельными физическими приборами. Одну лекцию о реактивном двигателе (к вопросу о возможности полета на Луну, Марс) я уже прочитал в четырех местах, некоторые прошли очень оживленно при массе вопросов. Аудитории маленькие – до 20–30 человек, что особенно удобно для производства опытов.

Море уже борется с зимой, замерзает, но еще не замерзло настолько, чтобы прекратилась навигация. Хотя и редко, но пароходы приходят.

Последние дни очень много работал. Инвентаризация библиотеки потребовала много усилий и времени. Сейчас кончаем. <...>

1. Третий отдел ББК – оперативно-чекистский отдел, играл важную роль в лагерной администрации, занимался оперативной работой, режимом и надзорной службой. Руководил этим отделом кадровый офицер НКВД, которого побаивались даже высокопоставленные работники лагеря и других организаций, т.к. он не подчинялся начальнику Управления лагеря, а отчетывался непосредственно перед оперуправлением ГУЛАГа НКВД СССР.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

8 декабря 1934 г.

О. Соловки

Милая Варенька. Получил посылку: масло, сахар, мука и 3 четверти донского табаку, и письмо от 21.XI. <...> От Любы писем давно не имею, сам же написал ей письмо на неожиданно полученное «дополнительное». В этом месяце я имею право на два «дополнительных». В будущем, вероятно, получу одно, так как занятия по химии окончатся. Мне было очень приятно читать о Кольке и очень обидно, что я сам не могу следить за его ростом как раз в самый интересный период. Ты слишком мало пишешь о себе. Вообще, чего бы ты ни писала, все представляет громадный интерес, какого ты, вероятно, и не сможешь полностью понять. Как твое здоровье? Мое, например, в примерном состоянии, настолько, что в большинстве случаев я даже хорошо настроен. Иногда бывает, что вспомнишь тебя или Кольку – ну, тогда становится грустно. Режим свой я тебе уже описывал. Стол, по существу, достаточный, хотя и нельзя назвать его роскошным. Во всяком случае, мы готовим гораздо вкуснее, чем это делают на общей кухне. Работа приятная. И лабораторная, и даже самообслуживания – например колка громадных кругляшей молотом и клиньями. Молот такой тяжелый, что из нас только один я могу им как следует орудовать.

Иногда путешествие в Кремль: за хлебом, узнать, нет ли писем или по другим делам, например за горючим для примусов. Идешь по сказочной еловой роще, по снежной дороге, снег совершенно не тронут (отойдя в сторону от дороги), ни следа ни птицы, ни зверя, ни человека. Ходишь уже в темноте, но темнота такая, что все видно. Почему – не знаю точно. День у нас примерно с 10 до 2. Самые короткие дни и длинные ночи еще впереди, но скоро день пойдет на удлинение – в Варварин день¹. Не знаю, успеет ли к этому дню дойти мое письмо, но этот день я как-нибудь отпраздную, как никогда не праздновал этого дня. Прими мои поздравления, и ты, конечно, знаешь, что я был бы счастлив абсолютно, если бы смог поздравить тебя лично. Колька становится уже старым четырехлетним младенцем. Время плывет...

Совершенно неосновательны твои опасения, что тут вечная ночь. Тому, кто говорил тебе об этом, передай привет. К сожалению, шансы увидеться с ним лично гораздо больше, чем с тобой, такое, по крайней мере, я вынес впечатление из разговоров весенней эпохи. Зима тут великолепная. Холодов пока нет – температура, видимо, не опускалась ниже 5–6°. Говорят, что и вообще тут не бывает больших морозов. Наша лаборатория отапливается «монастырской печкой». Мы в нее закладываем полутораметровые плахи, топим с утра до ночи – и тепла хватает на неделю. Температура в лаборатории поднимается до 22° и постепенно падает до 19°. В жилых комнатах хуже. Нужно топить через 4 дня, и в первый день холодно, потому что печка дымит и приходится открывать форточки. На кухне плита с духовкой, в которой иногда печем пироги, причем я ел пирог, страшно сказать, с морковью и, стыдно сказать, не без удовольствия. Какие тут удовольствия и развлечения? Хождение в Кремль или баню – прогулка. Радио. Приемник и репродуктор много хуже моего, но слушать все-таки можно. Значит, музыки сколько угодно. Библиотека с большим запасом английских и французских романов – литература. Я мудро принял систему чтения – по списку подряд. Думаю, что английских романов хватит на зиму даже при неумеренном чтении, а читать все-таки много не приходится – работа, сон, еда занимают столько времени, что очень много читать некогда. Потом разговоры о старых временах, о студенческой

эпохе. Иногда в Кремле разговоры на научные темы с умными людьми, которых, по моему счету, один первоклассный и пара второклассных. Радости – письмо из дома. Между прочим, большое спасибо за «Известия Океанографич[еского] института», которые представляют очень большой интерес. Химический календарь очень приятен и полезен. Я уже писал тебе, что агар-агаром я совершенно уже не интересуюсь и искать номера с ним не нужно. <...> Напиши, пожалуйста, переехала ли лаборатория теплотехники в новое помещение или нет и провели ли в новом здании газ. Как у вас в этом году с отоплением? Хватает ли тебе денег? Какие у вас обеды? Что есть на рынке? Что нового в институте? Вообще в Нижнем очень много интересного. Московские сведения для меня мало занимательны. К сожалению, обстановка складывается неприятно для надежд на скорую ликвидацию соловецкого сидения. Навигация скоро кончается. Пароход сделает еще один или два рейса, и мы будем робинзонствовать до мая. Письма будут сначала ходить с перебоями, пока не установится хорошая площадка для аэроплана. Потом наладится, в особенности когда станет посветлей. Насчет посылок – ходят всякие слухи и из разных мест пишут по-разному. Ну, я считаю себя обеспеченным твоими 7 посылками полностью. У нас, к некоторому сожалению, несколько расходятся взгляды на жиры. Топленое сало и не портится, и гораздо вкуснее скоромного масла, особенно намазанное на хлеб и посыпанное солью. Но и масло тоже хорошо. Ты писала о деньгах – увы, это вещь тут совершенно малопригодная. В местном ларьке никаких «коммерческих» съедобных [товаров] нет, а вольный рынок существует у урков, причем на нем обращаются только краденые вещи. На предметы гастрономической роскоши существует в основном хлебная валюта. Этой «валюты» я получаю 800 гр/сутки, что вполне достаточно. В «сухом пайке» нам дают картофель, крупу, соленую рыбу – воблу, иногда треску или саза-на, мясо и немного жиров. Кроме того, овощи – морковь, лук, репа, немного макарон и подболточной² муки. Из всего этого при надлежащей вдумчивости можно изготовить очень много разнообразных комбинаций.

Сейчас мне кажется, что я описал все, что можно описать в своей несколько однообразной жизни, и поэтому

откладываю окончание письма до завтра, так как все равно письмо будет сдано по начальству только завтра. Товарищи мои, которые сидят уже почти два года, уже обыкновенно не знают, чего им писать, и выезжают на крупном почерке и красотах природы. <...> Продукты я держу на холоде, в особом помещении. Нужно сказать, что пока что в жилищном отношении мы устроены очень хорошо. Правда, иногда возникают предположения о переводе на «общий режим» в Кремль, но это настолько затруднит работу, что до сих пор не осуществляется. Тут мы живем на отшибе, без краж и без всяких дрязг, неизбежных при большом стечении людей. <...> Нужно добавить, что я тоже принят в число ударников, что напоминает мне Горький и ударную бригаду в Хим[ико]-тех[нологическом] инст[итуте], где я привык именно к ударной работе. <...> Мой привет друзьям. Целуй Кольку и бабушку. Скажи Кольке, что в следующем письме я напишу и ему, если он будет себя хорошо вести. Уж очень я хотел бы увидеть

Соловки. Зимняя дорога.
Фото В.П.Стоярова. 2009 г.

и его и тебя, Варюшенька, но что делать... Поживем – может быть, увидим. Крепко жму твою руку и мысленно целую тебя. Пиши мне чаще и опускай письма.

[Роман]

1. Оторванные от семей узники всегда помнили о семейных праздниках, домашних традициях. Жены Р.Н.Литвинова и А.Ф.Вангенгейма были тезками – Варвары. Поэтому именно в декабре, к Варварину дню, в письмах их мужей появляются нежные, теплые слова. Из письма А.Ф.Вангенгейма: «Скоро твой день. Я его собираюсь провести несколько необычно. Построю всю свою работу так, чтобы мысленно быть возможно больше с вами, мои горячо любимые» (8 декабря 1935 г).

Однако Варварин день отмечается 17 декабря, а зимний солнцеворот наступает немного позже, 21–22 декабря. Возможно, неточность Р.Н.Литвинова объяснялась тем, что появление в его жизни Варвары Сергеевны воспринималось им как личный жизненный «солнцеворот».

2. Подболточная мука – мука, добавляемая помешиванием в приготавливаемое кушанье.

П.А.Флоренский – О.П.Флоренской, А.М.Флоренской,
детям Василию, Кириллу

13–15 декабря 1934 г.

Соловки

1934.XII.13. Соловки. Дорогая мамочка, вчера получил твое письмо от 1.XII, а сегодня – Анны и детей, от 27.XI. Был очень обрадован известием о приезде Васи, наконец-то! Ты, однако, не пишешь о своем здоровье*, хотя, по тону письма, можно думать, что особенного как будто ничего нет. Конечно, необходимо, чтобы Вася не набирал себе работы и обязанностей слишком много, и не только ради здоровья, но и потому что ему надо еще учиться и работать над собою. В частности ему пора уже закреплять письменно результаты работы и учиться писать.

Обо мне, дорогая мамочка, не беспокойся. Теперь я живу в гораздо лучших условиях, чем первоначально, по приезде на Соловки, и работа моя, хотя и не по мне, производственная, но посильная и все же не вполне оторванная от моих занятий по специальности. Надеюсь, далее, когда производство наладится и пойдет своим естественным руслом, можно будет

ее углубить и делать, в связи с нею, что-нибудь более полезное и требующее большего умственного напряжения. Пока же стараюсь рационализировать производство, ввести известную механизацию, добиться возможно ровного и эффективного ее хода. В таких условиях, при оторванности от литературы, настоящей лаборатории и источников технического снабжения, каждый шаг требует гораздо большего времени и больших усилий, чем это было бы, если бы мы были не на острове, сообщение с которым на зиму прерывается; но тем не менее кое что* сделать можно и должно. Кроме работы по производству я занимаюсь в библиотеке¹, – не читаю, а привожу или точнее помогаю приводить ее в порядок, например, составляю каталог иностранных книг, думаю об организации полиграфической выставки и т.п. Затем даю уроки физики в школе повышенного типа, взрослым. Последнее время взял на себя руководство математическим кружком инженеров и др. людей с высшим образованием и пока читаю им лекции по математике². День весь занят сплошь, с утра до ночи, тем более, что часть времени отнимают чисто лагерные обязанности вроде поверок. Пожалуй главная трудность в том, что ни на минуту не приходится быть в одиночестве, и следовательно творческая работа вполне исключается. Даже письма написать некогда. Вот сейчас воспользовался кануном выходного дня: все в камере заснуло и мысли немного приходят в порядок.

Много знакомых, заговаривает то один, то другой. Сожители мои по камере вполне приемлемые люди, и жаловаться на них не приходится, хотя близости с ними и нет. По вечерам, обычно в выходные дни или накануне, у нас принято итти* в театр. Там чаще всего дается всякая смесь – пение, музыка, пляски, мелкие драматические или жанровые сценки, чтение и декламация, даже акробатика, и все это приправлено островами на местные темы, – обычными островами конферансье. Изредка делаются попытки на что-нибудь более содержательное. Так, один вечер был нацменский – пляски и песни представителей всевозможных народностей, находятся среди нас любые. Другой раз была постановка шиллеровской драмы «Коварство и любовь». Эти посещения театра не дают радости (кроме нацменов), но я все таки* хожу³ вместе с другими, чтобы не отрываться от окружающей среды.

1934.XII.15. Напрасно вы присылаете мне столько дорогих вещей, лишая себя. В настоящее время я уже начинаю отъедаться, правда в значительной мере вашими посылками. Но я надеюсь, что в близком будущем мое питание здесь улучшится. Относительно холода не беспокойся: здесь климат относительно теплый, во всяком случае теплее московского. Так напр., мы живем до сих пор с одиночными рамами, да притом еще с разбитой форточкой, но в комнате – лишь прохладно, а не холодно. Днем бывает обычно недалеко от оттепели, а иногда и настоящая оттепель. Ветры тоже несколько поутихли. Вообще, как-то не верится, что находишься под 65 широты, настолько климат несуровый⁴. Мне например надо выморозить щелок, а он почти не замерзает, хотя целую неделю стоит на открытом воздухе.

Много встречается людей полужнакомых, т.е. таких, о которых я слышал когда-то или которые знают меня по фамилии, или даже таких, с которыми встречался мельком или разговаривал мимоходом. Но т.к. объединяет всех общность положения, то, несмотря на развинченные у большинства нервы, встречают приветливо и гораздо более дружелюбно, чем это было бы в Москве. К тому же интересы здесь более узкие, чем в Москве. Ведь научных журналов мы вовсе не видим и знаем о том, что делается на свете, лишь из газет, да и то с большим опозданием. Новости, письма, посылки и новые люди приходят с пароходом, и потому этого прихода все ждут с волнением. Скоро источник волнения, пароход, перестанет ходить, и тогда жизнь, как все говорят, станет более ровной и подавленной. Вероятно на каком-нибудь острове Врангеля жизнь похожа на здешнюю зимовку, но отрезанность от мира чувствуется еще сильнее.

Целую тебя, дорогая мамочка, поцелуй Люсю, кланяйся тете. Поцелуй Лилию, Андрея и Шуру, сообщи мне о здоровье* Саши.

Дорогая Аннуля, пишу тебе несколько слов, хочу непременно завтра отправить письмо, а то может выйти большая задержка. Постараюсь вскоре написать еще. Посылки я получил, но мне больно думать, что ты из за* них лишаешь нужного детей и себя. Пожалуйста не присылай мне дорогих угощений. Мама пишет о плодах хурмы, которые она (или ты?) посылает, но их я не получал. Вероятно это еще какая-нибудь посылка.

Мингрельцы.
Открытка. 1910-е гг.

Жду зимовки и отчасти радуюсь, что посылки станут невозможны. Я какнибудь* ведь проживу, да к тому же мое устройство понемногу улучшается. Между прочим, тут выдали нам следки, совсем не такие, как в Москве, вероятно мурманские, замечательного качества, – таких я никогда не видывал еще. Старайся быть бодрой и веселой, ведь я вас всех очень люблю и душой всегда с вами и живу вами. Детям не отвечаю – и некогда и негде, но скажи им, что напишу в ближайшем письме.

София Ивановна
Огнёва. 1910-е гг.
Архив семьи Огнёвых

Конечно, пусть Олечка пользуется выписками по теории искусства, я рад, что они окажутся ей полезными. Скажи Мику и Тике, чтобы они нашли на карте все места, где я проезжал и где нахожусь теперь, и постараются что-нибудь узнать о географии этих мест. Я нарочно стараюсь писать разные подробности о природе, чтобы они понемногу знакомились с географией возможно наглядно и жизненно; мне хочется наполнить географические названия живым содержанием, чтобы появилось представление о том, что же такое наш Север, что такое Белое море и другие места. М.б. от моего заключения будет хоть та польза детям, что они приобретут таким образом кое-какие* сведения и впечатления о своей родине. Заботься о своем здоровье* для меня и детей. Кланяйся бабушке, пожелай

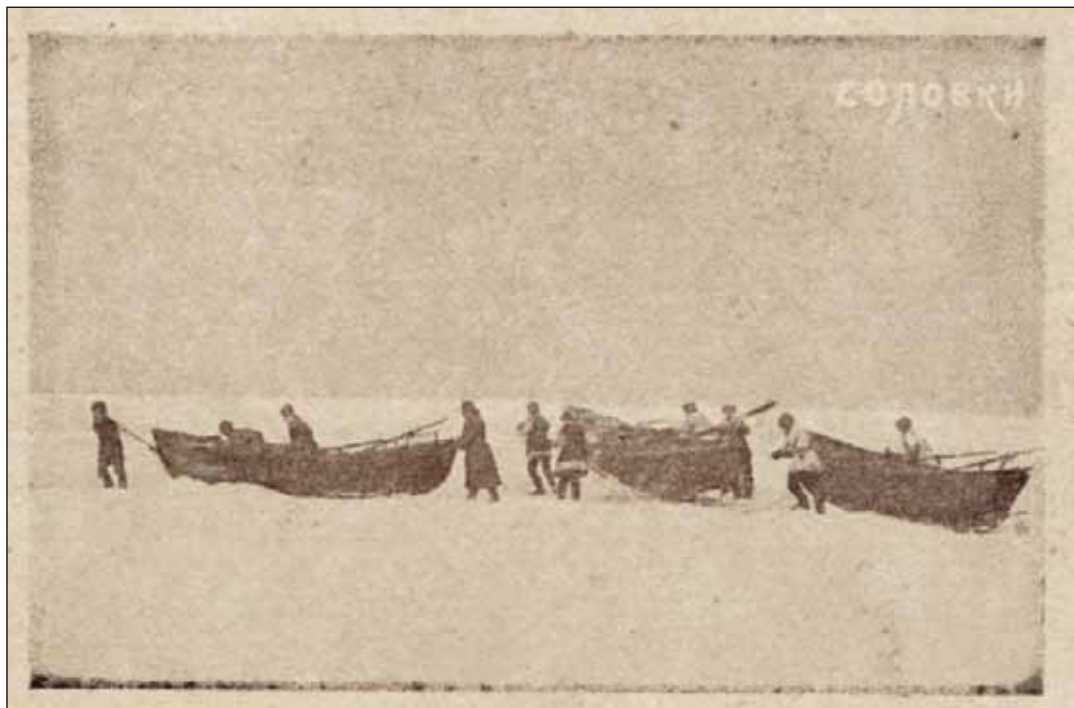
ей здоровья и бодрости. Кланяйся С.И.⁵ и скажи, что я всегда вспоминаю о ней с теплотою, но не могу написать вследствие ограниченности числа писем. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля, будь здорова и весела. Надеюсь, с приездом Васи вам станет жить несколько легче.

1934.XII.15

1934.XII.13. Дорогой Кирилл, начну и тебе сегодня письмо, хотя поздно и знаю, что не сумею дописать его. Ты кажется намереваешься повидаться со мною. Прежде всего, это нельзя, так что на том можно было бы поставить точку. Но, далее, разве ты не понимаешь, что это и физически невозможно. Белое море замерзает у материка и у островов лишь на 7–8 км, но между этими ледяными окаймлениями льда нет, а море покрыто торосами и шугой. Поэтому невозможно сообщение ни на судне водою, ни по льду – на лыжах или как-нибудь* иначе. Единственный способ сообщения – аэропланый. Вот почему в период прекращения навигации никакие тяжелые вещи, и в том числе посылки, сюда не доставляются. Правда, карельские рыболовы несколько раз в зиму как-то проплывают на лодочках 70 км от материка до Соловков, но с огромной опасностью и ради исключительно важных перевозок. Хотя и отрезанный от мира, я душой всегда с вами, а обо мне тебе расскажет* мама

Фото В.П.Столярова

Почтарские лодки.
Поморы тянут
лодки волоком.
Почтовая карточка
изд. Бюро печати
УСЛОН. Вып. II, № 1
Январь 1927 г.

и дети. Климат здесь мягкий, но очень часто бушуют холодные ветры (NW¹), настолько сильные, что сбивают с ног и не дают итти* по намеченному направлению. Постоянны оттепели, напр. была оттепель вчера. После сухой, солнечной и безветренной зимы на БАМе здешняя кажется промозглой и ненастоящей. Поражает здешнее (северное) солнце: напр. вчера в 11 ч. утра (по солнечному это 10 ч.) диск солнца только показался частично над горизонтом. Но день, т.е. относительная освещенность, начинается задолго до восхода солнца и кончается много спустя после заката.

1934.XII.14. Скажи маме, что *не надо* присылать мне обуви, которую я ранее просил: уже достал себе здесь сапоги взамен украденных у меня. Кланяйся бабушке в Загорске и пожелай ей от меня здоровья и спокойствия.

Сообщаю тебе наблюдение, сделанное мною и, кажется, в литературе не отмеченное; оно полезно для минералогии и дает хорошую аналогию александриту. Наблюдение вот какое. При добыче иода* т.н. бихроматным способом вытяжка из золы

¹ North-west (англ.) – северо-западный.

водорослей обрабатывается бихроматом и серной кислотой. Этот раствор, как до, так и после полного удаления иода*, обнаруживает двуцветность в зависимости от освещения. На просвет раствор фиолетовопурпурного* цвета при вечернем (искусственном) освещении, например при электрическом, но при дневном – изумруднозеленого*. Разница цветности так разительна, что не верится тождеству жидкости. Т.к. иод* здесь ни при чем, то вероятно подобное явление получится и с очень слабым раствором бихромата и серной кислотой. Но можно попробовать добавить к нему иодистого* калия, разрушающего бихромат и дающего какие-то другие соединения хрома. Опыт этот так красив, что стоит повторить его, чтобы убедиться собственными глазами. Вероятно некоторым изменением среды можно добиться перехода пурпурнофиолетового* цвета в красную¹.

Поцелуй мамочку и детей, скажи им, что напишу им вскоре особо. Сейчас же тороплюсь послать это письмо, чтобы оно не задержалось. Да к тому же и место мое ограничено, писать негде уже. Целую тебя, дорогой, надеюсь, теперь ты устроишься с ночевкою удобнее, но постарайся наладить еду.

1934.XII.15. Только что вернулся с лекций и с работы в библиотеке. Все не удается закончить письмо. Напиши, чем ты занят теперь по Институту заочн. обучения. Одолеет ли математику? Мне очень жаль, что не могу помогать тебе в этом деле, только с Олечкой немного позанимался физикой. Старайся, дорогой Кира, рассказывать* детям что-нибудь полезное для них и интересное, так, между прочим, в 2–3 слова. Это даст им подготовленную почву для дальнейшей работы над собою. Целую тебя, дорогой.

1934.XII.14. Дорогой Васечка, вероятно ты получил мои старые письма, кроме одного, большого, которое очевидно не дошло. Сейчас я получил возможность писать чаще, чем ранее, так что вы будете получать от меня известия по несколько раз в месяц; но вероятно в ближайшее время будет перебой, т.к. прекратится навигация и не будет налажено сообщение аэропланное. Я очень рад, что ты наконец дома⁶ и притом

¹ Описка. Вероятно, *красный*.

относительно здоров. Сообщи, что делал ты летом и что нашел интересное. Сейчас я занят обдумыванием (в частном порядке, это не относится к моей служебной работе), как можно организовать здесь комплексное производство – целый комбинат – добычи брома из морской воды с использованием энергии ветра и приливов в хорошо замкнутом цикле различных процессов и продуктов. Намечается красивая схема, но воплощение ее в проект требует большого труда и, к сожалению,

Замерзающее море.
Фото И.А.Флиге. 2003 г.

нию, книг, которых здесь нет. Все таки* буду продумывать эту задачу, совместно с некоторыми специалистами. Постепенно также продумываю различные варианты добычи иода* и других продуктов из морских водорослей. По существу тут, в вопросе о водорослях и бrome, очень много важного интересного и притом тесно связанного с моими работами по электрическим материалам. Но тем не менее тяжело уходить от исследований и мыслей о мерзлоте и льдах, где можно было бы сделать большой шаг вперед. Кроме того здешняя природа, несмотря на виды, которые нельзя не назвать красивыми и своеобразными, меня отталкивает: море – не море, а что-то либо грязнобелое*, либо черносерое*, камни все принесенные ледниками, горки, собственно холмы, наносные, из ледникового мусора, вообще все не коренное, а попавшее извне, включая сюда и людей. Эта случайность пейзажа, когда ее понимаешь, угнетает, словно находишься в засоренной комнате. Так же и люди: все соприкосновения с людьми случайны, поверхностны и не определяются какими-либо глубокими внутренними мотивами. Как кристаллические породы, из которых состоят валуны, интересны сами по себе, но становятся неинтересными в своей оторванности от коренных месторождений, так и здешние люди, сами по себе значительные и в среднем гораздо значительнее, чем живущие на свободе, неинтересны именно потому, что принесены со стороны, сегодня здесь, а завтра окажутся в другом месте. И еще: не знаю почему, с детства я бессознательно не выносил Соловецкого монастыря, не хотел читать о нем, он казался мне не глубоким и не содержательным, несмотря на свое большое значение в истории. А теперь, попав сюда, я ощущаю глубокое равнодушие к этим древним стенам и постройкам, не осматриваю их, даже не побывал до сих пор в соборе, куда водят экскурсии и который считается местною достопримечательностью. Умом я хорошо понимаю несправедливость такого отношения, но все же оно остается и даже растет. Это первый раз в моей жизни, когда древность не вызывает во мне никакого волнения и влечения к себе. Пожалуй, водоросли да иод* – самое значительное, что нахожу на Соловках.

Удается ли тебе отдохнуть после экспедиции? Было бы хорошо, если бы можно было тебе пожить с мамочкой. Чтобы не забыть: старайся записывать мысли и наблюдения каждодневно,

не откладывая их закрепление на будущее; ведь они быстро забываются, а если и сохраняются в памяти, то неточно и неярко. Из таких заметок, если будешь их делать, накапливаются материалы для больших работ, и этот способ работать дает работе сочность и насыщенность. Лучше всего, имей при себе всегда блокнот, чтобы можно было вести запись на ходу и при любых условиях. Крепко целую тебя, дорогой Вася, пиши и не забывай своего папу.

П.Флоренский

Конверт (162×115 мм) стандартный, белый, маркированный, с информационным текстом на обороте. Штемпели: Попов Остров – 22.12.34; Москва – 24.12.34.

Адрес: «Москва, Плющиха, угол Долгого и Новоколюшенинского, д. 12, кв. 7. Ольге Павловне Флоренской». Чернила фиолетовые.

Надпись внутри конверта на клапане: «П.А.Флоренский. I к.»

Письмо на двойном листе (355×225 мм) нелинованной пожелтевшей бумаги. Фиолетовые чернила и карандаш.

1. П.А.Флоренский, посещая библиотеку, занимался не в общей читальне, а в особом кабинете журналов и технической литературы. «Два больших окна с темно-зелеными гардинами были выше кремлевской стены, и из них открывался вид на Святое озеро и леса за ним. <...> В кабинете в центре стоял закрытый зеленой тканью стол, вокруг него стулья, над ним большой плафон с восемью лампочками. У стены напротив окон высился большой шкаф с журналами, у каждой из боковых стен стояли диван, маленький столик и еще шкаф. <...> Над маленькими столиками на кронштейнах висели лампы. Один из них занимал заведующий кабинетом дипломат Веригин, за другим обычно работал Павел Александрович Флоренский. <...> На стенах висели портреты Чарлза Дарвина, Павлова, Марра. И еще важная деталь: в том корпусе, где помещались библиотека и театр, имелось паровое отопление, то есть было тепло и сухо» (*Чирков Ю.И.* А было все так... С. 69).

2. Об этом же писал домой и Р.Н.Литвинов: «...тут организована группа высшей математики и ведет ее очень крупный ученый, и его лекции доставляют мне громадное чисто эстетическое удовольствие и, пожалуй, пользу. Я, в сущности, слышал очень мало хороших лекций, и хотя вряд ли придется мне когда-нибудь еще заниматься этой делом, но я понял некоторые свои недостатки при чтении лекций и, пожалуй, сумел бы их устранить...» (18 декабря 1934 г.).

3. В дальнейшем Павел Александрович театральным спектаклей не посещал, но иногда ему приходилось делать реквизит для представлений.

4. О погоде союзники П.А.Флоренского упоминали в письмах достаточно часто. Вот какие сведения приводит в письме Р.Н.Литвинов: «Вчера я зашел в музей и там нашел метеорологические данные о Соловках. Оказывается, что средняя годовая температура острова $-0,5^{\circ}$, средняя t° самого теплого месяца, июля, $+12^{\circ}$, а самого холодного, февраля, -11° и климат морской с очень малой амплитудой колебаний. Как полагается морскому климату, соловецкий климат обладает постоянной ветреностью» (13 января 1935 г.).

5. С.И.Огнёва, жена профессора Московского университета И.Ф.Огнёва, которого П.А.Флоренский почитал, говоря, что он похож на его отца. Софии Ивановне П.А.Флоренский диктовал ряд своих работ, в том числе «Иконостас», «Детям моим».

6. Василий возвратился из экспедиции в ноябре.

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой, сыну Николаю

13 декабря 1934 г.

Соловки

Милая и дорогая Вита и родной Котик,

Только что получил от Вас посылку, а вчера письмо. Все это невольно всколыхнуло все мои мысли, направило по эфиру через воды Белого моря их к Вам, мысленно я очутился в Вашем окружении, среди Вас. Безумно рад перчаткам, но они слишком шикарны и не рискну их употреблять во время очередных ежедневных своих физкультурных моционов по пилке и рубке дров. Придется их одевать только тогда, когда нужно идти в Кремль, Белый дом¹ или во время своих прогулок вечерних по лесу, кругом Биосада. Как только настанут звездные ночи, залитые лучами северного сияния, а это наступит дней через 10, я возобновлю свои прошлогодние прогулки, перчатки будут моими постоянными спутниками. Бублики и сухарики пробовала вся честная компания вместе с уничтоженным в большом количестве кипятком из воды не просто озера, а Святого, правда, подкрашенного настоящим китайским чаем и, конечно, с сахаром.

Конфеты, а тем более халву вместе с горошком оставлю ко дню именин. Рубашка и белье пригодится, но с полученным ранее образовался опять запас. У нас каждые 5 дней баня и там меняют белье казенное. Постельные мои принадлежно-

Вид с колокольни
Соловецкого кремля.
Нач. 1960-х гг.
Фонды СГИАПМЗ

сти остались нетронутыми, и подушка, и простыня, и матрац – все в порядке. Сплю на специальных еще монашеских скамейках, по форме это большой деревянный диван, очень удобный. К сожалению, одеяло перестало служить, последнее время прямо ползло, и я вместо него раздобыл себе казенное суконное. Пишу тебе это письмо в надежде, что ты получишь его ко дню своего рождения, а Котик к именинам. Сапогам сделал радикальную операцию: совершенно их распорол и оставил лишь голенища да [переда], вставил новую хорошую стельку, то есть дал новую душу сапога, новую подошву, заново сшил, и теперь получились, наконец, сапоги что надо, тем более оказались у меня еще присланные Тобою в прошлом году набойки, валенки также подшиты, борчатка, родимая, цела, значит, зиму прозимую, будем надеяться, благополучно.

<...> Я сам думал на проблемы Арктики, но больше в направлении разработки тех или иных больших заданий, связанных с зарождением этих новых районов и развертыванием природных богатств и производительных сил в них. Для этого абсолютно не обязательно постоянно жить там, можно и достаточно ограничиться экспедиционным посещением.

Наоборот, базой должен являться крупный культурный центр. В равной мере это относится к разработке народнохозяйственных проблем для образованных новых областей, в связи с районированием Сибири, вот почему вспомнился Самойлов². Кстати, мое дополнительное заявление на имя Верх[овного] Прокурора, о котором я Тебе писал, переслано нашим Соловецким лаг[ерным] руководством на Мед[вежью] Гору в адрес УРО ББК от 8 декабря за № 1217, как это помещено в специально издающейся у нас газете «Голос Перековки». Из Мед[вежьей] Горы, надо полагать, оно пойдет в Москву в ГУЛАГ, а оттуда Прокурору. У нас опять потеплело и мороз держится около 3°, вчера даже таяло, вот что значит Гольштрем¹. Отсюда у меня большая уверенность, что письмо как раз попадет и к Котика и Твоим именинам. Я очень хочу этого, что Вы в эти дни почувствовали мои горячие к Вам пожелания, мысли и близость. Моему Котюше еще прибавится год его самостоятельной жизни, все-таки, я вижу, он молодец, как он меня заверил на прощание, чтобы я не беспокоился ни за него, ни за мать, так и выходит, слово свое держит крепко и сам двигается и растет, и о матери заботится. Жаль, что не могу ему это в глаза сказать, но надеюсь, что настанет наконец этот момент.

Далее желаю Вам от всей души встретить хорошо новый 35 год и с наступлением его встретить полный успех в Ваших начинаниях, жизненных делах. Чтобы все наши несчастья, неожиданные испытания от нас ушли и больше не возвращались. Целую и горячо прижимаю, моя дорогая жена, Котюша, Капа и Дагмара. <...>

Ваш отец

1. «Белым домом» за цвет стен заключенные называли бывшую монастырскую гостиницу (Преображенскую). После пожара в октябре 1990 г. от здания остались лишь обгоревшие трехэтажные стены.

С «Белым домом» связана анекдотичная история, произошедшая после Второй мировой войны. Один из соловчан, служивший в расквартированной здесь воинской части, написал в отчете: «Тянул кабель от Белого дома до Вашингтона» («Вашингтон» – на соловецком жаргоне – название здания монастырской биостанции, расположенного на Сельдяном мысу).

¹ Так в тексте. Правильно *Гольфштрем* (от шв. *golfstrommen* или нем. *Golfstrom*). Сейчас принято написание *Гольфстрим* (от англ. *Gulf Stream*).

2. Возможно, Н.Я.Брянцев говорит о геологе Я.В.Самойлове, изучавшем минералогию осадочных пород, биогеохимию, проводившем геолого-минералогические исследования фосфоритов России.

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, детям Ольге,
Михаилу, Марии-Тинатин

16–19 декабря 1934 г.

Соловки

1934.XII.16. Дорогая Тика, спасибо за картинки, которые ты пристроила к своему письму. А знаешь, здесь тоже пробовали разводить розы, и они растут и цветут. Сливы, которые сажали вы с мамой, вероятно вырастут* как раз к моему приезду и я буду есть сливы вместе с тобой. Очень рад, что музыка у тебя начала двигаться. Я-то был уверен в этом: ведь только вначале неприятно заниматься музыкой, а после становится все легче и приятнее. Думаю, к моему приезду ты научишься играть и совсем хорошо. Также я очень рад, что приехал Васюшка; вероятно и тебе будет веселее с ним. Кланяйся от меня своему приятелю Леониду¹ и скажи ему, что я часто его вспоминаю. Заботишься ли ты о мамочке? Кланяйся бабушке. Целы ли мои внуки – куклы? Если целы, то скажи им, что я помню их и прошу слушаться свою маму, а мою дочку, которую зовут Тика, она же Маша. Никто из вас мне не сообщил, удалось ли довести княженику и другие растения, или они посохли дорогой.

Ты прислала мне веточку кипариса или, вернее, туйи*. Откуда эта веточка. Бываете ли вы когда-нибудь у тети Гози. Если нет, то соберитесь и пойдите за меня, я всегда ее вспоминаю и тяжело думать, что она – одна и никто к ней не идет. Попроси мамочку или кого-нибудь, чтобы взяли тебя навестить тетю. Она будет этому рада, и я тоже.

Тут все покрыто снегом, и довольно глубоким. На деревьях в лесу пушистые клочья. Северного сияния я все еще не видел, говорят, что они начнутся в январе или в конце декабря. Нашла ли ты на карте, где находится твой папа? А знаешь ли отчего этот остров называется *Соловками*? От *соли*. В прежнее время тут были соляные вёрницы, соль вываривали и торговали ею или выменивали ее на другие товары. От этого, как

говорят, и стал называться остров Соловецким. Говорят, летом тут бывает видимо-невидимо чаек. Они кричат целый день и не дают покоя ночью. Но я приехал сюда осенью, когда чаек уже не было. Сегодня меня угощали здешними грибами – как будто вроде подберезовиков, как наши. Лес тоже похож на наш посадский, конечно не совсем, а в общем та же картина, особенно под снегом. Целую тебя крепко, дорогая Тикулька, пиши своему папе.

Дорогой Мик, вот ты уже какой большой, даже рычаги проходишь. Сообрази-ка, рычаги какого рода представляют наши руки и ноги. Какое из семейств растений тебе нравится больше всего. Я особенно люблю лилейные и розоцветные, а интересуют водоросли, хотя их знаю плохо. Если мои сапоги тебе велики, то наматывай на ноги какое-нибудь тряпье, и тогда ходить будет легко; я раньше этого не делал, и потому ноги при ходьбе уставали, а чулки быстро рвались. Собрал ли ты грибов на зиму, хоть сколько-нибудь. Наверное Васюшке будет приятно попробовать их после путешествия по горам и скалам, где грибов не увидишь. Говорят, тут грибов бывает довольно много, но я приехал, когда грибное время уже закончилось, да и собирать нам их по большей части не приходится. Недавно меня угощали на вечере тюленьей или, точнее, заячьей (из морского зайца) колбасой. Она мне показалась вкусной, тем более, что не похожа на мясо, а скорее напоминает что-то вроде рыбы. Кажется, здешнюю тюленью колбасу вывозят на продажу в Ленинград, а м.б. и в Москву. Получил ли ты мое письмо, в котором я тебе пишу про морского зайца, бывшего у нас здесь на выставке? Я писал тебе еще, что по слухам этого зайца отправили в Москву, в зоопарк. М.б. ты его там встретишь и тогда вспомни о своем папе. Начал ли ты проходить химию? Если начал, то поинтересуйся иодом*. Помнишь, ты и Тика так любили иод*, что требовали от мамочки, чтобы она мазала им вас пятнами; вы назвали эти пятна пуговицами. А теперь иод* кругом меня, испаряется отовсюду и запах его разъедает слизистую оболочку носа. Целый день я пробую различную золу, рассолы*, бензинные вытяжки и отбросы производства на иод* и определяю, сколько там иода*. Это узнается по количеству гипосульфита (фотографического за-

крепителя), которое необходимо, чтобы обезцветить красивый розовый или малиновый раствор иода* в бензине, а бензин извлекает иод* из растворов, с которыми соприкасается, особенно если раствор хорошо взболтать с бензином. Есть еще красивая реакция на иод* – крахмальная: крахмал, например картофельная мука или, лучше, весьма жиденький клейстер синет и даже чернеет от малейших количеств иода*. Приходится возиться также с иодистым* калием. Это вещество – любимый реактив Михаила Фарадея, моего самого любимого из ученых, начиная от раннего детства и до сих пор. Когда я называл тебя Михаилом, то имел в виду также и Михаила Фарадея. Ты меня обрадовал бы, если бы прочел его биографию², хоть какую-нибудь, а лучше конечно более подробную; но пожалуй подробную тебе читать еще рано, так почитай пока краткую. Он был очень хорошим человеком и величайшим из ученых; каждый год приносит новые доказательства, как глубоко он мыслил и видел и насколько он определил¹ в своих замыслах и убеждениях современных ему ученых. А если чего не поймешь в его жизнеописании, попроси Васю и Киру или Леонида объяснить тебе. Когда я был маленький, мне казалось, что нет имени, красивее, чем Михаил Фарадей, и я постоянно писал его инициалы М.Ф. А ведь это вышли *твои* инициалы, ты тоже М.Ф. Крепко целую тебя, дорогой Мик. Учись, думай, люби мамочку и своих братьев и сестер.

Дорогая Олечка, ты спрашиваешь о цитатах по искусству и эстетике. Конечно пользуйся ими, я буду очень рад, если они окажутся тебе полезными. Наиболее интересен и целен Гросс, особенно для первого вхождения в эстетику. Чернышевского я, конечно, читал, но чего-нибудь полезного для себя не нашел в нем. В частности, его тезис³ о превосходстве жизни над искусством двусмыслен, потому что не указывается, в каком отношении искусство сравнивается с жизнью. Искусство – проявление жизни и потому часть жизни, как целого. Как же сравнивать часть с целым. Но по признаку красоты, или эстетического оформления, искусство выше жизни, ибо именно для этой узкой и специальной цели жизнью

I Так в тексте. Вероятно, *опередила*.

Оля Флоренская. Рис. В.А.Фаворского. Ок. 1925 г.
Архив семьи Флоренских

создается. Оно есть эстетическое осознание жизни. Можно ли сказать, что растение выше цветка. Цветок – часть растения, его орган, но красота растения именно в цветке находит свое высшее выражение и потому мы судим о растении, оцениваем его и распознаем его преимущественно по цветку. Тайный смысл тезиса Чернышевского м.б. выражен как приглашение жить, а не заниматься искусством. Но тогда в чем же жизнь, если будет устранена одна из лучших ее функций, и за нею, с таким же правом, и каждая из прочих. Про каждое проявление жизни можно сказать, что жизнь выше его, но если ощипешь все листья и цветы жизни, то от жизни ничего не останется. Поэтому можно сказать: жизнь выше искусства, но это или ничего особенного не возвещает, или окажется, в другом понимании, жизневраждебным. Ты делаешь личные сопоставления. Два образа, если говорить о новой истории, о близком к нам времени, от детства и донныне мне были и остаются особенно дорогими: Гёте и Фарадея. При кажущемся несходстве в них много общего в основном. Главное – в мышлении не отвлеченными схемами, не значками, а образом, до конца конкретном, – в мышлении типическими представлениями (гётевское *Urphänomen*¹), а не отвлеченными понятиями. Понятия нельзя любить и нельзя ими любоваться; а Гёте и Фарадей любили художественные образы, которыми они мыслили, и радовались им. И потому их творчество было не службой, не средством своего устройства, славы, благополучия, а самую жизнь, безкорыстным восприятием реальности. Отсюда их проникновение в реальность, способность видеть незримое другим и способность на много десятилетий опережать свое время. Идут годы, десятилетия, почти целый век, а *их* понимание действительности (имею в виду природу) не только не линяет и не ветшает, но напротив, становится все более близким и ценным. Нет слов пустых, нет утверждений формальных: все полно углубленного смысла, все полновесно и плотно, развертывая свою полноту по мере накопления знаний и опыта последующими поколениями. Глубина их сочетается с ясностью, ясностью мысли и прозрачностью настроений. Жизнь – в упорной и целостной работе. Вот эти люди мне близки.

¹ Первооявление (нем.).

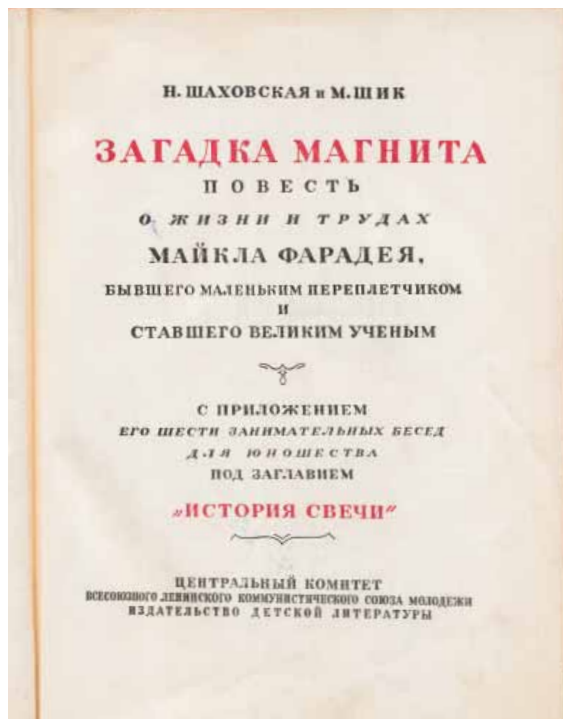
Иоганн Вольфганг Гёте

О твоём писании. Конечно, дорогая, пиши, что пишется; во всяком случае это научит тебя видеть достоинства и недостатки литературы, вникать в построение и в стиль произведений, улавливать ритмику звука и образа. Если бы тебе удалось читать по немецки*, это было бы очень хорошо, даже при несистематичности такого чтения; что-нибудь усвоишь, создашь в себе привычку к звукам и оборотам, запомнишь кое какие* слова.

1934.XII.19. Видитесь ли с Софьей Сергеевной. Если она навещает вас, то поклонись ей от меня. Известно ли что нибудь* о Тикиной маме Кене⁴? Здорова ли и вообще не забыла ли вас? Одеяло, конечно, передай Васюшке, если оно ему нравится. Я его и имел в виду, когда давал вам. Спрашиваешь о работе моей. Той работы, которая была ранее и была мне совсем не под силу, теперь уже нет, и я занимаюсь анализами, маленькими исследованиями, цель которых – улучшить производство, т.е. удешевить, понизить потери иода*, ускорить процесс добычи и т.д. Это мне вполне по силам, так что жаловаться не на что. Правда, у меня не остается времени – все оно занято либо служебными, либо общественно-культурными обязанностями. Но это м.б. и лучше, чтобы не думалось; а вести свою работу – научную или литературную – в данных условиях я все равно не могу и нечего делать попытки в этом направлении. Крепко целую тебя, дорогая Оля.

Дорогая Аннуля, написав письмо, спешу писать другое, последнее за декабрь, т.к. боюсь, что при задержке оно очень долго не сможет попасть в Загорск. Мне очень грустно, что ты чувствуешь себя так беспокойно, а я ничем не могу помочь тебе. Постарайся притти* в равновесие, подумай о наших детях. Ведь на них твое состояние не может не отражаться вредно, а между тем домашние впечатления в их возрасте определяют душевную жизнь не только в данный момент, но и на всю жизнь. Пусть же будет у них на душе ясность и спокойствие, дай ты им это. Я с вами всегда, где бы я ни находился и что бы ни делал. Пусть же мысль о том, что мы вместе, даст тебе силы быть бодрой и спокойной.

Количество и разнообразие моей работы, как всегда, все возрастает. Вот сегодня на меня кружок ИТР возложил пред-

Майкл Фарадей
 Книга Н.Шаховской и
 М.Шика «Загадка магнита»
 о М.Фарадее

седательство в секции бюро «науки и техники»⁵, т.е. организации всяческой техпропаганды – лекций, докладов, курсов и т.д., которые надо вести ИТР-овскому кружку. С мастерской по добыче иода* тоже возрастают заботы, т.к. приходится продумывать и налаживать много отдельных моментов производства, а необходимых условий для проработки, литературных и лабораторных, здесь конечно нет. Следовательно надо заново открывать америки и притом придумывать, как и чем заменить общепринятые способы исследования тем, что доступно в настоящих условиях. Поэтому занят я целый день, с утра и до поздней ночи, но полезных результатов получается неизмеримо меньше, чем могло бы быть при нормальных условиях. О своей жизни я не пишу тебе, ты узнаешь о ней из того, что писано маме и детям. В общем же она идет однообразно, день похож на другой и проходит незаметно, условия жизни понемногу улучшаются. Хотя я и писал уже, но на всякий случай повторяю: башмаков присылать мне НЕ НАДО, т.к. я приобрел сапоги – променял свое пальто на полушубок и сапоги, взамен украденных у меня. Кроме того на зимнее время меня

обеспечили на службе валенками, и я хожу большею частью в них. Скажи мальчикам, что не пишу им за неимением ни времени, ни места в письме, но что я их очень люблю и всегда думаю о них. Им я писал недавно, вероятно они уже получили мое письмо от мамы. Разным толкам о Соловках не очень-то доверяй, мало ли что болтают люди. Я же пишу тебе, насколько удастся, чтобы дать представление о своей жизни. Приглядывай, чтобы мальчики были сыты в Москве, а то ведь они о себе не позаботятся и истощат все силы. Хорошо бы кое что* готовить дома и давать им с собою хотя бы на несколько дней. Кланяйся маме, я не забыл о ней, а просто очень торопился закончить письмо. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля, не забывай ни меня, ни моих просьб быть бодрой и радостной.

1934.XII.19. Соловки

П.Флоренский

Конверт (162×115 мм) стандартный, белый, маркированный, с информационным текстом на обороте. Штемпели: Попов Остров – 29.12.34; Загорск – 01.01.35.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области. Пионерская, 19. Марии Павловне Флоренской». Фиолетовые чернила.

Надпись внутри конверта на клапане: «Павел Александрович Флоренский. Список № 1».

Письмо на двойном листе (355×225 мм) нелинованной пожелтевшей бумаги. Фиолетовые чернила.

1. Л.И.Корякин, кристаллограф, жил в Ярославле. Погиб на Великой Отечественной войне. Один из немногих, посещавших Флоренских после 1933 г.

2. Вполне возможно, Павел Александрович имеет в виду биографию Фарадея, написанную священником М.Шиком и кн. Н.Д.Шаховской, которые были его друзьями и имена которых он упоминать опасался.

3. Диссертация Н.Г.Чернышевского, изданная в 1855 г., называлась «Эстетическое отношение искусства и действительности». Ему принадлежит фраза: «Сапоги выше Шекспира». Очередной раз идеи Н.Г.Чернышевского были реанимированы в 50-е годы XX столетия.

4. Мама Кеня, как ее называли дети Флоренских, – К.А.Родзянко. Крестная мать Марии-Тинатин Флоренской, дочери П.А.Флоренского.

5. В работе этого бюро принимал участие и Р.Н.Литвинов: «Я состою в бюро науки и техники, которое разворачивает свою работу, пока в виде заседаний разворачивающих программы работ» (23 декабря 1934 г.).

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

18 декабря 1934 г.

О. Соловки

Милая Варя. Не знаю, когда попадет к тебе мое письмо. Может быть, еще придет случайный пароход и увезет это письмо, а может быть, оно пролежит до авиапочты <...> Мое состояние тут можно назвать вполне удовлетворительным во всех отношениях. Зима тут стоит мягкая, много снега, но морозов нет, жилищные условия не изменились, т.е. очень хороши, снабжение удовлетворительное, настроение неплохое, работа приятная и даже удовольствия. Какие, ты спросишь? Театр и кино? Ты знаешь, что они меня не развлекают. Но тут организована группа высшей математики и ведет ее очень крупный ученый¹, и его лекции доставляют мне громадное чисто эстетическое удовольствие и, пожалуй, пользу. Я, в сущности, слышал очень мало хороших лекций, и хотя вряд ли придется мне когда-нибудь еще заниматься этим делом, но я понял некоторые свои недостатки при чтении лекций и, пожалуй, сумел бы их устранить. Здоровье мое в отличном состоянии. Я окреп, могу без всякой усталости заготовить дрова для 4 печей, начиная с распиловки и кончая колкой и доставкой, аппетит хороший, сон крепкий. В общем, все как будто бы хорошо. Каждый вечер, упрятавшись уже под одеяло и погасив свет, я думаю о своей далекой жене и сыне, который растет без меня. Когда я иду днем по лесу, смотря на небо, где перепутались утренняя и вечерняя заря и небесная синева прозрачна, как на старинной акварели, мне не хватает тебя. И вообще с утра до вечера не хватает. Ну, что поделаешь. Будем думать, что обстановка изменится в хорошую сторону и мы, когда будем вместе, будем еще больше ценить это *вместе*. Сейчас прошли самые темные дни. Начинается удлинение солнечного промежутка в сутках, «Варвара ночи урвала»², по украинской поговорке. В прошлом письме я поздравлял тебя с именинами (в ноябре я писал тебе два письма, а это второе декабрьское), но сейчас опишу тебе, как я провел твои именины тут. С утра работал в лаборатории, а к обеду сварил гречневую кашу. Нужно сознаться, что она вышла не рассыпчатой, а напоминала гречневые клецки, но было тем не менее очень вкусно. После обеда я пошел

в Кремль на занятия по химии и, будучи настроен элегически, рассказывал учащимся всякие интересные для них вещи. Потом, чтобы доставить тебе удовольствие, я пошел в парикмахерскую и постригся – и волосы и уши. Уши не совсем, хотя парикмахер и ущипнул меня за ухо ножницами. Подстриг и бороду. Нужно сказать, что я решил отпустить бороду, о чем я уже писал тебе, и борода уже почти достигла той стадии, на которой я с ней когда-то расстался, несколько изменившись в оттенке. Как бы то ни было, я не хожу небритым, что приходилось делать в августе и сентябре. Потом из Кремля вместе с сожителем возвращался домой, и громадная блестящая луна освещала ели и снежную дорогу. Ужинали хлебом с повидлом, и хотя в холодном месте лежала селедка, но есть что-нибудь существенное не хотелось. Засыпал с удовольствием, потому что три дня ремонтировали печку, и мы жили как попало в лаборатории. Как раз вчера ремонт был окончен, пол вымыт и мы затопили переложенную печку и спали в теплоте и чистоте, а радио наигрывало «медленные вальсы», румбы и фоксы³. Таким образом прошел твой день на острове, который скоро будет отрезан от мира ледяной стеной. Хотя в письмах, вернее, в доставке их предвидится перерыв, все-таки пиши мне, Варенька. Ты прямо не можешь представить себе, какое волнение и радость доставляет мне твой почерк. Всякое письмо – важное событие в жизни на острове, и товарищи всегда зачитывают вслух отрывки из «своих» писем. Я пока что оставляю свои письма только для себя и ничего не рассказываю про свою семью, хотя подробно знаю всю подноготную о семьях своих товарищей. У одного семья в Москве, у другого⁴ в Омске. Московская семья хлопочет о своей главе, но без заметного успеха. Омская не хлопочет, и с тем же результатом. События последних дней⁵ делают, по-моему, всякие попытки в этом направлении довольно безнадежными на ближайший промежуток времени, но ближе к весне, может быть, чего-нибудь и выйдет... Отсюда предпринимать шаги в этом направлении бесполезно. Нужно сказать, что в общем я настроен оптимистически. Сколько мне пришлось перенести всяких событий, и в конце концов я выходил из всего благополучно. Надо думать, что и на этот раз события пройдут, а мы останемся и будем жить по-хорошему. В сущности, в настоящий момент

Марка, выпущенная к годовщине со дня гибели С.М.Кирова.

Худ. В.В.Завьялов.
1935 г.

единственное, что тяжело, – это разлука с вами. Совершенно невероятно, чтобы пришлось сидеть весь срок полностью. Если разобраться подробно в моем «деле», то сажать меня не за что. Возможно, что когда-нибудь и станут разбираться. Когда и как – вот в чем весь вопрос. Ну, даже писать об этом скучно. Лучше сообщу, что купил сегодня кило брынзы, очень приличной, за 8 рублей. Деньги из Горьковского ПТУ еще не получены, но денег у меня больше, чем в момент приезда сюда, потому что расходов почти никаких, а в месяц я получаю рублей 17–15. С будущего месяца кончится поступление с курсов (за уроки химии), и я буду получать рублей 10, чего вполне достаточно. Главный расход это 3–4 рубля паек: махорка, конфеты, иногда сахар, но все это в скромных количествах, селедка (очень хорошая, беломорка). Здешняя, знаменитая соловецкая селедка в этом году почти не ловилась. Говорят, что это самая вкусная в мире селедка. Проверить этих слухов не удалось. Из здешних достопримечательностей я видел морского зайца и ел тюленьё мясо и колбасу. Колбаса – как колбаса, только отдает рыбой, а тюленьё мясо, копченое и соленое в очень сильной степени, чтобы отбить вкус, – совсем его потеряло и напоминает соленую и копченую мочалку. Жир тюлений очень напоминает рыбный и мне, в общем, нравится. Ни разу не был в здешнем музее. Говорят, он очень интересен, но попасть туда, в сущности, некогда. Думаю в ближайшее время попробовать попасть туда, хотя обстановка нашего дома тоже до известной степени музейна. Спим мы на монашеских диванах, очень оригинальной формы и очень удобных для спанья, вещи держим в тумбочках – аналоях и часто видим вещи совсем непривычного вида. Самое красивое, но редко видимое, – это море. На берег ходить совсем не приходится, а от нас его видно только с крыши, на которой я был два раза, когда ставил антенну. Но оно дает себя чувствовать то ветром, то тем, что климат тут мягкий – видимо, мягче нижегородского. Целуй Кольку, скажи ему, что папа часто его вспоминает, а из Кеми собрался послать ему игрушку, но что пришлось спешно уехать и, таким образом, не удалось ему ее отослать. Из Соловков ничего не пошлешь, да и нечего.

Как подумаешь, что есть Колька, что он растет и я этого не вижу, становится очень горько и обидно. <...> Целую тебя, Кольку и бабушку. Остальным привет.

Роман

1. Р.Н.Литвинов говорит о П.А.Флоренском. См. письмо П.А.Флоренского от 13–15 декабря 1934 г.

2. Р.Н.Литвинов не очень точно цитирует поговорку: «Варвара ночи урвала, дня приточала». Но эта поговорка не совсем верна, т.к. зимний солнцеворот наступает позже Варварина дня (см. комм. № 1 к письму Р.Н.Литвинова от 8 декабря 1934 г.).

3. Все течет, все меняется. В 1926 г. журнал «Советское искусство» № 10 писал: «Культура и досуг должны повседневно находиться под жестким идеологическим контролем партии. Фокстрот – танец деградирующей буржуазии – кровный брат кокаина и рулетки» (*Бродский Ю.А.* Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. С. 523). Прошло всего 8 лет – и фокстроты зазвучали по радио...

4. Московская семья – это семья П.А.Флоренского, в Омске – В.М.Осетникова.

5. Речь идет об убийстве С.М.Кирова 1 декабря 1934 г.

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

21 декабря 1934 г.

№ 34. <...> Сегодня был слет лагкоров стенных газет. Я был на нем делегатом и, кроме того, премирован книжкой с именной надписью. Последние дни пришлось сделать несколько портретов т. Кирова на стекле, получилось очень недурно, что говорит о том, что я сносный копировальщик. Вчера вечером узнали по радио о смерти Н.Я.Марра. Жаль – хороший был человек, с ним я сошелся еще со времени Главнауки. Видимо, переработал, он ведь работал отчаянно.

Получены уже газеты с постановлением об отмене карточек на хлеб¹. Как это отразилось на твоём бюджете? Почему-то ты избегаешь писать о своих материальных делах². Или соответствующие письма пропадают? А отсутствие сведений невольно наводит на грустные размышления. <...>

1. Карточки на продовольственные товары первой необходимости появляются в годы войны, разрухи и экономической нестабильности,

Фото П.Флоренского.

Ок. 1897 г.

На обороте его автограф:
«Библиотека рукописей
в Эчмиадзине. Без головы
вышел, кажется Марр».
Архив семьи Флоренских

сигнализируя об экономическом спаде. Первые талоны (карточки на продовольственные товары) появились в Древнем Риме и Греции во II в. до н.э. Беднейшим слоям городского плебса вручались свинцовые и бронзовые тессеры (монетки), которые гарантировали получение дешевого хлеба (один раз в месяц), мяса, оливкового масла, вина и давали возможность посетить театр, цирк или баню. Позднее тессеры были заменены дощечками с именем получателя, дня и места выдачи продуктового или зрелищного «пособия».

После Рима только Конвент в Париже в 1789 г. впервые ввел продовольственные карточки.

В России карточки впервые появились в годы Первой мировой войны и сохранились до 1920 г. Вновь карточная система в СССР была введена с 1928 по 1935 г., а затем с 1941 по 1947 г., с 1988 по 1992 г. В отдельных регионах Российской Федерации талонная система существовала до 1996 г.

2. После ареста мужа Варвара Ивановна осталась единственной кормилицей большого семейства (младшая сестра, которая училась в техникуме, старый отец, маленькая дочь, а еще приходилось помогать сестрам и брату, жившим в деревне, ну и, конечно, посылать посылки

и деньги на Соловки), работать приходилось много. Многочисленные «друзья дома» (О.Ю.Шмидт, Н.Н.Зубов и др.) отвернулись от семьи. И лишь три человека – Николай Полуэктович Суворов, Сергей Петрович Хромов и Борис Александрович Архангельский – не прекратили общения с семьей «врага народа». Б.А.Архангельский оказывал и материальную помощь в виде подарков к праздникам и дням рождения. Обычно это были корзины с фруктами, конфеты и лакомства, недоступные семье в сложившейся обстановке.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

23 декабря 1934 г.

О. Соловки

Варенька, милая моя старушка! От тебя уже давно нет писем, так что я начинаю отчасти беспокоиться. Что делается у вас там, далеко, в Горьком? Обычно письма от тебя доходили примерно в две недели, но вот уже давно нет писем, и мне становится не по себе. Странное чувство разорванности личности, как будто лучшее осталось с вами, а ненастоящая, призрачная часть сидит за бумагой и пишет в стране, где днем темно, а ночью светло. Как будто бы настоящая жизнь оборвалась ночным звонком, а механический призрак – теперешний я, живет ненастоящей жизнью. Нужно сказать, что в ней много интересного. Похождения невероятные с точки зрения прошлого года. Представляешь ли ты себе такую картину: твой муж стоит в дровнях и правит лошадю? Мы едем сначала по узкой лесной дороге, потом сворачиваем в лес – у нас трое саней, грузим их бревнами и везем к себе, а я иду сзади с кнутом под мышкой. Это заготовка дров. Воздух свежий и почти теплый – мороза нет, но и не тает. Мы привезли пятнадцать возов. Вечером отдыхали, пили чай и слушали музыку. С утра начинается возня в лаборатории, шипят примусы, идет выпарка, сушка, фильтрация, взвешивание, титрование и безконечная мойка посуды. Потом завтрак – нормально картофельно-жарено-вобляный – иногда с треской, потом лаборатория, иногда попилишь или поколешь дрова, хотя главную печь мы топим раз в неделю. Это монастырская, или, как ее зовут, монастырская-кремлевская печь. Ее, в сущности, не заметно. Она занимает простенок от стены до дверей и кажется очень толстой

стенкой. Высота [ее] до потолка, длина около 3 метров, ширина метр и три четверти. Топить ее нужно много, в ней сгорают самые большие и сырые колоды, топка тянется с утра до ночи, но зато тепло держится поразительно долго. Как видишь, я много пишу про печи и в прошлом письме, и в этом, потому что это языческое божество требует внимательного служения и вознаграждает за это теплом. А тепло зимой как-то делает жизнь уютнее и напоминает о настоящем «доме», где живет все, что полагается: жена и Гад-гусь¹. Довольно часто приходится ходить в Кремль – последние уроки химии (я кончаю в декабре и поэтому в январе, вероятно, смогу написать только два письма), лекции по высшей математике и общественная работа. Я состою в бюро науки и техники, которое разворачивает свою работу пока в виде заседаний, разворачивающих программы работ. Ты знаешь, как я всегда увлекался общественной работой, но на этот раз я с особым интересом участвую в работах бюро. Дело заключается в том, чтобы долгие зимние месяцы прошли интересно и полезно не только для нас, но и для других. Публика работает в достаточной степени квалифицированная, общение с которой было бы приятно и на воле, а тут в особенности. Вероятно, некоторые из них обладают лагерными недостатками, но мне с ними нечего делить и поэтому я просто с большим интересом слушаю их. Сам я заметил за собой, что стал много молчаливее, и мне как будто труднее

Дом в Нижнем
Новгороде (Горьком),
в котором в 1930-е гг.
жила семья Р.Н.Литвинова.
Фото Р.Н.Литвинова
(внука). 2009 г.

говорить, чем раньше. О том, что меня больше всего интересует – о вас, говорить не приходится, а все остальное не так уж и захватывает. Но пока довольно о невольных робинзонах. Хотя я и писал тебе недавно, и даже очень недавно, о своем здоровье, но приходится опять сообщать то же самое, т.е. что мое здоровье в отличном состоянии и чувствую я себя физически прекрасно. Сила в руках по динамометру (у нас есть в лаборатории) увеличилась, утомляемость при пилке дров стала меньше, так что мой партнер по пилке, тридцатилетний сибиряк-здоровяк начинает пыхтеть раньше меня. Appetit хороший. Пища достаточна, хотя несколько вегетариански-однообразна. Хорошо еще, что наш кулинарный вождь и главный кормилец обладает способностью широкой фантазии. В Колькин день² мы пекли пироги: с капустой и с повидлом. Сама Клавдия Александровна не отказалась бы подписаться как авторша под этими пирогами. Так как мои товарищи жили в Сибири, то были и шаньги, которые я пробовал первый раз в жизни, и, нужно сказать, одобрил. Суп был гороховый. На второе был бигос, правда, не совсем удачный. Видишь, Варя, как мы тут весело живем и изредка пируем. Правда, что хорошо бы поскучать дома, но ничего не попишешь, как говорят на Востоке. Есть развлечения и другого порядка. Кино и театр. Кино, в котором я был, по правде сказать, только один раз, снабжается старыми фильмами, изрядно скучными, и поэтому, побывав в кино один раз, я более не посещал его. В театре я был два раза на программе типа мюзик-холла. Некоторые номера ничего, но в общем бездарно и безнадежно провинциально*. Вчера развлекался портняжным ремеслом. К моему удивлению, при вдумчивом отношении к этому делу, оно идет совсем не так плохо. Пришил вешалку к куртке, укрепил пуговицу, которая имела тенденцию к сепаратизму, и зашил прореху по шву. На днях займусь заплаткой на синюю рубаху. Так протекает время в лагере. Почитываю английские романы, установил дружеские отношения в библиотеке и получаю поэтому книги и в неположенные часы и дни, так как в законное время никак не могу попасть в Кремль.

От Любы письма совсем перестал получать. Что с ней там делается, не знаю. Видимо, положение там еще хуже, чем тут, потому что ты видишь из моих писем, что здесь жить, говоря

безпристрастно, неплохо. Квартира, отопление, освещение, корма – все бесплатно и кое-что лучше, чем на воле. Например, я уверен, что добрая половина москвичей с удовольствием сменяла бы комнаты с нами. Ну, а у нее ничего этого нет, видимо, ей приходится трудно. Она писала о том, что какие-то нужные сведения, которых я не даю, задерживают хлопоты, но я боюсь, что вообще из хлопот будет мало толку. Я написал ей в прошлом месяце, чтобы она не очень рассчитывала на скорое изменение состояния и устраивалась там, исходя именно из этого расчета. Что делается у вас? Как твое псиное здоровье? Как Колька и бабушка? Я был в восторге от Колиных стихов. Передай ему, что его стихи мне очень понравились и чтобы он написал стихи для меня. Привет друзьям, если они есть. Во всяком случае, передай привет родственникам. В прошлом письме я уже писал тебе, что навигация кончается и что с письмами будет перебой, пока не устроят аэродромной площадки на льду. Но пока что пришла и ушла пара пароходов, и как будто пройдет еще неделя или больше при не замерзшем море. Но как бы то ни было, вероятно, письмо вылежится вполне достаточное время. Может быть, с последним пароходом оно попадет на материк и дойдет к тебе в приличное время – а может быть, и не попадет, и тогда рассматривай его, как воспоминания, относящиеся к эпохе навигации 1934 г. Крепко тебя целую, дорогая девочка. Береги свое здоровье и помни, что все в конце концов наладится и что я тебя очень люблю.

[Роман]

1. В семье Литвиновых были приняты ласково-шутливые обращения друг к другу. Сына Литвинов нередко называет *Гадом*, а в обращении к жене, наряду с очень нежными и теплыми словами, использует такие, как *Пси*, *Псица* и т.д.

2. Р.Н.Литвинов говорит о 16 декабря – дне рождения сына.

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

1 января 1935 г.

№ 35. <...> Для своей трудколонны заканчиваю портрет тов. Кирова на стекле. Это уже четвертый по счету, просят сделать

еще один. Видимо, выходит хорошо. Я нарисовал последний на стекле 30×40 см, окаймил черной и красной лентой и получилось красиво.

Сегодня вечером буду читать лекцию на довольно оригинальную тему – обзор завоеваний человечества в отношении знаний, начиная с создания мира и кончая строительством социализма и построения бесклассового общества – не знаю, как выйдет. <...>

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, детям Кириллу, Ольге, Михаилу, Марии-Тинатин

2–7 января 1935 г.

Соловки

1935.I.2. Соловки. № 6. Дорогой Кирилл. Только вчера получил я твое письмо от 4.XII.1934. Не ошибся ли ты, написав 4 вместо 14, т.е. 14 декабря? Был рад получить от тебя подробное изложение твоих работ, к тому же весьма интересных. Нахождение ваннадатов*¹ в кремнистых сланцах до известной степени примирило меня с этой бесплодной и скучной породой. На Дальнем Востоке этих сланцев очень много, но, будучи настроен против них, я не вникал в их слои внимательно. Выдавленные или высосанные пропластки коллоидного происхождения я тоже находил, но не сумел узнать, что это за минералы; по виду же похожи на окислы железа; возможно, однако, они и представляют какой-либо интерес. Хорошо, что ты начал пользоваться понятиями коллоидной химии; не сомневаюсь, что в близком будущем им будет принадлежать руководящее значение во многих вопросах минералогии. Поэтому старайся изучить коллоидную химию по-серьезнее и не смущайся ее преимущественно органическим уклоном; это временный уклон, объясняемый чисто историческими причинами, с одной стороны, и сравнительной легкостью изучения органических коллоидов – с другой. Но, освоившись с общими идеями, ты сумеешь перенести их и на неорганические соединения. В частности обращаю твое внимание на замечательную книгу Вольфганга Оствальда о цвете и коллоидах (не спутай с «Цветоведением»² Вильгельма Оствальда –

Соловки. Крестный ход.
Фото монаха Онуфрия
(Поречного). 2008 г.

отца Вольфганга), в которой реабилитируется гётевская теория цветов и дается множество весьма важных наблюдений³.

О моем минерале ты пишешь предположительно, что его изменили перекисью водорода. Конечно, это не так: я сам брал его с месторождения, а перекиси водорода ни у меня, ни у кого другого и в руках не было. Что-то мне говорит об интересности этого минерала, хотя прямых данных и нет. При случае обрати на него внимание.

Относительно поездки твоей на север я уже писал, вероятно вы теперь получили мое письмо. Повторяю, поездка невозможна по ряду причин, и прежде всего – по причине прекращения навигации и отсутствия какого бы то ни было сообщения, кроме аэропланного. Но мыслию я всегда со всеми вами и в частности с тобою, мой дорогой. Работай, учись, будь в природе, заботься о маме и о детях – в этом вся моя радость. Ваши успехи для меня дороже собственных.

1935.I.7. Так давно, дорогой, я начал тебе письмо, что уже забыл, о чем писал. Сделаю несколько заметок по поводу твоего письма. Во первых* о спектральном анализе. Очень сове-

товал бы тебе хорошо усвоить спектральный анализ, т.к. без него двигаться в одних случаях трудно и хлопотно, а в других и просто невозможно. Однако, не ограничивайся качествен. анализом, а займись непременно *количественным*. Это могу- щественный способ, т.к. он позволяет в $1/2$ часа решать анали- тические проблемы, для которых обычными приемами анализ потребовал бы недель и большой *опытности*, не говоря уже о реактивах, посуде и большом количестве анализируемого материала. Точность колич. спектр. анализа до 1% от измеря- емой величины. Определение делается по *длине* линии спектра, полученного фотосъемкой с вращающейся щелью в виде логарифмич. спирали. В свое время у нас в институте⁴ был применен этот метод к ряду анализов и дал блестящие резуль- таты, тем более, что анализируемого вещества были количе- ства чрезвычайно малые. Занимался этим делом Гуго Янович⁵, и от него ты можешь получить советы и указания. Для колич. спектр. анализа необходим кварцевый спектрограф со специ- альной вращающейся щелью; она м.б. сделана домашним пу- тем, т.е. в мастерской института. Но думаю, можно было бы в случае отсутствия кварцевого спектрографа воспользовать- ся любым другим, хотя это будет несколько менее надеж- но (меньше линий, – отсутствуют ультрафиолетовые линии, в спектре особенно богатые).

Машинопись первого
варианта поэмы
П.А.Флоренского «Оро».
Архив семьи Флоренских

Напиши, прошел ли твой палец и твоя ма- лярия.

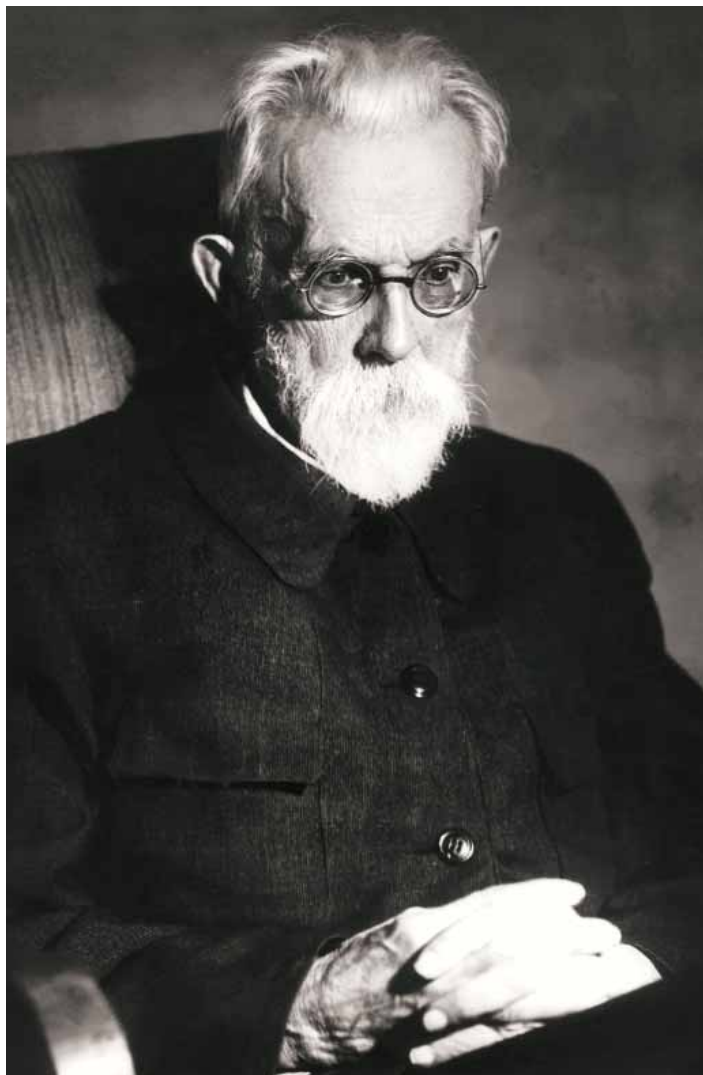
Твое объяснение происхождения ванадатов мне нравится. Как я наблюдал, превращения валентности ванадиевых соединений и содержания кристаллизацион. воды происходят очень легко и от небольшого изменения условий, в частности температурных и концентрации среды. Считаю вероятным, что таково же образование комплек- сов, а вместе с тем – и изменение цвета.

Получил ли ты мое указание на двуцветность хромового раствора?

Напиши, давала ли Оля тебе читать отрывки из «Оро», ороченской* поэмы⁶.

Постарайся получить от Влад. Иван. указания по работам, он единственный у нас ученый, мыс-

Академик
Владимир Иванович
Вернадский.
1930-е гг.

лящий глубоко в области круговорота веществ в земной коре, и один из самых глубоких натуралистов нашего времени в мировом масштабе.

Видел ли ты фотоснимки классификации льдов? Крепко целую тебя, дорогой Кирилл, будь здоров, работай и заботься о мамочке.

Дорогая Олечка, вероятно мое письмо уже запоздает и тебе не пригодится, но на всякий случай все же пишу по поводу твоей школьной темы о Тютчеве – о философск. мотивах его

поэзии. О чем же тут надо сказать, т.е. в твоей работе. Во первых* о тех воздействиях, которые оказала на Тютчева окружающая среда. Во первых*¹ это поэтические традиции Державина, к которому Тютчев непосредственно примыкает, и по роду своей поэзии и по общественному положению. Здесь можно отметить: двойственность служебных обязанностей и поэтического влечения. Первые требуют обращения с людьми и притом официального, условного, часто неискреннего и вместе с тем держат на высоте больших госуд. задач, совершенно безличных (это – день). Поэтич. же дар ищет уединения, глубокой искренности пред собою, подлинности высказываний, личного прикосновения к действительности, а она, не искаженная официальнойностью, – остается лишь в природе (это – ночь). Затем, крушение Наполеоновской системы – отсюда сознание тщеты и мимолетности чело. индивид. усилий и мощи неизменной природы. Далее, поэтическое и философское воздействие Гёте – опять вечная мощь и красота природы, не считающейся с человеческими замыслами, но целестремительно развивающейся из себя и порождающей из себя все существующее.

1935.I.6. Ночь. Сегодня особенно думаю и вспоминаю о вас. Письмо свое не мог докончить, да и не торопился, зная, что все равно оно не скоро сможет отправиться в путь. Но возвращаюсь к Тютчеву. (Кстати, чтобы не забыть ответить тебе на твой вопрос: конечно, мне хочется знать все мелочи, которыми вы живете, чтобы более ясно представлять себе вас. Поэтому пиши и то, что кажется вам пустяками, дорогая.) Природа живет, но *своею* жизнью, величественной и целостной в своих противоречиях – таково основное мироощущение Гёте. Тайные ее глубины, однако, доступны нам, познаваемы, но не разумочно*, по частям, а когда мы улавливаем их в их целостности. Это проявление тайн природы – не в отвлеченных понятиях, а в конкретных, чувственных, наглядных образах, которые Гёте называл первоявлениями. Другое воздействие на Тютчева – от Шеллинга, философия которого во многом близка к мировоззрению Гёте. Идея развития, динамики, диалектики, внутренней связи отдельных явлений, *смысла* явлений; с другой стороны, первичной основы бытия, темной, но темной не

I Так в тексте. Вероятно, *во-вторых*.

в смысле противоположения добру, а лежащей глубже противоречия между добром и злом, да и нет, и порождающей из себя это противоречие – таковы самые основные вехи Шеллинга. Еще сильное воздействие на Тютчева – от славянофилов: отсюда его мысли о величии внутреннем при внешней убогости, о великом будущем русского народа, об особенностях русского духа, призванного стать *над* противоречием Востока и Запада, подняться на новую историческую ступень. Можно было бы и еще много писать о Тютчеве, но нет места, да и все равно это письмо придет с опозданием, свою работу ты напишешь до его получения⁷. Поэтому кончаю. Крепко целую тебя, дорогая Олечка. Привет твоим товарищам. Кланяйся бабушке.

1935.I.3. Соловки. Дорогая Аннуля, ты напрасно думаешь, что я не получаю твоих писем. Повидимому* получаются все, но ты узнаешь об этом поздно, не ранее 1–1½ месяцев после их написания. Ведь письмо идет обычно около 15 дней, а мое ответное вероятно и дольше. Вот и выходит не менее месяца. Чтобы у тебя не было сомнений, начни нумеровать письмо. И я тоже буду ставить номера. Это письмо с Соловков – б-е: одно за октябрь, одно за ноябрь, 3 за декабрь. Навигация у нас кажется кончилась или кончается на днях; следовательно, с письмами теперь будет задержка. Посылки твои я получаю, в частности получил и последние 2 посылки – с теплой одеждой, папиросами, шапкой и проч. Меня очень смущают твои посылки. Зачем вы отказываете себе во всем и насылаете мне столько дорогостоящих продуктов? Что же до теплой одежды, то присылка ее меня даже раздосадовала: ведь у меня есть теплая одежда казенная, а хранить мне одежду негде, если же придется переезжать на другое место, то унести свои вещи я просто не смогу. Надо употреблять все усилия, чтобы было вещей как можно меньше. Спрашиваешь о валеных* сапогах. Но ведь я же писал тебе, что у меня есть казенные, выданные из предприятия, в котором я работаю. В них я и хожу. Впрочем, здесь такой недопустимо теплый климат, что можно ходить и без теплого: на дворе температура лишь немногим ниже нуля и иногда почти на нуле. Бывает и холодно, но не от мороза, а от ветра; особенно, когда ветров было больше и они были сильнее, было по моему* гораздо холоднее, чем теперь. Еды мне те-

перь стало нужно меньше, чем ранее, когда я приехал наголодавшись: вероятно отъелся уже. Присланное вами уничтожаю вместе с тем или другим из живущих со мною или приходящих навестить; но грустно при этом, вспоминаю о тебе и о детях. Вот почему я даже рад прекращению навигации и вытекающему отсюда прекращению посылок. В частности, зачем ты покупаешь мне дорогие папиросы. Конечно, мне приятно бывает угостить ими какого-нибудь гостя, но все же, лучше, не траться на них и угощай чем-нибудь маленьких.

Получил письмо от Кирилла, оно меня порадовало: видно, он вырос и окреп, его работою я доволен, только вот помочь ничем ему не могу, даже советом, т.к. нет под руками нужных книг. Надеюсь, впрочем, он теперь и сам будет находить себе нужные сведения. Но смущает меня, что дети не знают иностранных языков, а заниматься научно без иностранной литературы совершенно невозможно.

Зимнее солнце.
Фото В.П.Стоярова.
2006 г.

Вероятно ты хочешь знать, что я делал последнее время. Работал в лаборатории, как в нашей иодпировской*, так иногда и в центральной, где обстановка более похожа на

лабораторную; все это в связи с производством иода*. Затем читал лекции по математике в математическом кружке. Готовил программы к большой работе по переходу производства к т.н. комплексному использованию водорослей, т.е. такому, при котором все составные части водорослей оказываются использованными; вскоре придется выступать с соответствующим докладом в ИТР с целью поставить задачу о водорослевой промышленности на проработку. Если это осуществится, то будет занятие сколько-нибудь ценное и осмысленное. Вообще же день проходит безсодержательно и крайне быстро, толчея и нет тех результатов, которые он должен был бы принести по замыслу: слишком все не организовано еще, а м.б. и наоборот. Если увидишь Л.К., то скажи ему, как мне тяжело думать, что я в его глазах оказываюсь не таким, каким он меня считал и что жалею о своей бесполезности в его работах как по Техн. энциклопедии, так и литературно-научной. Но конечно нарочно не стоит беспокоить его, у него и так достаточно своих дел и хлопот. Пережили мы самые короткие дни, теперь темнеет уже явственно позже. Помню, 22 декабря, в самый короткий день, я вышел взглянуть на солнце. В 12^{1/2} часов, т.е. по солнечному* за 1/2 часа до полудня, солнце еще не взошло, а было только небо, видимое сквозь разрывы туч, как расплавленный металл. Но целый день, целые дни здесь сумеречно: «Ни свет, ни тьма, ни день, ни ночь»⁸. Работаем даже и теперь все время при электр. освещении. Но эта почти полярная сплошная ночь совсем не такова, какую я представлял ее себе: это не ночь, а сумерки, но растянутые на целый день.

А сегодня, вот, 1935.I.7, была удивительная заря в 4^{1/2} часа дня – ярко-малиновая полоса, какой у нас никогда я не видывал, а над нею плотное сизое облако – облачный покров по всему небу. Удивительный цвет, удивительное зрелище! Крепко целую тебя, моя милая Аннуля, будь здорова, не скучай, радуйся нашими детками.

Дорогая Тика, отдохнула ли ты за каникулы? А знаешь ли ты, что каникулы – это по латыни значит собачины, собачье время, – от названия Сириуса Собачья звезда: время отдыха было связано когда-то с определенным положением на небе Сириуса. Очень радостно слышать, что и с музыкой ты начина-

еще справляться, как справилась с арифметикой. Я-то никогда не сомневался, что моя дорогая дочка со всем справится, но конечно не сразу, т.к. сразу никто ни с чем не справляется. Скажи Васюшке, что я не сумел написать ему, так как уже нет места, но напишу на ближайших днях; пусть он не думает, что я забыл написать ему: я его очень люблю и скучаю по нему. Когда это письмо начиналось, тут было тепло. Но сегодня и вчера (т.е. 6 и 7 января) подул холодный шторм, мороз вчера доходил до 20°, ветер сбивает с ног и потому ходить по полю довольно трудно. Кланяйся Ане и поблагодари ее за письмо ко мне. Кланяйся бабушке, пожелай ей здоровья от меня. У нас тут печи огромные, топят их раз в неделю, так что бывает то очень жарко, то прохладно. Сегодня, вот, печь топилась, в комнате тепло, в трубе ходит ветер и шумит, как будто где-то едет поезд. Уже ночь. Мы выпили – кто чай, кто кофе, я угостил своих сотоварищей печеньем, которое прислали вы. Готовлюсь к докладу о водорослях, к завтрашней лекции по математике, пишу вам письма. Но все время думается, как я далек от вас, о наполовину замерзшем море, которое лежит между Соловками и берегом материка. Стараешься ли ты говорить с Аней и с Микой по немецки*? Кланяйся твоей учительнице от меня. В апреле месяце сюда, как говорят жившие тут, прилетит множество чаек, наверное они побывают и у вас и расскажут* мне о моей дорогой дочке Тике. Но вероятно они не будут говорить пустяков, как комар. Крепко целую тебя, моя дорогая дочка, и еще раз целую. Будь здорова.

Дорогой Мик, ты стал писать красиво, только жаль, что пишешь мало. Как же ты не знаешь, о чем писать. Конечно пиши о том, что ты делаешь, как гуляешь, что тебя теперь интересует. Пиши мне о милой мамочке и о том, заботишься ли ты о ней. Ведь я поручаю ее вашим заботам – чтобы она не скучала, не грустила и жила полнее. Может быть у тебя возникают какиенибудь* недоумения в физике или математике, общей и о них; хоть и с опозданием, но я отвечу тебе. Сейчас мы заняты вымораживанием раствора – щелока – чтобы повысить в щелоке содержание солей. Когда такой щелок замерзает, то в лед соли почти не попадают, если только частично не застрянут в тонких капиллярах. Поэтому лед соленой

воды, например морской, при таянии дает воду почти пресную. Соли же переходят в еще не замерзшую часть раствора, концентрация его повышается и наконец доходит до насыщения, после чего соли выпадают постепенно на дно сосуда. Попробуй сделать такой опыт с раствором (не слишком крепким) марганцевокислого * калия: лед получится безцветный, а не замерзшая жидкость углубит тон своей окраски. Это лучше всего проделать на блюдечке или на тарелке, тогда изменение цвета будет особенно явственно.

Сообщи мне, как идут твои занятия немецким.

Что делаете вы в школе по русскому языку? Крепко целую тебя, дорогой Мик, пиши чаще и побольше. Еще раз целую тебя.

П.Флоренский

Конверт (165×115 мм), стандартный, белый, маркированный, с информационным текстом на обороте. Штемпели: Попов Остров – 19.01.35; Загорск – 21.01.35.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области. Пионерская ул., д. 19. Анне Михайловне Флоренской». Чернила синие.

Надпись внутри конверта на клапане: «Павел Александрович Флоренский. Основное».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ. 22 января 1935 г.».

Письмо на двух листах (178×222 мм каждый) нелинованной пожелтевшей бумаги. Чернила синие.

1. Определением содержания ванадия К.П.Флоренский занимался под руководством В.А.Зильберминца. Результаты работы опубликованы: *Zilbermintz V.A. und Florensky K.P. Über die Bestimmung von Vanadium im Felde // Mikrochemie. 1935. Bd. 18. S. 154–158; Зильберминц В.А., Флоренский К.П.* Полевые определения ванадия // Труды Ломоносовского института геохимии, кристаллографии и минералогии АН СССР. 1936. Вып. 7. С. 355–361.

2. Имеется в виду книга: *Оствальд Вильгельм.* Цветоведение. М.–Л., 1926.

3. Речь идет о книге: *Оствальд Вольфганг.* Наука о коллоидах. Электротехника. Гетерогенный катализ. Ч. II: Фотоэлектрические явления / Пер. Н.Т.Бизова. М.–Л., 1932.

4. Всесоюзный экспериментальный электротехнический институт (ВЭЭИ), где П.А.Флоренский был заместителем директора и заведовал созданным им отделом технического материаловедения.

5. Г.Я.Арьякас, зав. фотолабораторией в ВЭИ, занимался спектральным анализом. Школьный учитель физики Кирилла Флоренского в Сергиевом Посаде.

В.А.Зильберминц и
Н.А.Власова во время игры
для В.И.Вернадского.
Узкое, 1930-е гг.
Архив семьи Власовых

б. «Оро» – поэма об ороchonском мальчике, своего рода Дерсу Узала, влюбленном в природу и пытающемся познать ее тайны. В форме этой поэмы П.А.Флоренский пытался передать детям «генеграфический опыт рода». Над поэмой П.А.Флоренский работал в течение всей ссылки, начата она была на Дальнем Востоке и значительно переработана в период пребывания на Соловках, таким образом, годы ее создания 1933–1937. Первый, неполный вариант поэмы, снабженный обширным предисловием, был создан в Сквородине, машинописный текст затем Флоренский передал семье во время приезда жены с младшими детьми к нему на Дальний Восток. Посвящена поэма младшему сыну Михаилу, о чем автор сообщал в предисловии: «Поэма моя написана для моего сына Мика и приспособлена к его пониманию, – хотя, быть может, сейчас он и не поймет всех многочисленных намеков этих стихов. Но по многим личным причинам мне необходимо посвятить поэму именно Мику, пусть она будет ему хотя бы впоследствии памятью об отце. – П.». Стихотворный вариант посвящения прислан в письме от 8–10 апреля 1936 г.

7. Выписки из писем П.А.Флоренского о поэзии Ф.Тютчева были переданы В.В.Кожинуву и опубликованы им с обширными комментариями в книге: *Кожин В.В. Тютчев*. М.: Молодая Гвардия, 1988. С. 473–475.

8. Последняя строка первой части поэмы М.Ю.Лермонтова «Демон» (1839).

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

4 января 1935 г.

О. Соловки

Милая и старая Варя! От тебя долго не было писем – и вдруг вчера сразу три письма от тебя и одно от Любы. Страшно приятно на несколько минут жить жизнью далеких своих. Это кажется таким далеким и таким интересным, что невольно забываешь все, что тебя окружает. А это окружение не плохое. Окно выходит на юг, и в него видны и утренняя и вечерняя заря, и весь низкий путь солнца. Перед окном растет посаженный монахами экзотический гость – кедр, которому может быть лет 100 или 150. Дальше видна длинная, засыпанная снегом аллея из почтенных берез. Правее ее – замерзшее и тоже засыпанное снегом озеро. Нигде на снегу нет живых следов, птичьих и звериных. Говорят, что тут есть много лисиц, уничтоживших всю остальную живность, но около нас я их не видал. Дальше в глубь острова есть серебристые голубые песцы и олени, но сюда они не ходят. Из птиц прилетают воробьи и бороды. Есть какая-то птичка вроде снегиря, которая почти не боится людей. На ближних елях иногда прыгает коричневая белка. Это все «вольное» живое. Невольное – кролики, морские свинки, белые мыши и жирный и гадкий кот, не имеющий имени, потому что обычное котовое имя Васька нельзя применять, так как это имя уже занято одним из наших жителей. Щенок, которым ты интересовалась, покинул нас. Его взяли приучать к охоте в более высокие сферы. Так как он был овчаркой немецкой породы, то мне его не было почти жалко¹. Начав с обстановки и зверей, естественно перейти к людям. Мои сожители люди приятные, и жизнь наша течет без трения. Других людей я вижу редко, так как в Кремль почти не хожу. Ходил туда получать продукты на полмесяца – нам и нашим зверям,

привез целые сани. Раз в три или четыре дня хожу туда слушать лекции по высшей математике, которые приносят мне большое удовольствие.

Голова работает по-прежнему ясно. Видимо, я отдохнул основательно в нашей полусанаторной обстановке. Постепенно нарастают планы большой работы. Отрывки соображений о ней ты уже знаешь. Раз попал к морю, то из моря и нужно брать себе работу. Ты прислала мне все, что было можно, из литературы, за что посылаю тебе большую благодарность. Мы составили план большой работы, которая может дать осязательные результаты. Конечно, одних планов мало, нужны люди, литература, посуда, реактивы, а это все зависит от начальства. На днях этот вопрос ставится официально, и если решение будет положительное, то работа тут будет, пожалуй, интереснее, чем в институте, в особенности если удастся группу работников собрать именно такую, как предполагается. Тогда никак нельзя будет жаловаться на то, что работаешь не по специальности. Решение этого вопроса – дело ближайших недель, даже дней, так что в ближайшем письме, которое ты, вероятно, получишь одновременно с этим, я сумею написать о положении дел. Предсказание о одновременном получении писем делаю на том основании, что навигация закончилась 1-го января, причем пароход уже не мог подходить к берегу и сдавал грузы на лед. Аэросообщение еще не установлено, и надо ждать изрядного перерыва в корреспонденции.

<...> Ты спрашиваешь о судьбах чая. Он полностью получен и почтительно пьется. У нас есть старый монашеский самоварчик, который вносит свой пай уюта. Для заварки у нас куплен фаянсовый чайник в ларьке. Коммерческого ларька с хлебом у нас нет и вряд ли до навигации будет, так что твои соображения о белом хлебе пока нереальны. Об авиапосылках ничего не известно. Когда прилетят первые аэропланы и все выяснится, я напишу. Пока что продовольственные дела обстоят хорошо. Хлеб у нас остается, паек, хотя и умеренный, достаточен. Один из моих сожителей потолстел и отрастил пузо. Я тоже поправился и в самом деле чувствую себя физически отлично. В сущности, мне не хватает для полного благополучия только тебя и Кольки. В самом деле: природа великолепна, климат мягкий (не было ни одного мороза до 4 января), дом от-

Погоня за зайцем.
Почтовая карточка,
изд. Бюро печати
УСЛОН. Вып. II, № 7.
Январь 1927 г.

личный, старинный, красивый и теплый, освещение электрическое, работа интересная и нетяжелая, радио немного хуже домашнего, но условия приема лучше, английских романов достаточно – чего еще мне нужно? Знакомые? Нижегородский круг их был не особенно привлекателен. Тут есть, пожалуй, интеллектуально более интересные люди, хотя общий уровень и тут, к моему удивлению, очень неважный. Разговоры с большинством совершенно неинтересны. Уголовный элемент более ярок, но противен донельзя.

В одном из прошлых писем ты приводишь списки высланных тобой вещей. Все по этому списку я получил за исключением банки консерв[ированных] фруктов, старых брюк и синей рубашки. Это было все, видимо, в той посылке, которая была активирована. Должно быть, ее вскрыли со дна и взяли то, что понравилось. Пишешь в этом же письме, чтобы я сшил из шарфа мешки для рук. Никоим образом! Я его постоянно ношу и очень люблю. В нем я сделал первый визит после операции своей невесте. В нем ходил зимой мой сын. Поэтому я шью себе перчатки из другого подручного материала. Нужно сказать, что с немалым трепетом сел я за тяжелое портновское дело: чинил куртку, пришивал пуговицы и сегодня ставлю заплатку на сидение брюк, которые там прохудились. Данные тобой почилочные материалы пригодились как

нельзя лучше. Кто о них подумал? Ты или бабушка? Привет от меня ей и ее внуку. Скажи ему, что мне очень приятно, что он знает «У Лукоморья» и сам пишет, т.е. сочиняет такие хорошие стихи. Сам же я, покинув ГПУ, совершенно излечился от этой болезни. Теперь только тогда, когда ложусь в «кровать» (монашеский диван-скамья), я минут десять думаю о далекой Пси, а потом начинаю сочинять роман в стиле Стивенсона с пиратами и кораблями. Но как только корабль начинает свое плавание – я засыпаю. И так каждый вечер <...>

...Но все время думается,
как я далек от вас,
о наполовину замерзшем
море, которое лежит
между Соловками и
берегом материка...
Фото И.А.Флиге. 2003 г.

А пока всего хорошего, Варенька. Надеюсь, что 35 год будет лучше 34-го. Крепко жму твою руку, милый и верный друг. Я раньше всегда был опечален тем, что не умел до конца чувствовать и любить. Теперь я знаю, что это значит.

Р[оман]

1. Щенка «перевели» в охрану лагеря, где преимущественно использовались немецкие овчарки, обученные охоте на заключенных. Потому и «не было почти жалко».

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

4 января 1935 г.

№ 36. <...> Третий день стоят сильные морозы и я должен сообщить, какие условия зимовки у меня, чтобы ты о моем физическом здоровье не беспокоилась. В камере топим раз в неделю, но все время тепло, устроенная мной форточка хотя еще и не навешена на петли – действует прекрасно, мы хорошо проветриваем камеру. Библиотека отапливается и поэтому почти всегда работаем в хороших условиях. Конечно, все время при электрическом освещении, т.к. день очень короткий и в старых с толстыми стенами и небольшими окнами зданиях дневной свет сейчас недостаточен. В выходной день устроил термос для носки завтрака и обеда из общей кухни, чтобы по дороге не остывало. Термос для кипятка оправдал себя полностью, думаю, что оправдает себя и новый. <...>

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой

12 января 1935 г.

Дорогая и милая Вита,

Ваше коллективное декабрьское письмо получил накануне нового года. Тронули меня Ваши теплые и сердечные пожелания и милые слова. Надеюсь, в свою очередь и мои декабрьские письма до Вас дошли. В этом году к нам пароход ходил до самого первого января. Правда, последний раз ему не удалось подойти к берегу и пришлось разгружаться на льду, на довольно почтительном расстоянии. Сейчас ждем аэропланных сообщений, причем на днях. В связи с этим тороплюсь написать Вам в надежде, что эта первая зимняя ласточка увезет это письмо.

Самочувствие у меня бодрое. Прекрасная зима, связанные с ней пейзажи нашего Биосада, нарядно украшенные елки, удивительные по своим расцветкам небосклоны, все это как-то

«Соловецкий архипелаг.
Вход в лабораторию.
8/IV 1934 г.»
Рис. Н.Я.Брянцева.
1934 г.
Архив семьи Брянцевых

бодрит, да плюс к этому бездна чистого свежего воздуха. Нас занесло снегом, последнее время дуют ветры, в нашем доме тепло. В помещении, где наша лаборатория, имеется так наз. кремлевская печь, монашеской системы. Я впервые встречаюсь с такой конструкцией печи. Это большая печь в виде прямоугольника, высотой от пола до потолка, длина ее три метра, а ширина полтора метра. По внешним размерам напоминает коксовую печь, только в два раза, как видите, шире. Чтобы ее натопить, нужно сжечь почти воз рыночных дров, причем кладем в нее толстые кругляки, сантиметров 30–40 в диаметре и длиной в 1,5 метра. Зато накаливается прекрасно. Топить нужно через 5–6 дней. Температуру держит около 25° С. Таким образом, работаем при тепле, которое считается нормальным в обиходе американской жизни. В наших жилых комнатах температура держится голландскими печами примерно такая же, но топим через день. Одежда у меня теплая: мой любимый и издавший виды сибирский полушубок, валенки, которые Ты мне прислала, теплые, подшитые заново, сапоги с галошами, ватная

«Биосад. Соловки.
23/IV 1934 г.»
Рис. Н.Я.Брянцева.
1934 г.
Архив семьи Брянцевых

куртка, которую Ты прислала, и другая, бóльшая размеро[м], казенная. Ее надеваю сверху и в ней большую часть выхожу, так как в полушубке жарко. Рукавицы с последней посылки – шикарные. Таким образом, хотя на вид костюм у меня нельзя сказать, чтобы был шикарный, но зато теплый. Я надеюсь, что теперь примерно Вы представляете себе мой внешний вид. На голове у меня еще держится сибирская, когда-то пыжиковая шапка, правда и она несколько «поиняла», но еще хорошо греет, а главное, легкая. Все в жизни относительно, и меня моя одежда вполне удовлетворяет, и прошу не волноваться с этой стороны.

Что же касается моей постели, то и в этой части вполне благополучно. Во-первых, присланный Тобою матрац жив и здоров и набит туго хорошим свежим сеном, под головою две подушки: одна набита сеном, нижняя, для нее наволочку сам собственноручно сшил, а верхняя, головная подушка, домашняя, мягкая. На обеих подушках наволочки «красненькие», «пестренькие», полученные в посылке. Одеяло у меня новое,

казенное, шерстяное, серое; свое расползлось, все амортизационные сроки для него уже вышли, в особенности учитывая все его перипетии, которые оно испытало на своем жизненном пути. Располагаю двумя простынями, домашней и казенной, меняю каждую неделю. Таким образом, и с этой стороны Вам не нужно беспокоиться, тем более что в качестве кровати служит выдержанный монашеский диван деревянный, покрашенный в белую краску. Думаю, что на этом диване когда-то почивал аскетического уклада и поведения соловецкий монах, а теперь отдыхает, надеюсь, временно, по соображениям государственного порядка, Н.Я. Благодарю Тебя за проявляемое Тобою безпокойство по части одежды и постельной обстановки и, чтобы Тебя успокоить, пришлось посвятить этим вопросам почти все письмо. Но [я] за ударную работу получил еще право на два дополнительных, в них поговорим на другие темы.

<...> работаем по культмассовой работе среди ИТР и разрабатываем вместе водорослевую проблему, одну из актуальнейших для Севера. <...>¹

Н.Я.Брянцев – сыну Николаю

13 января 1935 г.

Соловки

Дорогой мой Коташа,

Благодарю Тебя за горячие и сердечные приветы, связанные с моим и Твоим днем¹. Будь уверен, что как Ты и все Вы, мои дорогие, в этот день особенно остро чувствовали нашу вынужденную разлуку, такое же чувство одолевало и меня и я весь день имел Вас перед глазами, чувствовал Вас и все мои мысли были полны Вами.

Твое письмо и Твои успехи в работе явилось для меня лучшим подарком, который я мог ожидать в этот день. Очень рад за Тебя, а главное испытываю большое нравственное удовлетворение, что Ты, при всей своей еще молодости, тем не менее сам сумел поставить себя так, что являешься полезным работником в области возложенной на Тебя работы. Вижу, что глубоко

...В окно видны и утренняя
и вечерняя заря, и весь
низкий путь солнца...

Фото В.П.Столярова

¹ Окончание письма отсутствует.

вникаешь в существо возложенных на Тебя задач, подмечаешь недостатки и своими мозгами (вижу, что они у Тебя шевелятся не впустую) находишь пути к их устранению и даже усовершенствованию. Твоя ловушка очень проста и остроумна по своей конструкции, недаром она дала 6 т[ысяч] руб. экономии.

Очень рад, что Ты наряду с производственной работой окунулся в экспериментальную. Очистка крезоло относится к очень серьезным и важным задачам. Крезол, участвуя в качестве одного из основных реагентов при получении пластмассы, обычно дает продукт, каждый раз несколько отличающийся по своим физико-химическим свойствам. Это происходит оттого, что сам крезол представляет собою не однородный состав, а включает в себя орто-, пара- и метакрезолы. Каждая из этих составных частей отличается другой структурой ядра, с определенным расположением в ней метаксильной группы CH_3 . Поэтому при конденсации молекул крезоло, в зависимости от соотношений составных частей, получается продукт не строго стандартный. Стремясь прежде всего добиться строго стандартного состава крезоло. Для этого необходимо прежде всего проверять крезол, насколько он сохраняет или отличается от установленных констант. Далее крезол подвергают обычно разгонке, пользуясь тем, что орто-, мета- и паракрезолы отличаются друг от друга разными температурами кипения. Изучить крезолы с этой стороны и добиться приемлемых в промышленном масштабе методов разгонки, а может быть и добавки той или иной составной части, – безусловно, чрезвычайно важная задача. Что Тебе посоветовать для очистки крезоло химическим путем? Вообще задача трудная, попробуй активированным углем, силикогелем, отбеливающими землями. Думаю все же, что следует поработать над установлением характерных констант как для крезоло в целом, так и его составных частей, овладеть методом проверки этих констант, чтобы действовать не вслепую, а знать каждый раз, с чем имеешь дело. Кажется, некоторые константы приведены в Технической энциклопедии в специальных справочных томах, у нас их нет, а в нашей библиотеке² были. Очень интересуют меня дальнейшие результаты, которые Ты будешь получать при работе над крезолом.

Из радиосводок я вижу, в Москве нынче холодная зима, стоят большие морозы³. Что же это мать, сама беспокоится о мне,

в то же время сама простужается. Наш архипелаг стоит под опекой такого сильного защитника, как Гольфштрем, и поэтому зима вообще мягкая и я сейчас в середине января хожу в ватном пиджаке и ничего, даже часто жарко.

Как, кстати, Твои занятия по математике? Капочка, надеюсь, сейчас увереннее скользит на коньках, а как Твои состязания в этом спорте, надеюсь, не хуже, чем в экспериментальной работе на заводе и в лаборатории. Советую попасть Вам всем на «Ричарда 3-го». Вероятно, будет весьма эффектная постановка⁴. <...>

Мой зверинец все расширяется. С наступлением зимы та часть кроликов, которая была выпущена на свободу и бегала кругом по травушке-муравушке, постепенно залазила в поставленную клетку-ловушку. Сейчас я их всех разместил на чердаке, и им там лафа, бегают и размножаются. Со мною лишь три красавицы самки, которые, как барыни, нежатся и отдыхают. С завистью на них через решетку наблюдает «урка» и злится. Часто, когда в миску накладешь ему еду и не успеешь повернуться, как он все это разбросает, и миска, как мячик, летает. Не любит сидеть в клетке, приходится его выпускать, и он разгуливает по лаборатории и комнатам. Новое поколение морских свинок забавное, хрюкают, когда слышат приятный для их уха звук резки турнепса. Завел кота, самым любимым его

...Прекрасная зима,
нас занесло снегом...
Фото В.П.Столярова

Как жистама твон кауфинз по машивамиме?
Кашока кадветь сейге увереннее стокваши на конь-
каж, а как твон стокваши з фалом ситорше,
кадветь не сирте, чем в Фидригеротной рожте
на вводе и в латорамиреци. Совенно пишеть Ний
всем на Ригарди з^ю. Вероятно будет всевие
форежекиска пошканоства. Кто у ме рнез на
кастти дошивавити виеков, не Уторох ли? Мой звериной
все расшириваеть. Стаскишметикитыши та ласие Краешив,
которая Гийа ввишущера на светоду и встала кругом и
пиравишике муравишике, потименко жалатла в шоталишера
Кчаску-ловушику. Сейге з их всех роживенни на ардаке
и мий каши лафра, делатом и роживотомеш.
Со мною шибь при краешиву селении, которые, как барити,
не жатся и амдиатом. Свиештво на ших рдез рашогу
каб.модасей, у рнез и зшител. Часно когда в шитку кажи-
шчи'аши еду и не децеешь повернутьсз, как он все зиео рашо-
саети и мивка, как м.ршик леписей. Не кабит сидеть в шитке,
примодит зю ввишущие и он рашошувает по латорамиреци и кати-
зю. Новое поколение, мурекан свачих вадивое, крохат шити киде
свевисаши при шитови фид на уха звук рожки туркешаса.
Звези котна, солемил мовишери со шестом, маж кровая в рожу.
Зуром беаеть в шити как собака, пока не дашь свободу, не дашь саа
сворчети! Уторох Кашоку, Мий з мамимш
Н.Я.Брянцева

Фрагмент письма Н.Я.Брянцева от 13 января 1935 г.
Архив семьи Брянцевых

местом [стала] моя кровать. Хитрый. Утром бегает за мной, как собака, пока не дашь ему воблу, не дашь – сам сворует!

Целую Капочку, Тебя и мамочку.

Ваш [Н.Брянцев]

1. 19 декабря, на Николин день, отмечали именины отец и сын Брянцевы.

2. Речь идет о лагерной библиотеке Соловков и домашней Брянцевых.

3. Зима 1934–1935 гг. в центральной части России действительно выдалась очень морозная. В «Правде» от 9 января 1935 г. был опубликован рассказ И.Ильфа и Е.Петрова «Собачий холод», в котором говорилось: «В Москве некоторые термометры показывают <...> тридцать три градуса – это неприятная штука. <...>

Итак, мороз, мороз. Даже не верится, что есть где-то на нашем дальнем севере счастливые теплые края, где, по сообщению уважаемого бюро погоды, всего лишь десять–пятнадцать градусов ниже нуля.

Катки закрыты, дети сидят по домам, но жизнь идет – доделывается метро, театры полны (лучше замерзнуть, чем пропустить спектакль)...

4. Видимо, по радио в новостях, которые слышал Н.Я.Брянцев, много и интересно рассказывали о подготовке к постановке на сцене трагедии В.Шекспира «Ричард III» (1592). В России история этого спектакля очень интересна. Первый прозаический перевод был сделан неизвестным автором в «Нижнем Ново-граде» еще в 1783 г., но из печати вышел только в 1787 г. в Петербурге. Затем в 1833 г. Я.Г.Брянский сделал поэтический перевод трагедии, и в этом переводе спектакль шел на российской сцене до закрытия его цензурой в 1851 г., однако через некоторое время, в 1865 г., запрет был снят и журнал «Современник» опубликовал текст трагедии. При советской власти А.Д.Радловой был сделан новый поэтический перевод, и в феврале 1935 г. в Ленинграде в Большом драматическом театре им. А.М.Горького была осуществлена новая постановка (режиссер К.Тверской, художник А.Г.Тышлер, композитор В.В.Желобинский). После премьеры 28 февраля 1935 г. «Красная газета» (вечерний выпуск) писала: «Новый спектакль Большого драматического театра, показанный вчера, является, бесспорно, значительным событием в театральной жизни Ленинграда. Сделан крупный шаг по пути дальнейшего овладения замечательным шекспировским наследием. Театру удалось глубоко и правильно раскрыть историческую хронику, с исключительной силой показывающую умирание и распад феодализма. Премьера готовилась театром долго и упорно. <...> Актеры овладели поэтическим текстом и выразительно читали прекрасно переведенные Анной Радловой стихи. Этот перевод, хотя и имеет ряд недостатков, тем не менее является лучшим переводом шекспировского “Ричарда” на русский язык. Большое одобрение зрителей вызвала работа художника А.Тышлера. <...> Особо значительный успех выпал на долю

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ГРАМОТА

ТОВАРИЩ

Алексей Федосеевич ВАННЕНГЕМ!

В день XVI -летия ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ - Администрация, Дирекция ЦКП(б) и Местком Центрального Управления Единой Гидро-Метеорологической Службы Союза ССР награждает Вас за исключительную проницательность как лучшего ударника производительности и общественной работы.

Зам. Начальник ЦУГМС СССР

Директор ЦКП(б)

Местком

Ванненин

Мясной

Альба

Москва, 5-го ноября 1933г.

Василия Яковлевича Софронова, выступавшего вчера вместо заболевшего Н.Ф.Монахова. Софронов создал блистательный и многогранный образ Ричарда. Его игра не раз прерывалась аплодисментами» (Центральная научная библиотека СТД РФ).

Так как, по свидетельству доктора искусствоведения и знатока Шекспира профессора А.В.Бартошевича, спектакль «Ричард III» в 1935 г. в Москве показан не был, можно предположить, что Н.Я.Брянцев советует родным посмотреть постановку «при случае».

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

13 января 1935 г.

№ 37. <...> После предыдущего письма мне пришлось переселиться в другое помещение. Живем втроем, правда, тесновато, но мирно и спокойно, рядом с работой. Работать приходится очень много. Если поспишь днем после обеда полчаса, хотя это и бывает редко, то весь день пролетает незаметно. Переселение, необходимое устройство на новом месте, еще не вполне законченное, приготовление тезисов на тему к Ленинским дням и обычная напряженная работа так выбили из колеи, что не успел ничего нарисовать своей звездочке. <...>

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

13 января 1935 г.

О. Соловки

Милая Варенька. Пишу тебе без надежды, что ты скоро прочтешь это письмо. Пишу, как говорится, на склад. Последний пароход был 1 января, но ничего не привез и не увез. Я не жду писем, потому что хотя со дня на день ждут аэроплана, но погода стоит ветреная и снежная, что очень затрудняет полеты. Нас почти замело в нашем уединении. Сегодня пришлось лопатой и метлой прочищать вход в наш скит. Но, несмотря на ветер и снег, а может быть, и благодаря им, погода стоит сравнительно теплая и больших морозов нет. Был один день, 6 января, кажется, когда температура упала до -18° , но на следующий день уже потеплело. Вчера я зашел в музей и там нашел метеорологические данные о Соловках. Оказывается, что средняя

Грамота, которой
был награжден
А.Ф.Вангенгейм
5 ноября 1933 г.
Архив Э.А.Вангенгейм

А. Соловки. 13. I 1935.

Милая Варенька. Лично тебе без надежды что то скоро перебежи это письмо
Лично, как говорится на слух. Последний мороз был 1. января, но много
не приехал и не ушел. Я не жду писем, потому что хотя сюда на деле
ждут аэроплана, но погода стоит неприятная и снежная, что очень затруд-
няет почту. Нам почти зимняя в ночном удлинении. Сегодня пришло письмо
отой и личной переписке ввиду в нем соул. Но несмотря на ветер и снег,
я мажешь себе и благодарю им, погода стоит сравнительно теплой и благо-
приятных морозов нет. Был один день - 6 января казался, когда температу-
ра упала до -19° , но на следующий день уже потеплело. Возврат
я зашел в музей и там нашей литературной комиссии. Должны с Соловков. Оказыва-
ется, что средняя зимняя температура острова -0.5° средняя температура
марта - июля $+12^{\circ}$, а самого холодного - февраля -11° и климат меркнет
с очень малой амплитудой колебаний. Как полагают меркнет климату
Соловчанский климат обладает постоянной влажностью. Как ни идешь в Край
из нашей публички, всегда на дороге слева с озера, при выходе из леса
ветер - потопляющий. Я люблю ветер, а другие ругаются. Во всяком случае
я до сих пор живу в куртке, от снега пальто, которое не удерживает,
пришлось на третью, после толки пальто в нашей комнате, так же в
качестве добавки к одежде. Жизнь течет по малозначительному порядку и
новости там тоже не бывает. Мои и старшие там же. Соловчанский климат
Философское здоровье обстоит хорошо, там только боль не было
протухивать не приносят. Но преждем с удивительным талантом
и волею духа, но преждем работая в лаборатории, занимаюсь
высшей математикой и в дальнейшем к прежней общественной
нагрузке составил инструкцию для оценки Толстого. Эта работа
в достаточной степени принята и понимают старая вычислен-
ная в Нижегородском, таком оговорительном, кабинете. Вошел в
бригаду по разработке новой проблемы. Тиснется ударником. Когда
был занят работами дней, то получил месячную плату, но к сожалению
очень скромной зачет в 31 день за квартал. Больше тут не дают.
В других местах заработ можно получить больше. Очень трудно
на основании бывших советов делать предсказания на будущее, но
тут старая жителям ничтожной прозе. Поживут, замкидут и уедут.
Летом доходит слухи... Там то или там то. А там можно расти-
твато и на свидания, а то и на то нибудь более осуществимое.
Во всяком случае всегда движется и притом очень быстро. В особенности
на Соловках. Зимние месяцы идут совершенно незаметно. Если потянуть
находящая работа по водорослям, то она потянется еще быстрее. Но на
время, мы сообразим управлать, как угодно, нельзя. Но иногда
они так идут и не только в зиму, может повернется что нибудь

...В этом году
к нам пароход
ходил до самого
первого января...
Фото Р.Р.Эрлиха.
1925 г.

годовая температура острова $-0,5^{\circ}$, средняя t° самого теплого месяца, июля, $+12^{\circ}$, а самого холодного, февраля, -11° и климат морской с очень малой амплитудой колебаний. Как полагаются морскому климату, соловецкий климат обладает постоянной ветреностью. Как ни идешь в Кремль из нашей пустыни, всегда на дороге слева, с озера, при выходе из леса ветер – юго-западный. Я люблю ветер, а другие ругаются. Во всяком случае, я до сих пор хожу в куртке, а серое пальто, которое не украдено, применяю на третью, после топки печки в нашей комнате, ночь в качестве добавки к одеялу.

Жизнь течет по налаженному порядку и новостей никаких не бывает. Мое настроение тоже без перемен – кроткофилософское. Здоровье обстоит хорошо, головных болей ни разу не было, простуживаться не пришлось. По-прежнему с удовольствием пилю и колю дрова, по-прежнему работаю в лаборатории, занимаюсь высшей математикой и в дополнение к прежней общественной нагрузке составляю инструкцию для оценки топлива. Эта работа в достаточной степени приятна и напоминает старые вычисления в нижегородском, таком очаровательном, кабинете. Вошел в бригаду по разработке йодной проблемы. Числюсь ударником. Когда был «зачет» рабочих дней, то получил максимальный, но, к сожалению, очень скромный зачет в 31 день за квартал. Больше ТУТ не дают.

В других местах, говорят, можно получить больше. Очень трудно на основании бывших событий¹ делать предсказания на будущее, но тут старых жителей ничтожный процент. Поживут, поживут и уедут. Потом доходят слухи... там-то или там-то. А там можно рассчитывать и на свидание, а то и на что-нибудь более существенное. Во всяком случае, время двигается, и притом очень быстро. В особенности на Соловках. Зимние месяцы идут совершенно незаметно. Если начнется настоящая работа по водорослям, то оно покатится еще быстрее. Но ни временем, ни событиями управлять, как известно, нельзя. Но иногда они бывают и не только в минус. Может, повернется что-нибудь и в благоприятную сторону. Может быть довольно много благоприятных моментов, и какой-нибудь из них [может] оказаться благоприятным и для нас с тобой, старушка. Нужно повторить, что основное мое горе и, пожалуй, единственное, – это разлука с вами. Это тяжело в невероятной степени. Раньше, давно раньше, меня выручала способность не думать о неприятных вещах, легко забывать всякие тяжелые для меня вещи. Теперь не думать о вас я не могу. Все напоминает то тебя, то Кольку. Посмотришь на заштопанный носок, и хотя вероятнее, что его заштопала бабушка, но вспоминается ее дочка. До сих пор осталось чувство «кольца», т.е. хотя кольцо осталось дома, я все еще чувствую его на пальце, а иногда чувствую без него неловкость. А так, тут занятно. Если бы не эта разорванность, потому что я был частью единого существа из всех нас и место разрыва никак не заживает, я был бы доволен.

Тут на острове есть преимущества, которых нет на свободе. Во-первых, простота нравов в обычаях, одежде и в языке. Во-вторых, тут довольно много интересных людей и с ними гораздо легче разговаривать, чем это было бы возможно на свободе, потому что они тут остались просто самими собой, без окружения и своей работы. В-третьих, ужасное великолепие Кремля, нагромождение пятисотлетних арок, сводов, циклопических стен, зданий самых различных эпох, резкие полосы электрического света, черные прямоугольники мертвых окон в погорелом соборе и быстрые силуэты людей, проходящих куда-то. В-четвертых, вполне удовлетворительная библиотека. В-пятых, возможность заниматься если и не писанием научных трудов (нет нужной литературы), то во всяком случае

расширением и своих и чужих знаний в области родственных наук. Как будто тут есть даже часть книг, нужных мне для первой части курса по моему предмету. В-шестых, природа, к которой я стою гораздо ближе, чем это было бы возможно на даче. В-седьмых... конечно, дома было бы значительно лучше из-за вас <...> Но в данном случае печальное утешение заключается в том, что мы с тобой прожили очень хорошо, что самые лучшие и счастливые годы я прожил именно с тобой и что все-таки я взял от жизни самое лучшее, что бывает в человеческой жизни. Жаль, что тебе приходится на своих плечах нести всю тяжесть забот о семье, но я надеюсь на тебя, а там, глядишь, что-нибудь и устроится так, что я буду с вами. Уж больно нелепы причины моего переезда сюда. Наступит момент, когда это будет выяснено. Но пока что об этом много задумываться не приходится, в особенности на острове. Мы все-таки настолько отрезаны от того, что делается «там», что всякие суждения основаны на предположениях. Вероятно, обстановка яснее тебе, чем мне. Ты писала, чтобы я хлопотал о свидании. Пока я считаю эти действия преждевременными. Нужно действовать с обеих сторон, а я пока что не имею данных для надежды на то, чтобы иметь успех. В условиях Соловков свидания большая редкость, причем «свидальца» на время свидания вывозят в Кемь, Мед[вежью] Гору или Морсплав, т.е. Попов Остров. Получают его единицы, преимущественно из административных лиц. На материке – другое дело, хотя досюда дошли слухи, что последние месяцы и там стало хуже. Во всяком случае, раньше весны я не думаю, чтобы стоило начинать эту кампанию. К этому времени обстановка станет ясней. Вероятно, и я стану больше известен начальству и смогу надеяться на более внимательное отношение, да и общая обстановка может измениться в более благоприятную сторону. В этом отношении я несомненно оптимист. Когда будет навигация, многие будут вывезены на материк. И я не знаю даже, хотелось ли бы мне этого или нет. На материке мне жилось во много раз хуже, чем на острове. В лагерях при переезде в новое место обычно приходится проходить весь путь с начала, т.е. начало неприятное: жить с урками, общие работы, а потом, при наличии вакансии, попадаешь на работу более квалифицированного порядка. Тут я попал после первоначальных испытаний в такие бытовые и жи-

личные условия, которых на материке я не знаю и не слышал, на очень приятную работу в приличную компанию <...> Нынче выяснилось, что в этом месяце, когда, увы, почта не работает, потому что навигация кончена, а аэроплана нет и нет, что я имею целых три дополнительных письма. Поэтому я полагаю написать тебе три и одно Любе. Правда, я получил от нее одно письмо, но думаю, что с навигацией по воздуху придут письма и от тебя, и от нее. Если бы такие промежутки в письмах были бы на материке, то, конечно, беспокоиться не было бы конца, но тут, волей-неволей, не беспокоись, потому что нет сообщения. Ну, оставим рассуждения, перейдем к описанию быта.

Я думаю, что ты сегодня утром была бы умилена зрелищем, как я подметаю пол и навожу порядок на столе. Утром я ходил за продовольствием и привез на лошади двухнедельный паек. Лошадь была мною заказана вчера, причем с лошадиным начальством был разговор о Пушкине и его библиотеке, ибо оно – пушкинист. Придя домой к обеду, слушал разговоры о музыке и философии. Вечером директор² нашей лаборатории ушел в театр на «Ревизора», а я пустил радио и сел писать тебе письмо. Чай пили около полуночи. Легли около двух. Утром я пошел за продуктами, привез их, позавтракал (картошка в мундире + печенка тушеная + чай с хлебом), убрал в комнате и кончаю письмо своей старухе. Напиши мне, <...> как дела на базаре, а главное, как ты себя чувствуешь и живешь? Надеюсь, что первоначальная подавленность у тебя начинает проходить и что никаких особенных неприятностей у тебя не было. Колька, наверно, сильно растет. Поцелуй его от меня, скажи, что этот поцелуй ему прислал папа в письме. Бабушку тоже поцелуй. <...> Пиши мне. Ты, конечно, понимаешь, какая это драгоценность: кусок бумаги со следами чернил и твоих мыслей. Насчет моего почерка – не смущайся. Я решил его несколько изменить, в сторону большей разборчивости и большей сжатости. <...>

Ну, целую тебя, любимая Ва. Будь здорова, пиши островитянину.

Р[оман]

1. Возможно, Р.Н.Литвинов говорит об убийстве С.М.Кирова.

2. Николай Яковлевич Брянцев, заведовал лабораторией с 1 ноября 1933 г.

Прибытие самолета.
Кадр из фильма
«Соловки», оператор
С.Г.Савенко, 1928 г.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

14 января 1935 г.

О. Соловки

Милая Варюша. Вчера я вышел из завода (а был около кочегарки) и услышал гул авиамотора. По небу в лиловых облаках быстро шел самолет – выключил мотор и пошел на посадку. Я подумал, что, верно, на нем много писем, в том числе, может быть, и мне. И сегодня, вернувшись с обеда, я нашел на столе 2 письма. <...> Я был совершенно очарован полнотой обстоятельностью твоего письма. К сожалению, когда ты получишь ответ на это письмо, пройдет, вероятно, еще месяц, и все, что будет в письме, будет так же свежо, как новогодняя газета. Но темпы жизни здесь медленные, и все меняется совершенно незаметными шагами. Поэтому можешь писать в предположении, что все будет такое же, как и сейчас. Здоровье мое прилично, ничего как будто не изменилось. Режим тот же, столовая и пища та же, только переменялся заведующий столовой и пища стала обильнее. На второе появилась в большом количестве жареная свежая навага местного улова. На работе я нет-нет – а выберу минутку, сбегая к котельной и поколю дрова. Общество на работе приятное, начиная с «директора», интеллигента старой школы, и кончая рабочими. В конторе работает тоже

приличная публика, так что общий тон и характер совершенно неожидан. Представь себе такую приблизительно картину. День уже начал заметно прибывать. Он уже есть в действительности. Недели две тому назад дня как такового не было. Была заря утренняя, переходящая в вечернюю, но ночи, говоря точно, тоже не было. Так, сумерки, в которых очень прилично видно. Из Кремля выходишь в северные ворота. Стена сложена из громадных валунов, размерами со средний автомобиль. Слева толстейшая низкая башня, построенная при Иване Грозном и так солидно, что ее, вероятно, не разбить и современной полевой пушкой. Влево идет стена высотой в двухэтажный дом из таких же валунов. Под стеной дорожка вроде тротуара, довольно узкая, а ниже крепостной ров, широкий и глубокий. Мимо рва идешь по протоптанной в снегу дороге к заводу. Слева видно то, что было еще месяц тому назад морем, а теперь лед и снег. Над этим ровным и белым горизонтом всегда полоса низких туч. Иногда дует ветер – спокойный и сильный, который сотни километров ни на что не натывается и поэтому очень ровный, но прямо жмет иногда в сторону. Подходишь к заводу – а пути минут пять, он блестит электричеством. Здание, где был при монахах кожевенный завод. Но от монашеского

Соловки.

Крепостные башни.

Почтовая карточка,

изд. Бюро печати УСЛОН.

Вып. I, № 2. Июль 1926 г.

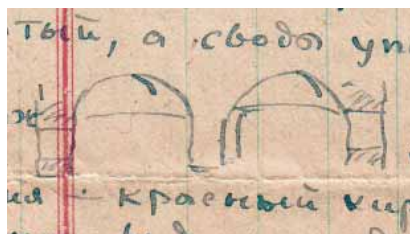

Рисунок из письма
Р.Н.Литвинова
от 14 января 1935 г.
Архив семьи Литвиновых

завода осталось очень мало, почти ничего. Одна громадная комната со стенами толщиной около двух метров с маленькими окнами, похожими на бойницы. Потолок сводчатый, а своды упираются в каменный столб посередине. Над этой комнатой надстроен еще этаж, а с правой стороны пристроено здание уже в двадцатые годы нашего столетия – красный кирпичный корпус чрезвычайно вульгарного вида, но с большими окнами и с паровым отоплением. В левой половине наш завод, в правой – мое бывшее учреждение, проектное бюро, так что в любую минуту я из своего кабинета могу пройти в цеха или в бюро, где моя группа жаждет указаний по проектированию. Кое-как я удовлетворяю спрос, захожу в буфет взять плюшку или моченое яблоко и опять иду на завод. В сущности, это единственное в своем роде предприятие, притом хорошо организованное. Работники завода очень его ценят и относятся к нему не по-казенному. Смены там состоят из молодежи, интересующейся производством, не связанной с уголовным прошлым, конечно – не слишком ученой и грамотной, но подобранной по признаку работоспособности. Это предприятие передовое на Соловках – стахановское¹. Но технически мы еще очень бедны. Слишком мало механизмов, слишком много ручного труда. Я думаю, что, может быть, мне удастся его модернизировать, облегчить и уменьшить ручной труд и, повысив производительность, уменьшить себестоимость. Так в 1936 г[од] текут мои мысли. Читать почти что некогда и, в сущности, почти нечего. Английские романы прочитаны и изредка попадаются новые, вернее, где-то завалившиеся и потом сданные. Французские меня не удовлетворяют, так как безнравственны и подбор их паршивый. Несколько дней тому назад сожители увлеклись романами и достали «Петра I» Алексея Толстого, «Бравого солдата Швейка»² и еще кое-чего. Ну, я опять запоем проглотил их и не почувствовал насыщения. Английские лучше и спокойнее <...>

Очень рад, что ты хочешь снять Кольку, жалею, что у тебя нет ни времени, ни склонности заниматься самой фотографией, потому что все причиндалы у тебя есть, а научиться не так уже и сложно. Нужно сказать, что у меня, при начале фотодейтельности, сразу же начали получаться приличные резуль-

таты. <...> Тут общество очень хорошо знакомо с этим делом. В нашей комнате все фотографии.

Ты спрашиваешь, что мне послать по аэропочте. Ответ короткий: ничего. Я как будто всем обеспечен – и сахаром, и жиром. Иногда ощущается не то что недостаток, а желание пожевать что-то вроде копченого мяса, но посылать его, конечно, не стоит. С вещевым довольствием у меня благополучно, как будто ничего не надо. Даже одеяло я усовершенствовал, комбинируя его в холодное время с брезентовым плащом. Был дефицит в штанах, но я совершил очень удачную покупку. Одному восточному человеку прислали новые штаны, ему слишком большие. Я купил их за 15 р., а они суконные и очень приличные. Если мне нужно будет что-нибудь, напишу непременно.

Относительно свид[ания] я уже несколько раз писал, что эти дела решаются в Москве. Тут может быть только в чрезвычайном редком случае. Правда, что эта возможность не абсолютно исключена, даже есть некоторые шансы, но полной уверенности, конечно, быть не может. Это и надо иметь в виду. Пожалуй, надо будет пока мне воздержаться от каких-либо шагов в направлении подачи каких-либо бумаг.

Ну, целуй гада Кольку, расскажи ему, что у нас тут великолепный каток, и многие катаются на коньках, что тут много мальчишек, но все нехорошие, и чтобы он был хорошим и послушным. Большое спасибо тебе за длинное и такое интересное письмо, еще больше за нежную приписку. Такие слова скрашивают жизнь совершенно необыкновенно. Я в хорошем настроении уже второй день. Я очень люблю тебя, Пси <...> Крепко целую.

Р[оман]

1. Массовое движение новаторов и передовиков производства в СССР за повышение производительности труда и лучшее использование техники. Зародилось в 1935 г. в угольной промышленности Донбасса, ознаменовано производственными рекордами в разных отраслях промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве. Названо по имени его зачинателя – А.Г.Стаханова.

А.Г.Стаханов работал на шахте «Центральное-Ирмино» Луганской области. 30 августа 1935 г. установил мировой рекорд по добыче угля (102 тонны угля за смену).

2. Речь идет о книге Я.Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» (1921–1923).

Я.Гашек, участник Первой мировой войны; в 1918 г. вступил в РКП(б) и в Красную Армию. В 1920 г. вернулся в Чехословакию.

П.А.Флоренский – О.П.Флоренской,
сыну Василию

14–19 января 1935 г.

Соловки

1935.I.14. Соловки. № 7. Дорогая мамочка, хотя и не зная, когда мое письмо пойдет в Москву, пишу тебе. В настоящее время навигация прекратилась, а аэропланное сообщение еще не установлено. Уже давно поэтому мы не получаем ни писем, ни газет. Тут все еще не установились холода. Дня два было морозно, утром доходило до $-15-20^{\circ}$. Но потом опять подул теплый ветер и температура поднялась. Мне напоминает этот климат Батум, хотя конечно там теплее. Воздух – сырой, часто снег и буран, снег липкий и, кажется, вот-вот начнется оттепель. Вообще же – полный контраст с Дальним Востоком, с его сухой, морозной и солнечной зимой. Живу я попреж-

Соловки.

Вид на Кремль
и Управление СЛОН
со стороны Бухты
Благополучия.
Почтовая карточка,
изд. Бюро печати УСЛОН.
Вып. I, № 9. Июль 1926 г.

нему*, только всяких дел становится все более. Часть вечеров отнимают лекции по математике, различные заседания и совещания, другие вечера поглощает работа в библиотеке. Понастоящему* заниматься мне негде: в комнате, где несколько человек и куда постоянно приходят то по делам, то просто так, отвлекают разговоры. Может быть, далее что-нибудь наладится, надеюсь про себя. Книг нужных здесь совсем нет, приходится все вытаскивать из памяти, которая, впрочем, работает очень слабо. Я здоров, питание теперь удовлетворительное, т.к. у меня подкрепление в виде ваших посылок и, кроме того, по учреждению, в котором работаю, получаю молоко и пью его с кофе. Занимаюсь исключительно водорослями, иодом* и подготавливаю к работе по получению из водорослей разных продуктов. 10-го января читал большой доклад ИТР¹ о проблеме водорослевой промышленности на Соловках. Слушателями были по большей части люди квалификации выше средней, отнеслись очень внимательно, так что может быть это важное дело сдвинется с мертвой точки. Понемногу читаю; последнее время Расина, здесь оказался том полного собрания его, или более или менее полного.

1935.I.16. Вчера вечером нас внезапно переселили в новую камеру². Это – большое помещение, в котором 21 человек, рабочие и служащие Иодпрома*.

1934.I.18¹. Сегодня выходной день. Встал позже обычного; слушал радио, недавно проведенное в камеру. Сегодня по радио «говорит Москва», начиная с утренней зарядки, которая разбудила, и последующих концертов. Часто вспоминаю, как ты раньше пела Шубертовские романсы³. Подходящего ничего не приходится слышать, так что вероятно эти воспоминания связаны с местным климатом, несколько напоминающим Батум зимою. Сейчас, вот, опять теплый вечер, температура – близкая к нулю, воздух влажный и мягкий. В камере у моей постели окно, рамы одиночные, дует сквозь них достаточно, но особенного холода нет. День у нас удлинился, более чем на час, встаем – уже полусветло, но солнца почти никогда не видно. Море у берега покрыто льдом и снегом, так что его не видно.

Пока я сидел и писал это письмо, вот сейчас, прилетели два аэроплана; надеюсь, привезли письма от вас⁴. Но это с ними

¹ Так в тексте, правильно 1935.I.18.

не пойдет, т.к. не прошло и $\frac{1}{4}$ часа, как аэропланы полетели обратно на материк. Это – первый прилет за сезон. Все, конечно, очень волнуются даже при слухе, что прилетает или якобы прилетел аэроплан, т.к. все ждут писем.

Вечер, 1-й час. Дожидался вечера, думал получить сегодня письмо, но пока письма не розданы. Начал я тебе писать, что увлекаюсь Расином. Пленительная ясность, прозрачность, свобода от ненужных подробностей, бутафории. Ни одного слова лишнего*, не ведущего действия. Никаких описательных моментов, все в динамике, стремительно идущей к цели. Еще в детстве мне всегда казалось, что нападки на знаменитые три единства французских классиков несправедливы. Теперь я вновь убеждаюсь, какую цельность получает драма при соблюдении этих единств, какую четкость и замкнутость. Мне попалось старое издание Расина с от руки раскрашенными гравюрами, изображающими действующих лиц – очевидно сделанными для постановки на сцену.

1935.I.19. Только что вернулся с лекций по математике. Вот уже опять ночь, а я все не могу кончить письма. Но несмотря на занятость, все время думаю о вас. Сегодня шел по дороге, перед глазами стояли стены Кремля соловецкого, вправо шел небольшой спуск⁵ к Иодпрому*. Я задумался и забыл, и показалось, что я не на Соловках, а в Посаде и что я иду с вокзала домой, надо свернуть направо, вниз. Не сразу сообразил, где нахожусь. Вспоминаю всех вас и беспокоюсь, особенно так давно не получая никаких известий. На всякий случай сообщаю, что присланных вами припасов у меня много, хотя я и пускаю их в ход каждый день. Все в жестяных коробках сохраняю на будущее, когда будет голоднее, а пока ем то, что может испортиться.

Целую Люсю, Лилию, Шуру и Андрея. Сообщи как здоровье Саши и как живет Лилино семейство. Вероятно Шура теперь в Москве? Скажи Кире, что миндаль его цел, я его расходу понемногу и все, кого угощаю, им восхищаются. Не знаю, успею ли написать своевременно и тем более получится ли своевременно письмо. Поэтому прошу тебя передать мои поздравления Анне, Васюшке и Оле с предстоящими семейными памятными днями⁶, а Кире – с прошедшим. Крепко целую тебя, дорогая мамочка. Будь здорова.

П.Флоренский

...Перед глазами стены Кремля соловецкого... Фото В.П.Столярова. 2005 г.

...Я задумался, и
показалось, что я не на
Соловках, а в Посаде...
Фото Б.В.Ведьмина.
Загорск, 1960-е гг.

Сейчас вышел наружу (уже ок. 2 часов ночи). Кто-то распевает по армянски* – вероятно сторож. В камере часто слышатся армянские разговоры. Вообще же здесь можно слышать все языки, как азиатские, так и европейские.

Скажи Кире или Васе, чтобы в письмах мне прислали несколько листочков миллиметровой бумаги, для вычерчивания графиков.

П.Ф.

Дорогой Васюшка, все жду от тебя письма, хотел бы знать, как шли твои работы летом и как работаешь теперь. Напиши также о своем здоровье*. Кира писал, что найдено месторождение ваннадатов*; но я не понял, тобою ли, или кем-нибудь другим. О том, как я живу, ты знаешь от мамы, так что не стану повторяться. Скажу лишь, что в общем день похож на другой и мелькают они так быстро, что не успеваю их считать. Как-то писал я Кире об одном наблюдении из области оптики, которое м.б. интересно и тебе для углубления в вопросы цветности минералов и особенно для демонстраций. На всякий случай сообщу и тебе, т.к. не уверен, что Кира получил еще письмо. Наблюдение это касается каких-то сложных хромовых, вероятно кратных, а м.б. и комплексных солей, образующихся в «хвостах» при добыче иода*, когда из маточного

разсола* (содержащего иодиды*, сульфаты, хлориды и карбонаты щелочных и щелочноземельных металлов, а также железо и алюминий), после подкисления этого разсола* серной кислотой и добавления двуххромовокислого калия, для выделения иода*, обнаруживается двуцветность: при дневном свете раствор прекрасного зеленого, темно-изумрудного цвета, а при ночном (электрическом) – пурпурно-фиолетового. Это изменение цветности, поразительно ясное, напоминает таковое же у александрита и, б.м., в последнем обусловлено именно хромом.

В настоящее время в связи с иодным* производством и намечающейся работой по использованию водорослей меня особенно занимает биохимическое значение иода* и те органические соединения, в которые он входит в водорослях. Знаешь ли ты, что суточный обмен иодом* (т.е. выделенный за сутки иод*) водорослью равен запасу иода* в теле водоросли. Таким образом, обмен чрезвычайно интенсивный, а водоросли повышают концентрацию иода* по сравнению с морской водою в несколько десятков тысяч раз, если не больше, м.б. до сотни тысяч или даже нескольких сотен. Эта эктропическая деятельность, преодолевающая стремление элемента к разсеянию* (один из видов эктропии⁷) поразительна и над нею стоит подумать. Только не знаю, удастся ли приблизиться к пониманию процесса опытно.

Мне очень жаль, что тут нет книги Вернадского о воде и других его работ. Однако выписывать книг сюда не хочу, некуда их девать, невозможно с ними таскаться. А мне, ведь, приходится очень часто сниматься с места и переходить на другое, и вероятно так будет продолжаться все время. Да и работу налаживать при таких условиях невозможно; мало того, что нет книг и обстановки, но всякая работа может быть прервана в любую минуту, как уже прервалась моя работа по льдам и мерзлоте, и все усилия пропадут даром.

Записываешь ли ты наблюдения и соображения по минералогии и геологии, по мере того как они приходят к тебе? Непременно записывай, так скопится у тебя материал для работ. Но необходимо делать запись современную мысли, чтобы сохранить мысль в ее конкретности и первоначальной свежести. С течением времени она деформируется и нередко

утрачивает самое ценное, тонкие оттенки и моменты, не поддерживаемые общим ходом мыслей, хотя именно эти моменты могут оказаться впоследствии особенно плодотворными.

При изучении льдов я нашел зональность разрывов линий кристаллизации; полагаю, что она родственна кольцам Лизеганга⁸ и даю ей механич. и электрическое объяснение. Присмотришься к кристаллам различных минералов и веществ, нельзя ли и там открыть эту зональность, с плоскостями, фронтальными к направлениям линий кристаллизации. В связи с этим может быть удастся установить и периодичность химического состава минерала, по зонам, которую может объяснить изменчивость среднего состава минералов одного вида: ведь разрывы линий кристаллизации соответствуют большей однородности кристаллического вещества, а обнаружение линий кристаллизации – включением¹ инородных веществ или пустотам. Крепко целую тебя, дорогой Вася, скучаю без тебя, жалею, что не могу ничем быть тебе полезным. Пиши и не забывай своего папу.

1935.I.16.

Конверт (162×115 мм), стандартный, белый, маркированный, с информационным текстом на обороте. Штемпели: Попов Остров – 31.01.35; Москва – 02.02.35.

Адрес: «Москва, Плющиха, угол Долгого пер. и Новоколюшениной, д. 12, кв. 7. Ольге Павловне Флоренской». Чернила синие.

Надпись внутри конверта на клапане: «Павел Александрович Флоренский. I колонна⁹. Список № 1. Письмо 1-е дополн.».

Письмо на двух листах (каждый 178×222 мм) нелинованной пожелтевшей бумаги. Обратная сторона письма к В.П.Флоренскому повернута на 180°. Чернила синие и фиолетовые.

1. Инженерно-технические работники в СЛОНе были сосредоточены в основном в ПСБ и в Йодпроме.

2. В Соловках П.А.Флоренского, как и других заключенных, неоднократно переселяли; при этом, естественно, нарушался и рабочий ритм. Неожиданное перемещение вызывало у заключенных состояние неустойчивости, неопределенности, настраивало на готовность к любым изменениям. Создание такой обстановки осуществлялось преднамеренно.

¹ Так в тексте. Вероятно, *включению*.

3. Среди песен, которые особенно любила напевать О.П.Флоренская, были произведения Ф.Шуберта «Лесной царь», «Серенада», «Горный поток в чаще лесной...», «Форель», «И песнь моя летит с мольбою...».

Вспоминая свои детские впечатления от пения матери, в 1923 г. П.А.Флоренский писал: «...мне помнятся сравнительно немногочисленные, но прижившиеся в доме романсы Шуберта <...> Я мало понимал слова, <...> а то, что понимал словесно, то не доходило до сознания. Но слова и фразы и по музыке, и своим собственным звуком мне говорили что-то совсем иное, чем они значат логически, и это иное было несравненно больше логического смысла. Не то чтобы не мог, я, скорее, не хотел вникать в этот логический смысл и разрушить им не сказанный смысл первозданного звука, доходивший до меня чрез это пение. Впоследствии, уже взрослым, когда я слышал те же вещи, я бывал разочарован: да, хорошо, мой детский вкус меня не обманывал, но ведь это совсем не то, что запомнилось мне с детства и что, очень глубоко где-то, звучит и сейчас во мне, хотя и приглушенное. В отдельных выражениях слышалась особая многозначительность, какое-то личное, ко мне именно, к сокровенному существу моему обращенное слово; и слово это шло не от матери, хотя и чрез нее, даже не от автора произведения, а из ноуменального мира, от бытия, которое открывал я в себе самом, по ту сторону себя самого» (*Священник Павел Флоренский. Детям моим*. С. 82).

Возможно, память о тех детских ощущениях очень помогала Павлу Александровичу в лагере...

4. Прилет этих долгожданных аэропланов описал Р.Н.Литвинов (см. его письмо жене от 14 января 1935 г.).

5. О пути из Кремля на завод Р.Н.Литвинов рассказывает в указанном выше письме.

6. Домашние праздники (новый стиль):

– 12 февраля, день трех святителей (Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста) – день Ангела В.П.Флоренского;

– 13 февраля – день рождения А.М.Флоренской;

– 16 февраля, Сретенье – день Ангела А.М.Флоренской;

– 21 марта – день рождения О.П.Флоренской.

7. Энергия, помимо своей количественной характеристики, т.е. экстенсивного свойства, имеет еще свойство интенсивное, которым определяется ее ценность. На шкале ценности откладывается величина энтропии вместе с величиной, ей противоположной – эктропией. Высокоэнтропийная энергия – значит энергия рассеянная, деградированная, малоценная в том смысле, что ее нельзя использовать для выполнения физической (и психической) работы. Напротив, эктропия есть показатель ценности энергии. Важно понять, что в природе имеют место два разнонаправленных процесса: энтропийный и антиэнтропийный, или эктропийный. В.И.Вернадский сделал громадной важности открытие,

Юлия Ивановна, Юля,
Александр Иванович,
Павлуша и Ольга
Павловна Флоренские.
Батум. 1895 г.
Архив семьи
Флоренских

согласно которому Земная биосфера обладает свойством накапливать свободную, т.е. экстропийную, энергию, которую и использует в своих хозяйственных целях земное человечество. Основную работу по этой части функционирования биосферы выполняют, как известно, зеленые растения.

8. Химик Р.Лизеганг в 1896 г. опубликовал свои опыты с ритмическими структурами (кольцами Лизеганга), получающимися при отложении осадка бихромата серебра в желатине. Лизеганг наливал на стеклянную пластину нагретый раствор желатина, содержащий бихромат калия. Когда раствор застывал, он наносил в центр пластины каплю раствора азотнокислого серебра. Осадок бихромата серебра выпадал не сплошным пятном, а концентрическими окружностями, похожими на годовые кольца, что видны на срезе дерева.

9. Первая колонна находилась в Кремле, где жил в это время П.А.Флоренский.

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой

20 января 1935 г.

Соловки

Дорогая и милая Вита,

Хочется поговорить с Тобою, сел за письмо. Зима у нас в разгаре, но удивительно теплая, не то что у Вас. Я беспокоюсь за Тебя, выздоровела ли Ты, смотри не хворай и не простужайся. Вчера я был вместе с Вами, с Тобою и Котиком, Котик рассказывал что-то очень смешное, и я хохотал от души. Очень злился, что меня разбудили. Я теперь понимаю все значение слов «приятного сна». Оказывается, это не пустые слова.

Самочувствие у меня гораздо лучше того, что было в октябре–ноябре. Вероятно, значительную роль играет природа, нарядный лес, чудные ночи, прелестные зарева на небосклоне, отражающие все цвета радуги и в самых невероятных сочетаниях и комбинациях. Все это, независимо от людского влияния, вселяет бодрость и вносит успокоение. С большим удовольствием работаю у себя в лаборатории, в обстановке соловецкой тишины. Моя работа над водорослями значительно продвинулась вперед, чувствую, как начинаю овладевать этим весьма интересным видом производительных сил природы и морской стихии. Полученные результаты дают большую уверенность, что удастся найти надлежащие методы для извлечения из этих водорослей те ценные вещества, которые в них содержатся, и получить их в промышленном масштабе.

Поскольку проблема эта имеет большое народнохозяйственное значение, [она] нами поставлена [нрзб.] перед руководством лагеря с предложением развернуть серьезную исследовательскую работу в лаборатории. Кроме того, был сделан доклад по этой проблеме на общем собрании ИТР. Мне как члену бюро ИТР и руководителю культурно-массовой работы среди ИТР пришлось организовать собрание. На нем присутствовали представители администрации. Публика осталась довольная, так как серьезность доклада, научные обоснования и прения несколько, видно, создали необычную атмосферу. Договорились с администрацией, что будем устраивать собрания актива ИТР два раза в месяц для заслушивания докладов.

Поскольку среди актива имеется довольно значительная прослойка высококвалифицированных специалистов по самым разнообразным областям знаний, намечены очень интересные темы для заслушания. На ближайшем собрании ИТР ставим доклад одного профессора¹ на тему «Петр I по Толстому и историческая действительность – сопоставление».

К нам вчера прилетели впервые после закрытия навигации два аэроплана и, вероятно, привезли почту. Буду надеяться, что получу от Вас письмо. Думаю, что и мои два письма январские уже улетели, это третье письмо. Хочется знать, что у вас слышно. Сейчас Москва, вероятно, шумит: полоса съездов². Слышал по радио выступление Решикова, председателя нового Приенисейского Края с центром в Красноярске. Несомненно, прав Решиков, когда утверждает, что в недалеком будущем этот край, развернув свои производительные силы, даст Союзу новые ценности. Действительно, на территории этого края на редкость сконцентрированы самые разнообразные природные богатства. Трудно подыскать другую территорию не только в СССР, но и на всем земном шаре, где бы природа с такой щедростью и так компактно разместила самые ценные в современной экономике и технике сырьевые ресурсы.

Судя по тем сведениям, которыми мы располагаем на Соловках, у нас значительно улучшилась за последний год жизнь, в особенности со свободной продажей хлеба, булок, печенья и т.д. Наши московские булочные, вероятно, изошряются в выпуске ассортимента своих изделий. Спасибо Капочке за ее милое письмо. <...> Целую Вас и Тебя в особенности.

Ваши [Н.Брянцев]

1. Лицо не установлено. О готовящемся докладе на эту тему также сообщает А.Ф.Вангенгейм (см. его письмо жене от 1 февраля 1935 г.).

2. В это время в Москве проходили:

– XVI Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (15–23 января 1935 г.). Съезд отметил успешное завершение плана первых двух лет (1933–34) 2-й пятилетки и обязал правительство создать условия для быстрого развития отраслей местной промышленности и промкооперации. В области сельского хозяйства была поставлена задача полного охвата МТС всех колхозов, завершения сплошной коллективизации на всей территории РСФСР.

– VII Всесоюзный съезд Советов (28.01.1935–06.02.1935).

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

23 января 1935 г.

О. Соловки

Любимая Варя! <...> Аэропланы начали свои полеты, и связь наладилась. Боюсь только, что ближайшие дни эта связь будет нерегулярна, так как погода стоит совершенно неблагоприятная. Вторые сутки метель. Сегодня я хотел пойти в Кремль к 8 часам на занятия по математике, но из этого ничего не вышло, так как снег был выше валенок, дорогу замело без следа, а главное снегом сразу забило очки, и я в метельной темноте ничего не видел. Пришлось вернуться. Пишу последнее январское письмо под аккомпанемент примуса, на котором выпаривается раствор – занятие для него часа на два. В январе я уже послал тебе два письма, а так как мне дано нынче 3 дополнительных, то одно из них я напишу Любе. Видимо, ей живется очень неважно, в особенности из-за холодов. Она никогда не выносила морозов, а тут попала в этакую столицу холода¹. У нас пока что морозы приличные и мягкие. Термометра наружного у нас нет, так что я измеряю температуру по собственным термометрам, а именно: нос начинает увлажняться ниже 5°, усы замерзают около восьми-деяти градусов, а иней на шапке [появляется] около 12–15°. Усы у меня за зиму замерзали два раза, иней на шапке ни разу не было. Топим печи мы с большими промежутками, но дом хороший, старинный, с очень толстыми стенами. Ты безпокоишься, что мне приходится ходить на работу в плохой одежке – напрасно ты, во-первых, такого низкого мнения о ней, во-вторых, переход из жилья в лабораторию происходит по теплomu коридору, и при желании может быть сделан не только в нижнем платье, как мы всегда ходим, но и в одном белье и даже без, без всякой опасности простудиться. Не знаю точно, имею ли я право нарисовать план нашего жилья, но если это дозволяется, то я попробую в одном из следующих писем это сделать, а может быть, для Колькиного удовольствия даже попробую его нарисовать, потому что он очень старый и очаровательный. Если бы можно было бы переправить остров в Черное море, несколько изменить положение к лучшему в отношении независимости, то при

наличии вас я бы был очень доволен таким жилищем. Но и при теперешнем положении нужно признать жилищное положение оптимальным.

Продовольственное положение – скромнее жилищного. Но хлеба хватает и даже остается. Это уже показывает, что о голоде не может быть никакого разговора. Жиров мало, но твои посылки снабдили меня вполне приличным подкреплением. Большую банку с маслом я прикончил уже в 35 году и теперь принялся за банку из-под какао. Особенно сильное впечатление осталось у меня от топленого сала, которое, будучи намазано на хлеб и посолено, было, по-моему, гораздо вкуснее

...Зима тут стоит
мягкая, много снега,
но морозов нет..
Фото В.П.Столярова

сливочного масла. Очень странно, что при наличии северного морского лова рыба выдается наша, волжская, и, к сожалению, вобла. Она соленая в бочке и выдают ее kgr.¹ 5 в месяц на человека. Мы ее жарим и иногда кладем в суп. Выдают крупу, макароны. Крупа ячменная, по-моему, вкусная и питательная, а макароны значительно белее тех, которые выдавались в нашем закрытом распределителе. Пища наша, видимо, питательна, но дает странные акустические эффекты. Так что питательность ее не только видима, но и слышима.

Тебя интересовал вопрос белья и стирки. Рубашка и кальсоны носятся казенные и меняются раз в неделю в бане. Остальное стирается частным образом и меняется несколько реже. Быт тут своеобразный и очень разнообразный. При сравнении с очень многими мы тут живем очень хорошо. Главное – это то, что работа подходящая. Правда, что квалификация не поднимается, скорее немного понижается, но во всяком случае раньше я слишком мало был занят лабораторией, больше занимался вычислениями, ну а теперь больше лабораторией и меньше вычислениями. <...> Некоторое время, около трех месяцев, у нас тут тоже было радио, и я им управлял. Но, к сожалению, сегодня приехали и забрали всю аппаратуру, так что мы лишились музыки и стало как-то скучнее. Публика сидит и читает. У директора² насморк. Он везде с удовольствием вспоминает о Тане и эпохе, когда он руководил Государ[ственным] контролем в эпоху начала Революции. Во всяком случае, для него она представляется девчонкой, а не бальзаковской дамой. А девчонки, как щенки, бывают привлекательны своим любопытством и неопытностью. Поэтому наши воспоминания о ней резко расходятся. <...>

Не знаю, как ты читаешь мои письма. Все ли достаточно разборчиво? Я стараюсь писать совсем четко и достаточно мелко, чтобы полностью использовать законную пис[ьменную] площадь. С большим удовольствием прочел в твоей открытке, что ты вспоминала меня под новый год, потому что я тоже в это же время делал то же самое и вспоминал тебя и Кольку. Так было обидно, что мы не вместе, и что я вроде как бы нахожусь на хранении в кладовой, как ненужная вещь, в то время как я вам-то, во всяком случае, нужен. А через законный

---

¹ Килограмм

срок хранения я боюсь, что буду попорчен молью и, пожалуй, стану мало пригоден. Как бы то ни было, я все-таки полагаю, что консервация не будет настолько продолжительна, как это кажется. Времена, видимо, улучшаются, возможно, что существующая в настоящий момент точка зрения изменится и изменится и существующее печальное положение. Все-таки вспоминать о вас в новогодний канун было и приятно, и в то же время и очень тяжело. Вероятно, и думали мы с тобой в одно и то же время и примерно одно и то же. Даже странное совпадение, у меня заболело плечо, но к моему удовольствию на следующий день прошло. <...>

Мне очень обидно, что нечего написать чего-нибудь очень интересного для Кольки. Чем он увлекается? Как его поэтические упражнения? В его годы я увлекался тоже молотком и гвоздями и начинал читать вывески. А папа подарил мне толстую книгу – дневник, и я вечером рассказывал, что со мной было днем, а папа записывал. Это было месяца два, а потом было заброшено. Но в этой книге остались тоже стихи, сочиненные о корабле и парусах. Подробно не помню. Но как трогательно такое совпадение вкусов и характеров. Нужно сказать, что мое детство протекло в очень хорошей обстановке, боюсь, что Коле придется труднее, чем мне. Но знаю, что та атмосфера любви и ласки, которая окружала мое детство, будет и у сына. Жаль, что я сам выпал из этой атмосферы, а то я помню, что своего отца я чрезвычайно любил и даже слушался. А теперь Колька от меня отвыкает, пожалуй, я стану совсем мифологическим существом. Ну, до следующего письма в феврале. На дворе вьюга, ветер голосит в трубе. У нас светло и тепло. Целую <...> Пиши почаще. Открытку написать недолго.

Р[оман]

Сегодня ночью мне снилось, что я с большим удовольствием целую твои руки.

1. Климат Омской области, где в г. Таре отбывала ссылку Л.Н.Литвинова, суровый, его можно назвать континентальным. Средняя температура января составляет -19° – -20° С, июля $+17^{\circ}$ – 19° . Годовое распределение осадков происходит неравномерно: на севере – 400–500 мм, на крайнем юге области – менее 300 мм.

2. Р.Н.Литвинов говорит о Н.Я.Брянцеве.

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской,
сыну Кириллу

24–25 января 1935 г.

1935.I.24–25. № 8 [а]. Дорогая Аннуля. Написал было я письмо, но заложил его куда-то и не могу найти. Поэтому спешно пишу другое, т.к. завтра (или точнее сегодня) утром последний срок январских писем. Там было также письмо Олечке, начал и детям. Пришлю потом. Собственно писать мне нечего: жизнь однообразна, работа тоже. Понемногу делаю кое что* в лаборатории, но именно кое что*, т.к. нет ни книг, ни условий для исследовательской работы. Здоров. В общем усталость, как у всех, вероятно от невозможности остаться с самим собою хотя бы на короткое время, от отсутствия углубленной работы, от быстрого однообразно проходящего и разбитого времени. От вас давно не имею никаких сведений, беспокоюсь, как вы живете. Постоянно думаю о вас; как хотелось бы помочь вам. Мои мальчики предоставлены самим себе, а им надо было бы сейчас оказывать помощь. Наверное они меня если не забыли, то скоро забудут; ведь жизнь идет своим чередом и несет их изо дня в день. Мне жалко тебя, мою дорогую: тебе со мной досталась тяжелая доля и никаких радостей ни в прошлом, ни в настоящем. Ты не заботишься о своем здоровье, унываешь, меня это особенно беспокоит. Но что я могу сделать со своего отрезанного от мира острова?

Верчусь я целый день, с утра до поздней ночи, но не знаю, много ли из этого проку. То аналитические испытания, то лекции, то уроки, то статьи для стенгазет, то работа по библиотеке, то бессмысленные совещания и заседания, то хождение за обедом или по другим делам. Но все какое-то здесь пустое, как будто во сне и даже не вполне уверен, что это действительно есть, а не видится как сновидение. Позавчера мне минуло 54 года. Конечно, этот день не был ничем отмечен, зачем мне отмечать его без вас? Пора подводить итоги жизни. Не знаю, каков будет суд, признает ли он что ниб.* хорошее за мною, но сам скажу, что старался не делать плохого и злого, – и сознательно не делал. Просматривая свое сердце, могу сказать, что никакого нет у меня гнева и злобы, пусть каждый радуется, как

может. А тебя, моя дорогая, милая Аннуля, крепко целую, кончая это письмо, т.к. уже очень поздно.

Поцелуй за меня моих деток всех. Кланяйся Микиной Кате.

П.Флоренский

Дорогой Кирилл, часто вспоминаю тебя, особенно когда поздно вечером ложусь спать. Вспоминаю с болью, что огорчал тебя, не входя в твой возраст и требуя того, чего ты не понимал. Дорогой мальчик, как бы мне хотелось – не исправить прошлое, которое уже прошло и неисправимо, – а скольконибудь* возместить тебе его. Мне хотелось дать вам в наследство честное имя и сознание, что ваш отец всю жизнь проработал безкорыстно, не думая о последствиях своей работы для себя лично. Но именно из за* этого безкорыстия я должен был лишать вас удобств, которыми пользуются другие, удовольствий, естественных в вашем возрасте, и даже общения с вами. Теперь мне грустно, что вместо какой-либо пользы для себя в настоящем за все мое старание, вы не получаете и того, что получает большинство, несмотря на жизнь их родителей ради самих себя. Моя единственная надежда на сохранение всего, что делается: каким либо*, хотя и неизвестным мне путем, надеюсь, все же вы получите компенсацию за все то, чего лишал я вас, моих дорогих. Если бы не вы, я молчал бы: самое скверное в моей судьбе – разрыв работы и фактическое уничтожение опыта всей жизни, который теперь только созрел и мог бы дать подлинные плоды, – на это я не стал бы жаловаться, если бы не вы. Если обществу не нужны плоды моей жизненной работы, то пусть и остается без них, это еще вопрос, кто больше наказан, я или общество тем, что я не проявлю того, что мог бы проявить. Но мне жаль, что я вам не могу передать своего опыта и, главное, не могу вас приласкать, как хотелось бы и как мысленно всегда ласкаю.

В январе я писал тебе, но не знаю, дошло ли мое письмо. О том, как я живу, узнаешь из письма к бабушке. Крепко целую тебя, дорогой. Надо кончать письмо, очень поздно и я валюсь от усталости.

Конверт (162×115 мм) стандартный, белый, маркированный. Штемпели: Рабоче-Островск – 07.02.35; Загорск – 10.02.35.

*Замечание по списку
7/11-2008*

ОПИСАНИЕ ГЕРБА
РОДА ДВОРЯН
Ф Л О Р Е Н С К И Х
(МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В ЧЕРВЛЕННОМ ПОЛЕ РЫЦАРЬ В СЕРЕБРЯНЫХ
ДОСПЕХАХ, ПРОНЗЕННЫЙ ТАКОВОЮ ЖЕ СТРЕЛОЙ,
ОПИРАЮЩИЙСЯ ЛЕВОЙ РУКОЮ О ЗЕЛЕНЫЙ ЩИТ,
ОБРЕМЕНЕННЫЙ ЗОЛОТЫМ ДРЕВОМ.
ЩИТ УВЕНЧАН ДВОРЯНСКИМ КОРОНОВАННЫМ
ШЛЕМОМ. НАШЛЕМНИК: СЕРЕБРЯНАЯ О ПЯТИ
ЛЕПЕСТКАХ РОЗА С ЗОЛОТОЮ СЕРДЦЕВИНОЙ
И ПЯТЬЮ ЗЕЛЕНЫМИ ЛИСТЬЯМИ.
НАМЕТ: ЧЕРВЛЕННЫЙ С СЕРЕБРОМ

ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕР

[Signature]
С. В. ДУМИН

Дворянский герб Флоренских
Разработал П.А.Флоренский, вырезал для экслибриса В.А.Фаворский. 1922 г.
Архив семьи Флоренских

Священник Павел Флоренский.
Фото В.П.Флоренского. 1927 г.
Архив семьи Флоренских

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области, Пионерская ул., д. 19. Анне Михайловне Флоренской». Чернила фиолетовые.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. I-ая колонна, Иодопром*. Список № 1. Доп. письмо № 3».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «10 февраля 1935 г.».

Письмо на двойном листе (285×210 мм) пожелтевшей бумаги в линейку. Чернила фиолетовые.

Р.Н.Литвинов – Л.Н.Литвиновой

24 января 1935 г.

О. Соловки

Милая Люба. Получил твое письмо <...> спешу ответить. Во-первых, спасибо за то, что пишешь почти без надежды на ответ. Во-вторых, за заботы обо мне. Поскольку ты скептически относишься к моим описаниям жизни и к тому, что у меня приличное настроение, то приходится несколько подробнее описать, как и почему. Как живу и почему я в среднем доволен положением. Так как ты уже имела удовольствие путешествия по этапу, то, конечно, понимаешь, что самое ужасное в жизни лагерника – это постоянный контакт с уголовным элементом. Я попал сюда после длительной этапной одиссеи – через Полоцк, Витебск, Кемь и Попов Остров, так называемый Морсплав. Всюду приходилось попадать в общество такого рода, что было абсолютно противно. Потом понемногу начинался процесс отстаивания и удаления в общество более приличное. На Соловках я начал карьеру сторожем на огородах. Работа не трудная, но паек голодный. После охраны лагерной собственности и жизни в плохо устроенном бараке я перешел на работу в химическую лабораторию и на жительство в комнаты при ней. Это в двух километрах от Кремля. Заведует ею инженер¹, родом из Лодзи, окончивший Варшавский Политехникум. Живем мы совершенно изолированно от всего лагеря, попадая в Кремль, или в библиотеку, или на доклады в Инж[енерно-]тех[ническую] секц[ию], или в каптерку за продуктами.

Работа интересная. Некоторое однообразие анализов компенсируется тем, что в связи с недостатком некоторых реактивов приходится изобретать новую методику. Запланирована

Люба и Роман Литвиновы. Конец 1890-х гг.
Фото С.Б.Рахалевского. Архив семьи Литвиновых

большая работа проблемного характера, которая будет начата по получении разрешения извне. Тогда работа будет еще интереснее.

Жилищное положение я тебе уже описывал в письме прошлого месяца. Дом великолепный, старинный, уютный и теплый. Питание удовлетворительное. Некоторый недостаток в жирах, но Варя подслала масла, так что с этим пополнением пищевой режим очень неплох. Недостаток мяса в моем возрасте полезен.

О климате писать мне положительно неловко. Дело в том, что за всю зиму пока что было только два дня настоящего мороза. Один день термометр снизился до 18° , а другой до 15° . Остальное время мороз около 5° , немного больше, немного меньше, так что я своего теплого пальто почти и не ношу, а применяю как дополнение к одеялу, когда в комнате прохладно, а это бывает на трети сутки после топки, так как печку мы топим через три дня в четвертый, а в лаборатории через пять дней в шестой. Правда, самый холодный месяц – февраль еще впереди. По надежным метеорологическим данным (за 50 лет) средняя температура февраля -11° . Зато снегу тут чрезвычайно много. Вчера вечером я вышел из дома, чтобы пойти на занятия кружка по высшей математике. Была такая вьюга, что я вернулся, не пройдя и 20 шагов. Снег сразу залепил очки, а сугро-

Комната в Келейном корпусе, где в 1930-е гг. была лаборатория Йодпрома.
Фото П.В.Флоренского.
2002 г.

бы были выше колен. Утром, выйдя пилить дрова, я увидел, что козлы для пилки дров засыпаны снегом. Все наше жилье расположено на берегу озера, а кругом лес, вроде парка. К дому ведет длинная березовая аллея. В Кремль идет дорога еловым лесом. Осенью мы набрали очень много грибов. Поели мы их больше чем досыта, а кроме того засушили главным образом опенка, так что и посейчас едим суп с грибами. Живем мы мирно, при мне была только раз маленькая стычка. Можно работать, читать, потому что библиотека тут, пожалуй, лучше горьковской, с очень обширным иностранным отделом, так что я в свободное время занимаюсь своим любимым наркотиком, т.е. английскими романами. Когда запас их окончится, то можно взяться за французские, а если срок придется отбывать тут полностью, то в резерве существует немецкая лит[ература]. С горя можно изучить и персидский язык, так как у нас часто бывает один образованный перс, у которого на всякий случай жизни есть цитата из Гафиза или Саади.

Таким образом, ты видишь, что житье тут по существу не хуже, чем на свободе, с точки [зрения] удовлетворения основных моих запросов. Я всегда и на воле любил простую жизнь, которая с особой простотой тут и течет. Главный минус – это разлука со своими. <...> Во-первых, Варя уж очень хороша и с ней мне жилось так, как надо жить. Во-вторых, моя, самого меня удивляющая любовь к Кольке. В Кеми я совсем не мог смотреть на детей его возраста без тумана в глазах. Мне все время страшно за них, хотя Варя и очень деловая женщина, а кроме того бабушка поразительна. Редкий и надежнейший человек. Вот эта беспомощность по отношению к семье и является самым страшным наказанием. Ты спрашиваешь, за что? Не знаю, полагается ли об этом писать, но я полагаю, что статью и пункты можно назвать: ст. 58 п.п. 8, 10 и 11. Каким образом они связаны со мной? По-моему, неправильно, потому что ни по одному из пунктов я не грешил. Поэтому я и полагаю, что в соответствующее время можно будет начать кампанию за свою реабилитацию. Жаль, что и ты попала вместе со мной в эту кашу и, судя по твоим письмам, в еще более крутую и в условия более суровые. В настоящий момент хлопоты пока преждевременны, но я считаю, что конъюнктура должна к весне улучшиться. Сам я думаю пока что не подавать никаких

заявлений и прошений, подожду лета, а к тому времени многое выяснится. Не знаю, придется ли полностью высидывать срок, но даже с законными скидками (зачеты) выходит очень много. Если я буду так долго сидеть, то мало ли что может случиться. Ты через два с небольшим года будешь свободна. Мне хочется попросить тебя при планировке своего дальнейшего устройства иметь в виду племянника, потому что как-то хочется, чтобы мальчишка рос не только в чисто нижегородской среде. Если бы удалось поскорее опять жить с семьей! Но поскольку это от меня не зависит, то и вздыхать нечего. Об этом и писать, конечно, зря, но переписать письмо некогда, потому что завтра последний срок подачи писем, а сейчас уже поздно. Поэту несколько слов об обществе.

Общество тут очень смешанное, в значительной мере неинтересное. Высокой интеллигенции чрезвычайно мало. Есть инженеры, но крупных тоже нет. Женщин мало и они очень неинтересные. Поэтому отдаление от общей жизни скорее приятно, чем неприятно. Уголовный элемент, как и везде, отврати-

Лагерные охранники.
1920-е гг.
Фонды СГИАПМЗ

телен, хотя его и не так много, но зато экземпляры первоклассные. Люди очень часто производят впечатление неврастеников. Работы летом идут главным образом в сельхозе. Овощи родятся хорошо, до огурцов включительно, хлеба не дозревают, но их все-таки сеют на корм скоту. Тут первоклассное скотоводство, коровы – великолепные аристократки, свиньи, подобные куче жира. Есть лесные разработки, но в очень скромном масштабе, рыболовство, охота на тюленей и добыча йода из водорослей. Вот этот процесс, видимо, можно значительно усовершенствовать. У нас составилась бригада по разработке этой темы, был сделан доклад на собрании ИТР, и резолюция пошла выше. Если удастся эту работу проделать и получить хоть половину того, на что можно рассчитывать, получатся прибыли порядка миллионов зол[отых] руб[лей] и создание единственного в Республике производства. Все-таки будет реальный памятник соловецкого сидения.

Ну, желаю тебе всего лучшего. Пиши, и при наличии дополнительных писем я тоже буду писать.

Крепко тебя целую.

Роман

Только что получил письмо от Вари, где она просит меня написать тебе за счет дополнительного письма.

1. На острове, оторванном от материка, немного было событий, о которых заключенные могли без опаски написать родным, поэтому в их письмах разным адресатам нередко встречаются повторы. Здесь один из таких случаев: Р.Н.Литвинов говорит о Н.Я.Брянцеве (см. комм. 4 и 5 к письму Н.Я.Брянцева от 17 октября 1934 г.). В связи с ограниченным количеством разрешенных писем он был вынужден сестре писать реже, чем жене.

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

24 января 1935 г.

№ 38. <...> Живу в тепле, усиленно борюсь за свежий воздух в камере, для чего чищу и мою, и соседа – уборную, сделал в ней форточку, добиваюсь чистоты от посетителей. Во многом преуспел. Последние дни приходится работать очень усиленно.

Почтовая марка,
выпущенная к 10-летию
со дня смерти В.И.Ленина.
Худ. Н.Г.Боров, Г.С.Замский,
И.А.Ганф. 1934 г.

Аэроплан привез газеты. Первую партию разбирал и распределял до 4 час. ночи, а следующую – в следующую же ночь до 7¹/₂ ч. утра, затем подготовка к Ленинским дням – библиотечная выставка, рекомендательные каталоги, тезисы и пр., подготовка к VII съезду¹. Сегодня закончил работать в третьем часу ночи. Но все это скоро минует, и мы войдем в норму. Между прочим для библиотеки сделал на стекле тушью портрет В.М., окруженный красными знаменами, а внизу иллюстрации достижений соц. строительства – Днепрострой², химзавод и пр. Позавчера сидели до 5 ч. утра за окончанием годового отчета ввиду спешного требования.

<...> Говорила ли ты с Н.К. о рукописи по педкабинету³? Валяется где-то, когда в ней нуждается все московское учительство.

Слушаю теперь радио, избегая концертов. Знаю о погоде у вас. А у нас – сильные ветры, вьюги, особенно вчера, намело очень много снега, но особо сильных морозов не было. Да, потерянный год! Если я, видимо, кому-то мешаю в Москве, я мог бы этот год использовать на организацию где-нибудь колхоза. Ведь у меня есть опыт работы в деревне. Мог бы провести его где-нибудь на полярной станции. Все же был бы смысл. А сейчас – абсолютная бессмыслица, ничему и никому не нужная. <...>

1. Речь идет о VII съезде Советов СССР, состоявшемся в Москве с 28.01.1935 по 06.02.1935.

2. На Днепре, в г. Запорожье, в 1927–1932 гг. была построена 1-я очередь гидроэнергетического узла, ДнепрогЭС, мощностью 650 МВт.

3. Рукопись о педкабинете была выслана Варваре Ивановне в письме № 16 в августе 1934 г., но до адресата так и не дошла.

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, детям Ольге,
Михаилу, Марии-Тинатин

22 января – 4 февраля 1935 г.¹

Соловки

«Днепрострой. Общий
вид нового города».
Почтовая карточка,
изд. ИЗОГИЗ. 1932 г.
На переднем плане
лагерные бараки,
окруженные несколькими
рядами колючей
проволоки

1935.I.22. Соловки. № 8 [б]. Дорогая Аннуля, несмотря на ожидания, до сих пор не получил от тебя письма; впрочем еще не теряю надежды, т.к. первые аэропланы привезли, говорят, много почты и с раздачей ее вероятно здесь не справляются в короткий срок. Но давно уже не знаю, что делается у вас. В настоящее время я живу в большой комнате², со всеми рабочими и служащими Иодпрома*. Комната устроена нарядно, но при таком скоплении людей заниматься невозможно. Работаю по прежнему* над добычей иода*, размышляю и понемногу готовлюсь к постановке работы по использованию водорослей. Не знаю, состоится ли эта работа, но, если бы и состоялась, она не заменит исследования* мерзлоты и льдов, начатого на БАМе.

1935.П.4. Получил сегодня твое письмо и отвечаю на вопросы. Посылок я получал много, но не знаю сколько, уже забыл. Не знаю также, которая была от А.С.¹, так что не знаю, дошла ли она; кажется дошла. Поблагодари его за внимание ко мне и к вам – от моего имени. Открытки А.И. получаю, вероятно аккуратно, т.к. получил их много.

Не беспокойся, что Мик делает ошибки, это пройдет; но при случае отмечай ему, что написал он неправильно и почему. Его грубиянство тоже пройдет, я в Мике уверен, поэтому потерпи, не раздражайся и не огорчайся. Старайся приучать их играть побольше, пусть играет в 2, в 3, в 4 руки, пусть фантазирует, пусть прислушивается к чужой игре, все это разовьет его и вызовет интерес. При случае кланяйся В.И.³ и вырази мое сожаление о кончине Ек. Ив. Никаких посылок мне пока не присылай, у меня еще хранятся запасы присланного и их негде хранить. Брюк мне тоже не надо, есть. Одеядло есть; вообще все нужное, кроме вас, у меня есть, и пожалуйста обо мне^{II}... Очень жалею о болезни мамы, кланяйся ей от меня, пожелай скорого и полного выздоровления. Я был бы очень рад, если бы ты хоть изредка бывала в театре на пьесах, которые тебе интересны. Дети пишут с ошибками от рассеянности*, которая происходит вследствие напора мыслей. Но это естественное явление возраста и роста и беспокоиться о нем нечего.

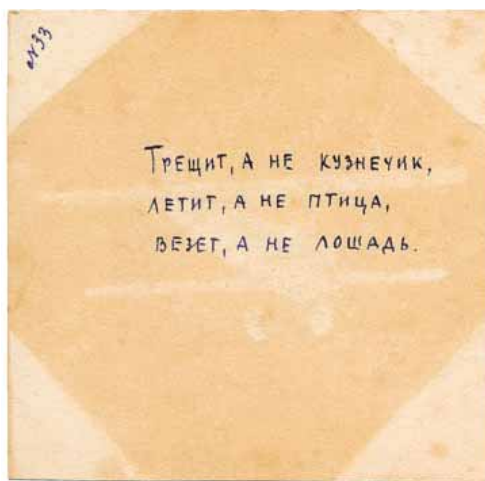
Загадка об аэроплане.

Рис. А.Ф.Вангенгейма.

Архив Э.А.Вангенгейм

I Лицо не установлено.

II Фраза оборвана.

Вещей Баха, которую¹ слушали мальчики на концерте, я не знаю, но, думаю, они должны быть величественны, как все у Баха.

На Олино письмо уже не отвечаю, негде. Надо Олю беречь, она находится в таком возрасте, когда бывают особенно чувствительны ко всяким толчкам жизни, поэтому старайся не сердиться на нее, когда она делает что не так, как надо.

Все время думаю [о] вас, моя дорогая Аннуля, и живу вашими письмами. Но писать о себе мне нечего. Мелочи сообщаю детям, более важного ничего нет, живу изо дня в день, с утра до ночи и часть ночи в какой-нибудь работе. Ложусь не ранее 2 часов, днем сплю иногда, но не каждый день.

Тут хорошая баня и бывает часто. Меня беспокоит, что мальчики наверно бывают в бане редко; это во всех отношениях нехорошо и надо устроиться им с этим делом, особенно Васюшке.

Ты пишешь о пушистых деревьях в саду. Тут тоже они покрыты белым пухом, хотя и нет московских морозов. Все время тепло, трудно поверить, что находишься под 67° широты.

Письма приходится писать так отрывочно, что они, вероятно, лишены смысла. Но писать иначе сейчас невозможно, перечитывать написанное – тоже нет времени, а главное – охоты, т.к. самому противна такая безсвязность. Крепко целую тебя, моя дорогая Аннуля. Будь здорова, старайся не переутомлять себя, распределяй работу между всеми.

Поблагодари А.И. за память обо мне.

Сегодня мне сделали замок на чемодан, а неск. дней тому назад починили его – после Кеми он был совершенно разбит.

1935.I.22. Дорогая Олечка, получила ли ты то письмо, в котором я тебе писал кое-что о Тютчеве? Я читаю теперь Расина и наслаждаюсь им. Сегодня, прочтя «Ифигению в Авлиде», и под обаянием этой трагедии я развернул, в ожидании поверки, нашей ежедневной вечерней поверки, «Фауста» Гёте и был поражен, насколько «Фауст» груб и неприятен после Расина. Правда, надо добавить, что Расина я читал в подлиннике, а Гёте – в переводе, огрубляющем и стирающем тонкую

¹ Так в тексте. Вероятно, *которые*.

Жан Расин.
Гравюра. XVII в.

ритмику подлинного Гёте. Скажу несколько слов о Расине, м.б. тебе будет интересно. Прежде всего удивительное построение трагедий, – конечно это все таки* не античное построение, но по своему* совершенное. Вся трагедия монолитна, нет спаек, склеек. Действие непреклонно идет вперед, не отвлекаемое ни археологическими подробностями, ни бутафорией, ни побочными мыслями, чувствами и словами. Поэтому нет остановок, бесполезной повествовательности, все целеустремленно. Это – чистая динамика, без мертвых и неподвижных вещей. Второе, на что обращается внимание, можно было бы назвать, как это ни странно для

придворного поэта, своеобразная внеклассовость или впечатление внеклассовости. Оно объясняется тем, что действуют исключительно цари и герои; простые же смертные еле упоминаются и служат лишь бледным фоном. Таким образом все действующие лица между собою равны, а с прочим миром никак не соприкасаются и следовательно своих отношений к нему не проявляют. Третье, на что хотелось бы обратить твое внимание, – это чрезвычайная смелость поэта. Его посвящения коронованным особам полны внутреннего достоинства, а его произведения, написанные для придворного театра, должны были служить уроками, нравоучениями и обличениями двора. Удивительно, как позволяли ставить на сцену подобные трагедии. Далее, чистота и прозрачность Расина, отчасти напоминающая моцартовскую музыку, хотя без игривости и детской ясности Моцарта. Нет ничего пошлого, тяжелого, мажущегося. Построение, словно кристаллы, возносится ввысь. И наконец, хотя и однообразная, но полнозвучная и острая ритмика стиха, при точном, математически точном языке, в котором нет ни одного слова лишнего, приближительного, наудачу поставленного.

Вот, дорогая, все письмо ушло на Расина. Впрочем, я не знаю о чем писать, ведь моя жизнь однообразна, день как другой, не только делать что-нибудь, но и думать некогда и негде.

1935.I.29. Неск. слов относительно твоих вопросов (письма я получил на днях и одно сегодня). Анна Каренина мне тоже не представляется ясной в целом. Очень ярки отдельные черты,

но они мелькают как в кино, но целостный образ и особенно внутреннее развитие А.К. не выступают наглядно. Правда, читал я Толстого очень давно и помню его плохо.

Относительно тебя. Постарайся бывать побольше на воздухе. Боюсь, что головные боли и тяжелое состояние отчасти происходят от недостатка свежего воздуха и от переутомления. «Природа лучшая очистительница». Можно сидеть в комнате много дней без толку и какой-нибудь час в природе даст понять то, чего не понимала раньше. Мысли и понимание растут и зреют, как растения; не надо слишком ковыряться в них. Терпеливо ожидая, когда мысль созреет, получишь ценное, а вымучивая мысль рискуешь попасть в *кажущуюся* ценность, которая будет только обременять сознание и, ненужная сама, не давать роста нужному. Главное, не торопись и спокойно взирай на свой собственный рост; не теряй времени зря, но вместе с тем не упреждай роста: все придет в свое время. Крепко целую тебя, дорогая. Напишу еще в сл. раз по другим вопросам, тобою поставленным. Пришли мне рукопись или копию поэмы «Оро».

Иллюстрация
к трагедии Расина
«Ифигения в Авлиде».
Гравюра XVIII в.

1935.I.29. Дорогой Мик, ты прислал мне очень красивый рисунок ландыша, к которому подлетает бабочка и подползает гусеница. Мне нравится, как ты изобразил жилки листьев. Очень жаль, что ты не сумел найти ничего о Фарадее (надо писать Фарадей, а не Фородей). Но ты не забывай моего поручения и, когда удастся, познакомься с его жизнью.

1935.I.30–31. Сейчас ночь, 2 часа. Сажу в лаборатории⁴, т.к. сегодня пустили первый раз на испытание сконструированный мною аппарат для осаждения и фильтрации иода*. Это большой чан с двумя фильтрами, электрически движимый мешалкой и трубой, снабженной вентилятором, а также с другими приспособлениями. До сих пор осаждение велось вручную, в бутылках. Это было трудно для рабочих,

У фортепиано.

Слева направо:

А.М.Флоренская,

Оля Флоренская,

Н.П.Гиацинтова,

П.А.Флоренский, Тика

и Мик Флоренские.

Загорск.

Фото В.П.Флоренского.

Ок. 1930 г.

Архив семьи

Флоренских

а главное – очень вредно, так [как] выделяются обильные пары брома, окислы азота, пары кислоты, пары иода*^{*}; от них невозможно дышать и здоровье сильно разрушается. А кроме того и процесс осаждения и фильтрации, тоже ручной, не мог быть поставлен правильно. Изготовленное здесь, руками наших рабочих по моему чертежу, приспособление действует хорошо: запаха почти нет, усилий прилагать не надо, все идет само собою и требует лишь присмотра. Мне было жаль как порчи здоровья рабочих, так и порчи иода*^{*}, и потому я занялся этим делом. Надеюсь, теперь дело пойдет хорошо. Для моего приспособления, ввиду малости помещений, пришлось сделать отверстие в потолке и часть аппаратуры расположить на чердаке, и устроить люк в полу, чтобы расположить в вырытой яме под полом фильтрационную систему. Таким образом аппарат занял, можно сказать, три этажа.

1935.И.2. Аппарат оказался действующим как следует и как было мною рассчитано*^{*}: качество иода*^{*} весьма повысилось,

расход на материалы понизился, никакой вони нет и работать с ним легко.

1935.П.4. Эти дни я употребил время на продолжение работ по использованию аппарата, который описывал тебе ранее, а также на другую работу – по производству нитрита натрия, т.е. азотистокислого натрия NaNO_2 , т.к. у нас не хватило его в производстве иода*, а получить с материка сейчас невозможно. Нитрит я приготовил сегодня, из селитры, т.е. азотнокислого натрия NaNO_3 , сплавляя его со свинцом. Тогда получается азотистокислый натрий и окись свинца по реакции $\text{NaNO}_3 + \text{Pb} = \text{NaNO}_2 + \text{PbO}$. Происходит это около 400° . По остывании расплава его кипятят с водою, чтобы выщелочить нитрит. Раствор нитрита отфильтровывают и выпаривают, а окись свинца смешивают с углем и прокаливают. Тогда, по реакции $2\text{PbO} + \text{C} = 2\text{Pb} + \text{CO}_2$, восстанавливается свинец, который идет на новую варку. У меня выход нитрита получился ок. 37% от селитры и в 45% от теоретической, т.е. по реакции.

Сегодня получил твое письмо. Очень приятно, что ты учишься хорошо, а еще приятнее знать, что играешь. Мне очень хочется, чтобы ты научился играть, тем более, что я на своем опыте знаю, как тяжело не уметь играть.

Ты интересуешься зверями. Тут водятся лисицы, разведены песцы, которые бегают свободно по острову; недавно на аэроплане привезли 6 чернобурых* лисиц для разводки. Видимо им был неприятен запах бензина, шум и тряска, так что одна из них укусила руку высаживавшего ее из самолета. Волков и медведей тут нет. Разведены олени. Начинали разводить гагу для пуха, так как прежняя гага истреблена или почти истреблена. С весною налетает множество чаек. О других зверях напишу в следующем письме. Крепко целую тебя, дорогой мальчик. Заботься о мамочке и о Тике.

Поцелуй Васю и Киру.

Дорогая Тика, очень скучаю я по своей дочке и думаю, как она растет без своего папы. У нас тут, все время почти, тепло и было только 2–3 дня немного холодно. Тебе было бы как раз бегать на лыжах здесь, но когда нет ветра. Олечка спрашивала меня, отчего вода при замерзании расширяется (на 9% своего наименьшего объема, т.е. при $+4^\circ$). Сделай ей подарок и

известно уже давно. Но материалов так много,
 что людям приходится одредотать кто, а кто попер-
 хности, а кто, там свелоли это мы, хотя и сдвиги
 дни и ночи на дичи. Те перь а чмем зматся
 систметическим изучениа рзультх формации
 льда и прирств. Кдв формации чет чет поппа
 кели, но мчеша чмем, зю прирств кто змат-
 только удлинитъ поппа, когдм мн протвмса
 по колвдм.

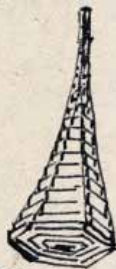
Табличная форма

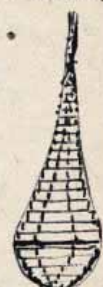
То же

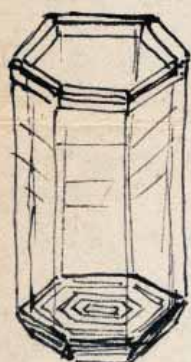
Ромбовидная форма

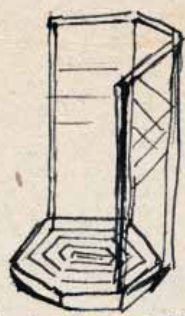
Бипирамидальная форма с плоскими гранями

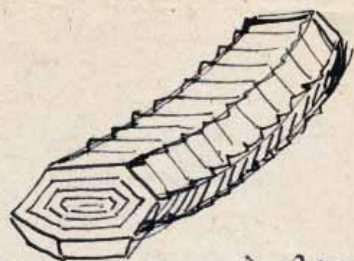
Бипирамидальная форма с изогнутыми гранями

Столбчатая форма

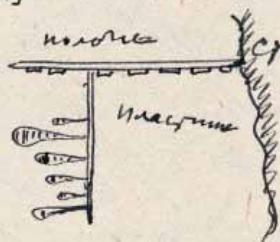
Форма шпиро-отверстия

Форма желобчатая

Форма дендритная

Сложная комбинация кристаллов

Целью работы, а именно,
 познания с точки зрения
 П. Флоренского

объясни ей вот как: вода есть смесь *трех тел*, или даже большего числа, но эти три особенно важны. А именно:

моногидрола, или паровых молекул, состава $(\text{H}_2\text{O})_1$
дигидрола, или водных молекул, состава $(\text{H}_2\text{O})_2$
тригидрола, или ледяных молекул, состава $(\text{H}_2\text{O})_3$

Все эти три тела находятся в том, что мы называем *водою*, при любой температуре и давлении, но в различных количественных соотношениях. При изменении условий (температуры, давления, примесей различных посторонних веществ) количественное соотношение изменяется, т.к. одни тела частично переходят в другие. Чем ниже температура, тем меньше моногидрола и тем больше тригидрола. Напр. при 100° ледяных молекул в воде, кажется, около 14%, а при 0° их уже 57%. Но такое содержание тригидрола дает раствор тригидрола в дигидроле насыщенный и потому при дальнейшем понижении температуры тригидрол начинает выкристаллизовываться – вода замерзает. Когда же часть тригидрола выкристаллизовалась и, значит, удалена из раствора, по законам химического равновесия часть молекул моногидрола и дигидрола превращается в тригидрольные и они снова кристаллизуются. Таким образом замерзает вся вода. Теперь: молекулы тригидрола построены более рыхло, чем дигидрольные и следовательно плотность их меньше, чем у последних. Поэтому тригидрол обладает меньшею плотностью, чем дигидрол, и, значит, при превращении дигидрола в тригидрол объем должен увеличиваться. Чем больше тригидрола, тем менее плотна вода. Но с другой стороны идет нормальный процесс сокращения тел от охлаждения: сокращаются в объеме и дигидрол и тригидрол, как и все тела. Пока увеличение объема от роста числа тригидрольных молекул отстает от сокращения объема этих тел от охлаждения – вода сжимается. Но ниже 4° , хотя все составные части воды сами по себе и продолжают сжиматься, однако количество тригидрола так быстро возрастает, что уменьшение плотности уже перевешивает сокращение объема от охлаждения, и потому вода начинает расширяться, особенно же при самом замерзании. Итак, помни, милая Тикулька, в самом горячем чае есть лед и что если ты ешь горячий суп, то это вроде мороженого*, хотя и горячего.

Безпокоюсь о бабушке. Пожелай ей скорого выздоровления и кланяйся ей от меня. Поцелуй Аню и скажи, что напишу ей в следующий раз, а теперь некогда и негде, занята уже вся бумага. Кланяйся дяде Васе и тете Оле. Крепко целую тебя, дорогая Тика. Позаботься, чтобы щечки твои были розовые и круглые и не забывай своего папу.

Конверт (162×115 мм) стандартный, белый, маркированный, с информационным текстом на обороте. Штемпели: Рабоче-Островск – 18.02.35; Загорск – 21.02.35.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области, Пионерская ул., д. 19. Анне Михайловне Флоренской». Чернила синие.

Надпись внутри конверта на клапане: «Павел Александрович Флоренский. I-ая колонна. Основное письмо».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ. 21 февраля 1935 г. день рождения Оли».

Письмо на двойном листе (365×225 мм) пожелтевшей нелинованной бумаги. Чернила фиолетовые. Часть письма (четверть двойного листа), адресованная Ольге Флоренской, была аккуратно отрезана, ныне хранится с основным письмом.

1. Это письмо было начато еще в январе, но отправлено как основное в феврале по причине, объясненной самим П.А.Флоренским. Поэтому составители сочли необходимым нарушить хронологию расположения писем. По той же причине получилось, что два письма (от 24–25 января 1935 г. и 22 января – 4 февраля 1935 г.) пронумерованы № 8.

2. Большие камеры работников Йодпрома располагались на третьем этаже бывшего келейного корпуса у Никольских ворот.

3. В.И.Лисев – один из изобретателей карболита (диэлектрика, который в первые после революции годы заменил дорогостоящий импортируемый бакелит). Некоторое время работал директором завода «Карболит». В 1920 г. он пригласил П.А.Флоренского работать в располагавшемся в Москве правлении завода «Карболит». В эти годы П.А.Флоренский жил у В.И.Лисева по адресу: Москва, Большая Спасская, д. 11, кв. 1 (по рукописи воспоминаний Е.В.Апушкиной о П.А.Флоренском).

4. Центральная лаборатория. Подробнее см. комм. № 5 к письму П.А.Флоренского от 8–18 февраля 1935 г.

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

1 февраля 1935 г.

№ 39 <...> Тяжело было узнать про смерть Куйбышева, ведь я его знал лично. Хороший был человек. Узнал про его смерть

по радио в половине первого ночи на 26-е и в течение ночи заготовил с товарищами для библиотеки траурный портрет на стекле и траурную витрину из вырезок газетных и брошюр самого В.В.

Сейчас готовим материал для лекции о «Петре I» А.Толстого ко дню РККА¹. Вообще добиваемся оживления работы библиотеки. Немного нерегулярные мои личные работы по математике часто прерываются. <...>

1. 23 февраля отмечался день создания Рабоче-крестьянской Красной Армии (День РККА – с 1918 по 1946 официальное наименование Вооруженных Сил СССР). 15(28) января 1918 Совнарком принял декрет о создании Рабоче-крестьянской Красной Армии, а 29 января (11 февраля) – декрет о создании Рабоче-крестьянского Красного Флота (РККФ) на добровольных началах, декреты были подписаны председателем Совнаркома Лениным. И все же изначально 23 февраля праздновался как день рождения Красной Армии в честь победы под Нарвой и Псковом над кайзеровскими войсками. (В документах того времени нет слов «немецкие» или «германские» войска, а только «кайзеровские»: видимо, в интересах пролетарского интернационализма и по аналогии с «царскими» войсками).

С 1922–23 гг. ежегодно 23 февраля отмечался как День Красной Армии. С 1946 года он стал называться День Советской Армии и Военно-Морского флота и ежегодно отмечался в СССР как всенародный праздник, в ознаменование всеобщей мобилизации революционных сил на защиту социалистического Отечества, а также мужественного сопротивления отрядов Красной Армии захватчикам.

После распада СССР 23 февраля переименован в День защитника Отечества.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

1 февраля 1935 г.

Остров Соловки

Милая Варя! Прошел еще один месяц на острове и наступил февраль, имеющий то преимущество, что в нем только 28 дней, и тот минус, что он считается самым холодным месяцем на Соловках. Пока что зима была очень милостива. За все время термометр опускался ниже 15° только три раза и держался там очень недолго, всегда меньше суток. Зато снег падает без всякого стыда и лежит на уровне верхушек заборов. Дни

становятся заметно длиннее, хотя ночь пока что господствует. Звезды видны в виде исключения, так как небо обыкновенно закрыто облаками. Еловый лес, если бы его сфотографировать, можно было бы напечатать в любом журнале в качестве иллюстрации к рождественскому рассказу. Дней 5–6 тому назад я видел опять северное сияние. О первом, виденном мною осенью, я тебе уже писал, но это второе совершенно поразительно. Представь себе четверть неба, покрытой облаком полупрозрачных паров, и что эти пары светятся фосфорическим светом, таким, как светится в темноте стрелка компаса (который на бинокле). Нельзя сказать, чтобы этот свет освещал дорогу, но небо светило и переливалось желто-зеленоватым призрачным блеском удивительной красоты. Пожалуй, это было самое значительное событие последних дней. Почта работает как будто исправно. Аэропланы летают довольно часто, но писем я получил меньше, чем указано в последней полученной мною от тебя открытке <...>

В истекшем месяце я приобрел в ларьке все, что полагается по карточке: т.е. 250 гр. сахара, что-то в этом же количестве конфет, 700 гр. селедки, 5 восьмушек махорки, курительной бумаги, совершенно мне не нужной, а кроме того, по ударному списку 1 kg творогу и 1 kg повидла. Возможно, как ходят слухи, что в ларьке будут продавать коммерческие конфеты, но откуда их возьмут, очень загадочно. Разве что привезут по воздуху.

В одном из прошлых писем ты спрашивала, не послать ли мне денег. Из списка, приведенного мною, ты видишь, что денег девать почти некуда, так как, кроме написанного, в ларьке можно покупать туалетное мыло, пудру, пуговицы, спички и кое-какую посуду. Следующий источник расходов – парикмахерская. Но <...> я перестал бриться, а стригусь очень редко, по торжественным случаям, вроде жениных именин. Таким образом, ты видишь, что в нашей счастливой земле деньги не имеют большого применения. Деньги, которые должны перевести из Горьковского бывшего ГПУ, – это остаток тех 50 руб., которые я сдал в момент посадки в подвал. Осталось 30 руб., которые рано или поздно они переведут сюда на мое имя и которые я могу получить по частям. Еще ты интересовалась воздушной почтой в отношении посылок. О них известно следующее: вообще их принимают, и некоторые получили пись-

Жилой дом (бывший лагерный барак). Фото Г.В.Смирнова. 2009 г.

ма, что им посланы аэропосылки, но пока что не слышал, чтобы кто-нибудь их получил. Говорят, что вес их ограничен и тариф очень дорог. На днях поговорю с заведующим почтовым бюро и дам полную информацию. Пока что мне, в сущности, ничего не надо. Запаса жиров мне, при моих темпах, видимо, хватит на два месяца с лишком, сахара тоже, а запас круп почти не расходуется. Мука тоже не тронута. Вермишель варил один раз. Видимо, что самое важное – это жир, сахар и табак. Главный враг – это курение. Подумываю, не бросить ли, но как-то не хочется расхотеть волю на бросание. Говорят, что первые дни это очень мучительно. Я как-то попробовал день не курить – совсем одурел, в ногах появилась какая-то неустойчивость. Вечером, после первой трубки, все это прошло. Здоровье мое неизменно в хорошем состоянии. Видимо, монашеский климат и режим оказывают благотворное влияние. Относительно «увлечения» пилой и колкой дров, то оно, по-моему, идет мне определенно на пользу. По крайней мере, физически это очень при-

Соловки. Заготовленные на зиму дрова.
Фото Г.В.Смирнова. 2009 г.

ятно. Приятно быстрым шагом идти по лесной дороге, приятно, когда из-под пилы брызжут опилки, приятно, когда под ударом колуна разлетается толстый кругляш. Дрова тут совершенно особенные. Ель или сосна толщиной в 18–20 сантиметров имеет возраст в 250–300 лет. Древесина мелкослойная, и так как места тут очень ветреные, то древесина почти сплошь свилеватая, т.е. скрученная винтом. Такие колоды приходится колоть клином и молотом. Если бы не дрова и не хождение в Кремль, было бы тяжело сидеть на чисто кабинетной работе. А воздух тут великолепный. Говорят, что он очень влажный, что и не удивительно, так как всякий ветер с моря, а ветер неизменно присутствует. У нас, в лесу, он мало дает себя чувствовать, но на окружающих Кремль полях прохватывает здорово. Шапка, которую ты послала, великолепна. Лучше ее ничего нельзя придумать. Согревает отлично. Перчатки достал, т.е. рукавицы, и применяю их в основном при заготовке топлива. Вообще же предпочитаю ходить без них, засунув руки в карманы или рукава, так, как делал в Нижнем.

Как ни странно, но по Нижнему я как-то не скучаю, а скучаю только по тебе и Кольке. Очень обидно, что не пришлось видеть, как он растет, и что ты живешь полувдовой и главой семейства, неся все хлопоты и труды и получая очень скромные радости. Но в то же время обида получается еще большее оттого, что знаешь, что, в сущности, ничего не можешь сделать, чтобы помочь делу и ускорить течение времени. Правда, иногда утешаешь себя мыслями, что, во-первых, от судьбы не уйдешь, во-вторых, что могло быть и хуже, и, в-третьих, что выявление истинных врагов может значительно улучшить положение мнимых. К сожалению, с тех пор, как у нас сняли радио, мы лишены связи с остальным миром и не знаем, что делается. Газеты поступают довольно своевременно, но как-то не хочется их читать, потому что приходится ходить для этого в библиотеку, а там последние номера всегда читаются. Книжки я почитываю и прочел около трети английского запаса. Тут кое-кто разговаривает по-английски, и я, видимо, начинаю понимать их совсем легко. Занятия по высшей математике, которые доставляли мне большое удовольствие, начали проходить с перебоями, но, видно, должны наладиться. С конца февраля я буду опять преподавать на курсах трактористов

технологии горючих и смазочных веществ. Не знаю, какой будет уровень слушателей. Курс-то очень знакомый. Вот видишь, как мирно течет моя жизнь – даже писать как будто и не о чем. Зато с жадностью ждешь писем из дома. Иногда и не нужно быть в Кремле – а все-таки пойдешь узнать, нет ли писем. Так у всех, вернее, почти у каждого. При встречах почти всегда первый вопрос – давно получали письма? И как это ни странно, но сколько бы лет ни сидел человек, всегда кто-то ему пишет и о нем помнит. Видимо, люди лучше, чем о них принято думать. Правда, бывают драмы, после которых уже не принято спрашивать о письмах из дому, но я знаю только два таких случая.

Скажи Коле, что мне очень нравятся его стихи о петухах и курицах, и что я прошу его сочинить стихи для меня. Расскажи ему, что к нам на аэроплане привезли 6 черно-бурых лисиц и выпустили прямо в лес, а одна глупая лисица, когда ее выпускали, укусила того, кто ее выпускал, в руку. Лисицы были очень недовольны тем, что на аэроплане плохо пахло бензином, а на острове в лесу нет квартир и некого ловить на обед. Но им хотят ловить ворон, а вороны хитрые и не ловятся. Свернули фунтики из бумаги, смазали клеем края, положили внутрь приманку – ворона клонула и приклеилась и ничего не видит. А другая – хватить за кончик фунтика и стянула его с носа приятельницы. И обе улетели.

Ну, пока я писал – намело столько снегу, что завтра утром придется прочищать путь к дверям, а то не выйдешь. Видно, завтра или послезавтра поедем за пайком. Его, говорят, довольно заметно увеличили, так что ожидания самые радужные...

Варенька! Пиши, как вы живете, какие цены на базаре, что есть в магазинах, а главное, о себе. Знаю, что это трудно – передать свое «Я» на бумагу, но мне хочется совершенно невозможных вещей, хочется вложить в конверт свою душу, чтобы она прибыла домой и побыла с вами. А тут без нее можно обойтись довольно свободно. Я, как видишь по почерку, изменил свой характер к лучшему. Решил разработать себе новый почерк и, кажется, забыл свой старый. Напишу несколько слов старым почерком. Целую тебя, любимая, самая любимая Варька. Верю, что еще увидимся и поживем как надо.

Р[оман]